

REVUE

1986

21

Вече

Независимый русский альманах

21

Шестой год издания

Главный редактор О. А. Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ

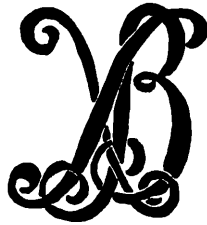
© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1986

München

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо Президенту США Р. РЕЙГАНУ	5
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	
И. А. Ильин - Мировые причины русской революции	7
В ЗАЩИТУ РОССИИ	
В. Вулич - Русская история - кариатура и действительность	11
Трибуна «ВЕЧЕ»	
Е. Валин - О „русском коммунизме“	43
В. В. - Лжецы	55
Игумен Геннадий - Приписки к “соловьевiane”	63
А. Вербов - О писателе Аксенове и „пьющем народе России“	75
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	
Ф. Кирхгоф - В Ставке Верховного Главнокомандующего	87
Н. Нефедов - Украина в 1918 году	107
ИЗ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ	
П. П...н - Память и др. стихотворения	125
К ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ	
Владимир Самарин - Настоящее и прошлое	137
ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ	
Н. Кусаков - Откуда эта догма?	157
К 1000-ЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ	
И. В. А. - По родным местам	189
Ю. Вахтель - О первых христианах на территории России	207
НЕО-ИНКВИЗИЦИЯ	
В. Д. Соколов-Самарин - Показательные процессы в США	215
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ	229
О. Поляков - Несколько слов...	231

*Христос Воскресе!
Воистину Воскресе!*

*Подписчиков
и друзей альманаха
«Вече»
сердечно поздравляю
со Светлым Праздником
Воскресения Христова!*

О. Красовский

Его Превосходительству
Президенту Соединенных Штатов Америки
Рональду Рейгану

25 Марта 1986 г.

Ваше Превосходительство! Господин Президент!

Без одного года 20 лет томится в советских тюрьмах, лагерях и ссылке замечательный русский патриот, человек недостижимой нравственной высоты и исключительной стойкости, христианский демократ **ИГОРЬ ОГУРЦОВ**.

Все годы его несправедного и мучительного заключения русское зарубежье, рассеянное по всему свету, в лице нашей Православной Церкви, общественных организаций, Конгресса Русских Американцев, нашего Комитета предпринимали огромные усилия, чтобы спасти больного, измученного, но не сломленного узника – нашу совесть!

Конгрессом США, 27-го июня 1984 г. была единогласно принята резолюция № 294, рекомендующая обратиться к Советскому Союзу с просьбой разрешить **ИГОРЮ ОГУРЦОВУ** эмиграцию на Запад без отказа от своих убеждений. 16-го декабря 1985 г. была принята Сенатом США аналогичная резолюция.

С отчаянным призывом о помощи обращалась к свободному миру мать ИГОРЯ ОГУРЦОВА. Писатель Александр Солженицын, видные французские, немецкие, итальянские, бельгийские и другие представители правительственных, культурных и общественных организаций требовали его освобождения. Но все тщетно.

Недавно, в феврале 1986 г., Вы, Господин Президент, совершили замечательный поступок. Вы содействовали освобождению Анатолия Щаранского, известного еврейского активиста-правозащитника.

Мы обращаемся к Вам от имени миллионов русских на родине, лишенных голоса, а также от имени русских, находящихся в эмиграции с настоятельной просьбой, призывая помощь Божию, употребить весь Ваш авторитет и только Вам доступное влияние, для освобождения, фактически уже отбывшего весь срок, 20 лет! ИГОРЯ ОГУРЦОВА. Дата ареста - 15 февраля 1967 года.

Да поможет Вам Господь на Вашем многотрудном и судьбоносном поприще.

С глубоким почтением и уважением.

Комитет Спасения Игоря Огурцова, ФРГ

И. А. Ильин

Мировые причины русской революции

З а к л ю ч е н и е *

Мне совершенно ясно, что в полуторачасовой лекции **невозможно** исчерпать мировые причины русской революции. Можно только вкратце указать на основные. Поэтому я сознательно ограничил свою задачу.

Я выделил только **духовные** причины – рассматривая русскую революцию прежде всего как духовный процесс. Я указал три основные особенности, характеризующие духовную атмосферу культурного человечества за последний век: поколебалось **религиозное чувство**, поколебалось **правосознание**, чувство права и государства, поколебалось чувство и **идея собственности**. **Три великие кризиса** – в скрещении и сплетении которых живет современное человечество. И эти **три кризиса** я наметил лишь коротко; в каждый из них надо исследовательски углубиться, каждый из них требует целого курса лекций.

*В конце февраля 1931 года проф. И. А. Ильин приехал в Ригу для чтения ряда публичных лекций. Первая его лекция была посвящена мировым причинам русской революции. В архиве проф. Ильина сохранился карандашный текст краткого „Заключения“ к этой лекции, который мы тут и воспроизводим. (Упомянутая в тексте „завтрашняя лекция“ проф. Ильина была на тему „Русский национальный характер и его исторические корни“).

Печатается впервые. Публикация Н. Полторацкого. Courtesy of Michigan State University Libraries' Special Collections. Copyright © 1986 by Nikolai P. Poltoratzky.

Современный человек захвачен изнутри катящейся через его душу волною безрелигиозности, неуважения к праву, разнуздания в политике, охлаждения к своей родине и странного, своеобразного отношения к собственности, которое выглядит сверху как разочарование в собственности, а внутренне остается разновидностью завистливой жадности. Исследовательская полнота требовала бы, чтобы к этому были добавлены указания на кризис семьи, морали и так называемого научного мышления.

Вся эта ментальность в ее совокупности – есть порождение **западно-европейской культуры**, которая вступила в пределы России в готовом и зрелом виде. Дух безрелигиозного социализма и противорелигиозного революционного коммунизма отнюдь не есть произведение русской духовной культуры, или русского народа, или России в целом. Этот дух заразивший и отравивший русскую душу, – ввезен, заимствован, рецептирован с Запада. Эта болезнь была нам **привита** на протяжении нескольких десятилетий – и беда в том, что необходимых противоядий или как бы духовных антитоксинов у нас оказалось **недостаточно**. Прививка этой болезни состоялась тем легче, что русский человек (в силу ряда свойств, о которых я буду говорить подробно в завтрашней лекции) – весь 19-й век ждал от Запада нового откровения с тем, чтобы принять его всерьез, как нечто идеальное, окончательное, и немедленно фанатически осуществить его в максимальном масштабе.

Русский человек всегда ищет рецепт спасения, методы жизненного обновления, чтобы страстно уверовать в него и деспотически навязать его своим собратьям; он ищет целостную, духовно-телесную **панацею**, чтобы темпераментно служить ей и насаждать. И предметом такой панацеи для него может быть все, что угодно – вегетарианство, непротивленчество, позитивизм, гомеопатия, какао Ламана, фуфайка Егера, ланкастерское взаимное обучение, интернационализм, неокантианство, социализм, нигилизм, Пикассо, опрощение, анархия, много-

женство – и особенно **всяческое отрицание**. Русскому человеку присуща страстная заражаемость идеологией, которую он превращает во что-то вроде нетерпимой религии. Так заразился он и этой современной идеологией духовного кризиса – отрицанием собственности, права, родины и веры. Согласно этому русская революция есть попытка навязать первобытной и наивной душе русского полуинтеллигента, рабочего и крестьянина – душевно-политический уклад западного пролетария, стилизованный в духе злобы, коммунизма и нигилизма.

Волна этой душевной заразы просачивалась к нам уже несколько десятков лет – и вливалась во все личные щели и социальные каверны нашего уклада и организма. У нас в России религиозность еще не превратилась в национально воспитанный характер – и западное безбожие могло захватить нашу интеллигенцию и отравить нашу душу. Наше правосознание не было еще укоренено и развернуто в систему верных учреждений – и западная революционность заражала нас. Чувство собственности не было еще упрочено в крестьянской массе – и идеи захвата, погрома, передела говорили душе наших масс. А тут пришла война – которая была выношена и подготовлена на Западе, в формах соответствующих западной **организованности, западной подготовке**, технике и интенсивности – и **не** соответствующих нашему укладу и нашей подготовке. Трещины превратились в овраги, а в овраги хлынула мутная и ядовитая волна застоявшегося на Западе болота – **безбожия, революционности и коммунизма**.

Нерусский мир подготовил ту отраву, ту заразу, ту болезнь – в которой ныне изнемогает Россия. И с каким-то слепым и тупым упорством, с какой-то погибельной жадностью – тот же нерусский мир заботится и радеет о том, чтобы помочь этой болезни надеть личину здоровья – вооружить безумца для подготовляемого им мирового буйства – развязать сумасшедшего на погибель всем остальным народам.

Нам не дано пророчески предвидеть события; но нам

дано исследовать и ставить социально-исторический диагноз. И из этого диагноза нам надлежит делать выводы для настоящего и будущего. Миру нужна **новая религиозность, новое правосознание, новое понимание и признание частной собственности**. И чем скорее мы выносим в себе самих эти три новых источника духовного здоровья – тем скорее прекратится мировое буйство и мировой бред.

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

В. В у л и ч

Русская история – кариатура и действительность

„История Святой Руси. Представленная и иллюстрированная 500-ми прекрасными изображениями Густавом Доре“.* Под таким названием переиздан недавно западно-германским издательством Бертельсманн, альбом рисунков, долженствовавших „представить“ историю России...

Альбом впервые появился в 1854 году, во Франции. Непосредственно после начала Крымской войны. Целью его было вооружить французов, психологически, против русских, и поднять их воинственный дух. По окончании войны – книга была скуплена правительством и с полок книжных магазинов исчезла.

„Крымская кампания была воспринята в Западной Европе как крестовый поход против русского деспотизма“, – по аттестату теперешнего немецкого издателя книги.

Русофобство в Европе, в частности во Франции, было особенно обострено в начале XIX века. Питало его – историческое унижение Франции в 1812 году.

„Гротескные искажения истории“, – писали о книге Доре позднейшие историки. „Искажения“ – мало сказать; просто от истории ничего нет.

* „Historie vom Heiligen Russland. Erläutert und illustriert mit 500 herrlichen Bildern von Gustave Dore“

Издатель, сейчас: „Хроника Г. Доре – во всяком случае не острее тогдашних выступлений в печати **К. Маркса**.“ – **Вот и мерка!** Отсюда можно и исходить. Мнения Г. Доре сходятся с мнениями такого „объективного благожелателя“ России, как Маркс. Именно он обращал пристальный и очень неблагоприятный взор на Россию и ее историю. А перед Крымской войной – запугивал мир „русской угрозой“.

Вторым изданием, после французского, появилась книга в Германии, перед приходом Гитлера к власти. Геббельсу – пришлось очень по вкусу. Но, несмотря на эту лестную аттестацию, ее оставили лежать на складе, как „про-большевистскую пропаганду“. Потом часть тиража сгорела при бомбежке Лейпцига, а что осталось – было из страха, сожжено перед вступлением советских войск.

*

Доре. Да, тот самый Доре, с которым с детства были мы знакомы по иллюстрациям к Мильтону, Данте (часто еще до того, как умели читать). Сейчас смотришь, перелистываешь этот альбом; в общем – в стиле Вильгельма Буша, и если не прочесть подписей (того же вдохновения, что и рисунки), то неясно – иллюстрирует он Бальзака или сказку Дюма-отца „Каша графини Берты“. Да и внимание привлекают к себе даже и не бойкие рисунки, но патологическая ненависть, пронизывающая весь альбом из пятиста изображений. Ненависть к России – стране, и России – народу. К исторической России и историческому народу. Художник отдает столько времени и труда изображению страны, в которой он никогда не был, и людей, которых он никогда не видел и не знал.

Все крайне глупо, плоско. Подписи – скучны, не оригинальны, и даже как **потуги** на остроумие, бессодержательны. Даже приняв, что жанр политической карикатуры – вещь обычная и „узаконенная“, – поражает монументальный объем: 500 рисунков! Бесвкусица и пошлость в

пятиста экземплярах, которой не скрасит никакой талант, и не может также оправдать.

*

Вряд ли книга будет иметь широкое хождение. Поэтому – кратко о ее содержании.

Начинается с наидревнейших времен. Произошли русские – от нежной дружбы моржихи и медведя. А новорожденное дитя, сразу с дремучей бородой (хотя и без балалайки) и очень смахивает, почему-то, на Карла Маркса.

Происхождение русского народа

Далее идет концентрат исторических событий, представленных вещественно, как из рога изобилия: варварами, медведями, кольчугами, кнутами, виселицами, копьями, шлемами, отрубленными головами, руками и ногами. Бороды, свиньи, разного рода пытки (в веселом и юмо-

Поле битвы. Нужен был новый князь, но нельзя было найти целого

ристическом освещении), орудия пыток, цепи, кнуты и кандалы. А больше всего - копий, щитов и стрел.

При созерцании бутафории, представляющей русскую историю в книге Доре, вспоминается, как во время появления фильма „Александр Невский“, Эйзенштейна, один знакомый, известный и талантливый театровед, наде-

ленный тонким чувством юмора, определил этот фильм кратко, как „бой топоров с ведрами“.

Безгранично-веселый, задорный юмор... Вот показывается поле брани, где воины **изрублены в куски**. Весельчак-автор подписывает: „Надо было выбрать нового князя - и нельзя было найти **целого**“ Как смешно, правда?

Сын Изяслава, большой шутник, перед тем как покинуть поле боя, заметил своему отцу, что дальше править тот мог бы только в очень разорванном состоянии

Что, например, Дикое Поле было поистине русской кровью пропитано! Может быть, даже Демьян Бедный помедлил бы, при „комическом изображении“ Варфоломеевской ночи. Или - сожжения Жанны Д'Арк...

Русскость представлена изобильно и преимущественно бородами. Самоваров, правда, нет, вероятно, за давностью лет, показывающих, монопольно и исключительно, дикость и варварство. Когда произошел первый самовар, на потребу и утеху представителей западного „искусства“, история не сообщает. Поэтому „партитуре“, с ее „scherzo appassionato“ (как видим, бывает и такое!) пришлось обойтись без самоваров.

Забавы бояр

Щедро отдана дань западному представлению о России и о ее жизни. Ведь вот, даже в „боевике“ „Доктор Живаго“, балалайка, как атрибут, появляется несколько раз, в одном кадре – даже в монастыре! Был когда-то немецкий исторический фильм „Павел Первый“. Императрица Мария Федоровна показана была так: в сарафане на кринолине, с двумя косами, которыми она мела пол, беспрестанно кланяясь в пояс. Привелось, уже в Германии, видеть фильм „Распутин“. Все фрейлины двора, без различия возраста, бегали толпой и впрыпрыжку за старцем. Одеты же они были как лебеди в „Лебедином озере“. Белые, прозрачные туники, сильно выше колен, и вдовавок спадающие с плеч. При этом, разумеется, босиком; так, как принято это было при русском дворе. Выглядело все это, примерно, как в американском музыкальном представлении „О! Калькутта!“, реклама которого годами не сходила со страниц «Нового Русского Слова». А еще, в заключение этого краткого отступления о западной куль-

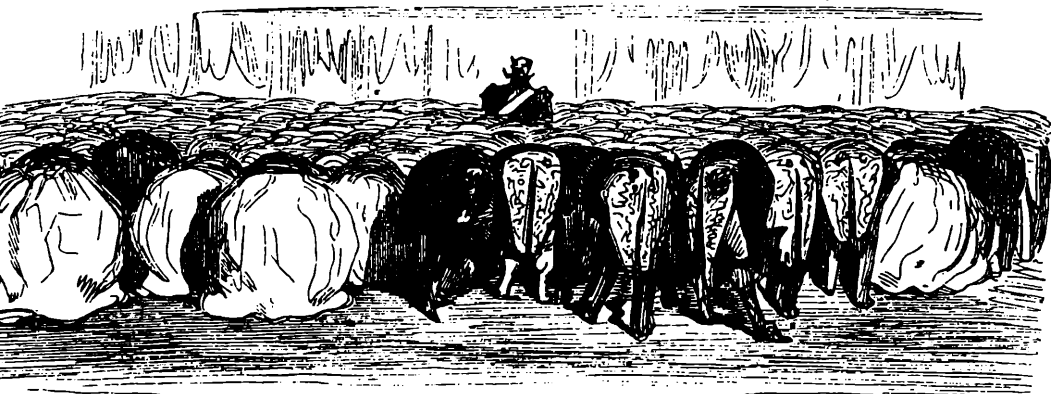
туре: привелось услышать в Германии утверждение – „Пушкин? Так это – водка...“ (И в самом деле есть такая! На этикетке изображен Евгений Онегин, опирающийся на плечо медведя, в руке – бутылка водки. Очень тонко!).

Но, назад, к вдохновляющей на отступления книге. Петр Первый, занимается исключительно тем, что рубит

Гостеприимство Петра I

головы за столом, всем приглашенным. Екатерина Вторая – в обличи судомойки и с глупейшей физиономией, пишет мемуары. Александр Первый – полосует кнутом, с первого дня своего правления, всех своих подданных. Николай Первый (глупый) на десяти страницах разговаривает с боярином (умным). Подписи – крайне бездарны и скучны, да еще и в стихах.

Придворный бал во дворце у Николая I

Придворный бал. Николай Первый, великан-микроцефал, стоит среди моря согнутых спин, представляющих русское высшее общество. Николай-микроцефал, с тараканьими усами, на досуге: в кругу придворных дам, крайне дородных и в дезабилье. Стайками и группами они вокруг него, на диване, на полу, и даже - в гамаках, свешивающихся с потолка. Одна из дам в гамаке, лилейной рукой крутит царю ус.

Николай I на досуге

Вообще, Николай Первый представлен богато: в виде рака, в виде воздушного шара, в гареме, в виде паука, морского чудовища, под водой и в воздухе...

А вот, еще рисунок, уже из эпохи Крымской войны. Лагерь казачьего войска. Но не спят бородатые казаки, а трясутся от ужаса. Потому что, при свете луны, их заячьё воображение рисует им рослых, сильных, непобедимых французов...

В конце же - коронный номер альбома. Рисунки, связанные с 1812 годом. Даже немецкий издатель, любитель юмора, замечает, что чести они Доре не делают.

Детское пугало русских, которого французы не боятся

И действительно, истинную брезгливость вызывает бесвкусица их. Например, статный, рослый француз забивает в рот, жалко скрючившейся фигуре с лицом кретина (держа фигуру за голову), большие цифры: 1812. По сапогам, эполетам и орденской ленте можно узнать все того же Николая Первого. И подпись: „Так, старый друг, наконец-то можешь ты переварить твой 1812-й, который ты так долго для нас разжевывал.“

Героические французские солдаты расправляются с русским царем

Но и это еще не все. Издатель, в особой сноске, считает долгом привести „утраченный в факсимиле Доре“ текст, гласящий: „Жаль, что с них (русских) нельзя просто содрать кожу...“

Этим (для гурманов из гурманов?) кончается книга. Что о ней можно сказать? **Не стоит слов.** Поставим выразительное многоточие...

*

Историческая аналогия. В 1891 году вышла в Америке книга некоего Джорджа Кеннана „Сибирь и система ссылки“. Автор побывал в России и решил „правдиво“ изложить свои впечатления. Именно на эту пасквильную книгу удивительно похож альбом Доре.

Дж. Кеннан критиковал русского царя и русский народ. Писал о деспотизме, притеснениях, каторге. О „низкой культуре русского народа и о жестокостях царского правительства“. Он разъезжал по Америке, выступая публично, в костюме каторжника и в кандалах, и вооружая несведущих людей против России. Вот те теперь бы продемонстрировать так систему ссылки! Где вы, современные писатели, чтобы показать методы и условия современных ссылок? Вот бы вам, правдецы и гуманисты, поле деятельности! Как говорится – и карты в руки! Да еще, чистые козыри. Так, – нет желающих! Только одиночки, как Сартр, рвались в тюрьму, само собой разумеется – не коммунистическую, чтобы проявить „личный героизм“ и „солидарность“. Трудно удержаться, чтобы не добавить – солидарность с глупостью!

Писал Кеннан и о жестокостях суда в России. И это, после реформы Александра Второго, превратившего русское правосудие в самое гуманное и либеральное в мире! При этом, Кеннан ничего не говорил об условиях в американских тюрьмах, как Синг-Синг. Или о французской каторге на Гвиане. Или о свежем отмененном рабстве в Америке и о торговле рабами, чего в России никогда не было!

Говорил Кеннан и о „захватнической политике“ и „агрессивно-захватнических войнах“ России, почему-то умалчивая о всех **поистине** захватнических политиках и войнах европейских государств.

При этом знаменательно, что **именно!** Россия помогла падению рабства в Америке. В 1863 году, во время войны Севера с Югом в Соединенных Штатах, Россия послала туда балтийскую эскадру под командованием контр-адмирала Лесовского, и тихоокеанскую эскадру под командой контр-адмирала Попова. Обе эскадры были встречены ликованием американского населения. Президент Линкольн посетил флагманский корабль контр-адмирала Лесовского. Русский флот оказал большую моральную поддержку Америке и удержал Англию и Францию от интервенции. Американский историк Мозей пишет: „Русские прислали свои суда в тот момент, когда падение Соединенных Штатов было почти что решено и интервенция уже готова /.../ Русские моряки помогли победам Америки и предотвратили интервенцию, и крах самого государства“.

*

Русофобия... История зависти, ненависти, страха и мелкодушия, неблагодарности, многовековых политических обманов, продаж, преследований личной выгоды, а все вместе – величайшая историческая **недальновидность**, приведшая к угрозе катастрофы. Политические события часто только внешнее выражение содержания времени. А внутренние пружины и механизмы, как адские машины. Глубоко скрыты, часто и на столетия.

Россия до 1917 года, никого не обманывала, международная политика ее была честной, слово не расходилось с делом. **Эту** Россию – потеряли, при непосредственном **участии, безучастии и ротозействе** окружающего мира. **Значение** этой катастрофы не было тогда осознано никем в полной мере. А еще меньше – последствия этой катастрофы для всего мира. Из катастрофы локальной,

сейчас она делается, на наших глазах, катастрофой глобальной.

Уже столько раз в истории Запад был жестоко наказан за свои превратные представления о России. И всегда находятся снова силы, которые эти инфантильные, превратные представления питают, ложной информацией. Иногда – это просто глупость. Но в других случаях – дело политики, которая, предположительно, основывается все же на каких-то разновидностях ума. Но вот, именно от такого ума – бывает и горе.

*

Мы очень мало думаем о нашей истории. А это нужно. Потому что только история дает нам объяснение того, что сегодня происходит. И с миром. И с нами.

Из сравнительной истории России и Запада – можно вывести синтез фактов, и „ведущий“ их смысл. Он являет себя с непреложностью из применения самой простой логики анализа, и логики „футурологической“.

Не нужно так понимать, что в России был рай на земле – было только стремление к нему. Несовершенное, как все на земле, но м. б. более совершенное, чем в другом месте.

2

История России была историей монархии. Православной монархии, в отличие от абсолютизма Западной Европы. Создание государства началось с крещения Руси. Православие было объединяющей идеей. Русский народ создал самую образцовую и гуманную государственность в невероятно трудных географических условиях, к которым присоединялись иностранные нашествия.

Русская православная монархия была системой учреждений, где царь подчинялся мнению народа. Россия московского периода стояла, организационно, выше всех ей современных государств. Самостоятельность церкви,

народное представительство, суд присяжных, гарантия неприкосновенности личности.

Страну строили не рыцари, не норманны, но: открывали – Дежневы и подобные им; строили – Строгановы и Демидовы, позже – Гучковы, Рябушинские и Стахеевы; защищали – Александр Невский, Минины, Пожарские и бесконечная плеяда русских героев.

За последние 400 лет своей истории Государство Российское вынуждено было вести тяжелые изнурительные войны (Швеция, Польша, татары, турки, немцы, французы). Почти все противники перешли в категорию десятиразрядных государств...

*

Неразрывно связана Россия была с народным православием. Русская вера была живой верой, жила в душе народа, и шла путем отдачи души. Отсюда – все своеобразие православия.

Исторический инстинкт народа проявился, главным образом, в принятии им веры в то, что мир духовный управляет миром физическим, что в глубине **выбора** человека – кроется и его судьба. Что свобода – именно в этом выборе, и только она дает силы сопротивления злу. Этим можно объяснить все победы русского человека на историческом его пути. Победы и свершения, превосходящие человеческие силы.

Отсюда главный фронт борьбы против России – борьба с русским национальным **сознанием**.

Именно та **связь** с метафизическими **основами** бытия, которая так ясно обозначила себя в русском сознании с самого начала русской истории, которая вела, доколе она существовала, Россию ввысь, – будучи оборванной, обусловила гибель и разгром и государства, и всей жизни народа. Привела – к озверению... Куда ведет безрелигиозное государство ясно показывают примеры государства „коммунистического“ и гитлеровской Германии.

И: стержнем образования России было **единение**. И – **объединение**. Раздробление на уделы привело к татарскому порабощению. Иго татарское было сброшено, когда народ объединился вокруг Москвы. Основой русской государственности была **общность**. Интересов, самозащиты, духа. Царь был символом объединения и ведущей власти. Опустение Престола воспринималось народом как бедствие.

Хочется напомнить удивительные слова раннего Белинского: „**В Царе наша свобода...** эта власть никогда не была абстрактной и **произвольно-случайной**, потому что она всегда таинственно сливалась с волей Провидения и разумной действительностью... Мы имеем право быть горды нашей любовью к Царю...“

*

Великие нужды народа и великое воодушевление в борьбе за их преодоление давали и великие результаты. Москва боролась одновременно с Диким Полем на юге и востоке, с Швецией на севере, с Литвой и Польшей на Западе. Задачи защиты себя со стороны Азии и выхода к свободному морю, определили содержание русской истории. Это была бесконечная и упорная борьба. На Куликовом Поле был нанесен первый сильный удар Орде. Еще сто лет проходит в борьбе за удержание позиций. Наступление на Дикое Поле. Взятие Казани и Астрахани.

Враг отвечает нашествиями и опустошениями. В 1571 году хан Девлет-Гирей нападает на Москву, сжигает ее. Гибнет 800.000 человек. Но удерживается Казань и Астрахань. А через 100 лет русские доходят до границ Китая и до берегов Тихого океана.

Москва победила Дикое Поле, тысячелетие разорявшее все вокруг. Победа над Диком Полем была оплачена обильной русской кровью.

*

На протяжении веков Россия была защитницей Европы, начав с того, что приняла на себя все удары татарских орд.

Почти все войны России были оборонительными. Шведы были разбиты под Полтавой. Французы были разбиты под Бородиным и на Березине. Поляки вторглись в Смоленск, Москву, Киев. Турки все время нападали на Россию, втягивая ее в войны. И – две великие войны с Германией.

Во время татарских орд Россия воевала против всей Азии. Во время Наполеона – против всей Европы. И победила.

Ни у одного народа в истории никогда так дружно не пытались выбить почву из-под ног, как – у русских.

*

Российская Империя. Российское объединение в Империю было объединением прогрессивным И – добровольным. Это не было объединение с целью подавления или материальной выгоды. К Российской Империи привел сам ход вещей в истории. И она стала эквивалентом, противовесом всей Европы.

Любят говорить сегодня о „драконовских методах русификации“. Но сегодня, такие методы кажутся методами детского сада...

Еще 100 лет назад, на юге и западе США правительство платило за скальпы индейцев... Приблизительно в то же время, завоеванные кавказцы – Лианозовы, Монташевы, Гукасовы – делали свои миллионы на русской нефти, из русских – не сделал никто. Завоеванный князь Лорис-Меликов был премьер-министром России... Все это никак не похоже на политику „нац-меньшинств“ в США и Канаде. В Конго или на Борнео. Все это никак не похоже на политику Англии в Ирландии, или Швеции в Финляндии. Англия, завоевав Ирландию, ограбила ирландцев до нитки, превратила все население страны в полубатраков.

Россия обладает открытостью по отношению к другим

культурам. Россия умела преклоняться перед достижениями других. И – бескорыстно. Россия никогда не имела чувства национального тщеславия. Русский народ открыт, восприимчив, широк и щедр. И именно эти качества могли бы способствовать тому, чтобы вывести человечество из „лабиринта всеобщей отчужденности и душевного холода“.

*

Очень любят говорить о „специфической жестокости“ русской истории.

Но жестокость была свойственна всему средневековью, да и только ли средневековью? И Европа была здесь, конечно, все „рекорды“. Западная Европа: инквизиция, религиозные войны, борьба протестантства и католицизма.

Приговором от 16 февраля 1568 года Святейшая Инквизиция осудила на смерть **всех** жителей Нидерландов, а герцог Альба вырезывал целые нидерландские города.

В Англии архиепископа Томаса Беккета, борца за церковные свободы, убили зверски прямо в Кентерберийском соборе...

Вся политическая история мира – история войн, зверств и жестокостей. Без исключения. „Гуманных“ войн – просто не было. И можно говорить только о том, „больше“ жестокости или „меньше“.

*

Россия, раскинувшаяся от Новой Земли до границ Индии, От Балтики и до Тихого океана, была опасна Западу. Перед Первой мировой войной в Россию была отправлена немецкая экономическая миссия. Начальник ее, видный специалист по экономике, дал заключение: государственное и экономическое развитие России обеспечит ей в ближайшем будущем небывалый рост, в

результате чего она выйдет в самый первый ряд государств и станет **непобедимой**.

Можно предполагать, что это было одной из причин, развязавшей антирусские силы в Первой мировой войне. Россию решили „сдвинуть на запасный путь“. Русская революция была не революцией национальной. Но концепт ее и финансирование принадлежат тем же антирусским силам. Сегодня, все это подтверждает большое количество документов.

В XX веке Россия шла семимильными шагами по пути либерализации. Но Николай II был тесно окружен, в тесном кольце: обмана, предательства, измены.

„Классический“ термин: отсталая Россия. Но вот сегодня, когда видятся воочию **результаты** деятельности **передовых** стран, является вопрос: в чем истина? Провалы парламентаризма, духовный упадок, бесперспективность, – не путь ли это в провал и гибель? Слишком многое об этом говорит.

И думается: какой исторической формы достигла бы „отсталая“ Россия, если бы не вмешался ряд факторов, обусловивших ее крушение? Видится, что Россия нашла бы в себе силы **все превозмочь** и подняться, преодолев все болезни, разлагавшие в последнее столетие огромное ее тело. И вывезти на свалку все „хрустальные дворцы“, которым дано было привести к „зияющим высотам светлого будущего“.

*

Каждая история имеет свои „силовые поля“. Силовое поле русской истории было заряжено служением. Государству, национальной идее, справедливости, этическому закону.

Все историческое бытие России, как государства, настолько отлично от западных мерок, что европейцы (за малыми исключениями людей типа Гердера, В. Шубарта) просто не могли понять ни основ, на которых русское государство зиждилось, ни психологии русского человека,

ни сущности русского самодержавия. Того, что оно было с и м в о л о м специфического русского понимания жизни. Ни русского понимания идеи власти – как нравственного долга, служения.

Молитва царя при короновании: „Буде сердце мое в руку Твою, еже все устроить к пользе врученных мне людей и к славе Твоей, яко да и в день суда Твоего непостыдно воздам Тебе слово“.

Народ устами Первосвященника Православной Церкви, помазующего Царя, молится: „Умудри и настави Его непоползновенно проходить великое сие к Тебе служение. Даруй Ему разум и премудрость“.

„У русских не было собственной души“. Краснеешь душой за Шпенглера. Даже такой титан мысли воспользовался этим бедным западным штампом!

Фомируются – только **навыки**. С **характером** же рождаются. Определение Шпенглера, что-то вроде „сухая вода“. И присоединяется сюда, излюбленное „доказательство“: **влияние** Византии, **наследство** Византии... Но без своего лица, своего характера и с в е й души, совсем бы **не пришло** к образованию Российской Империи. И русские – всегда упорно от „наследства“ Византии отказывались.

Истоки русской государственной идеи – славянское единство. Это чисто русская идея, выросшая логически из живой русской истории. Русская Империя с самого начала строилась по национальному признаку. Что касается империи Византии, то это была империя без нации. Византийской „нации“ не было никогда. Не было никакой национальной армии, не было никакой национальной идеи.

Монархия России – диктатура совести, в политической форме.

В Византии же была не империя. Но цезаризм. Монархия Византии представляет собою право силы.

Кое-что о времени Александра I, в связи с тем, что именно тогда особенно четко проявились диаметрально-противоположные этические позиции России и Европы. Деятельность Александра I была своего рода „лакмусовой бумагой“ для Европы.

Спокойных периодов в истории России было мало. Но если взять любой отрезок русской истории, всегда для разрешения ее проблем, одной человеческой жизни, с отведенными ей силами, мало.

Безусловно, что Россия **имела** свои язвы. Неволя крестьянства. Тягостное положение солдат. Дворянские привилегии и первая роль у трона. Отсутствие третьего сословия.

„Дней александровых прекрасное начало...“

Начало царствования Александра I обещало расцвет гуманности. Но не дошло дело ни до освобождения крестьян, ни до конституции. „Сверху“, от царя, она была бы благодетельна. „Снизу“, от декабристов, обещала стать адской машиной. Вместо того, чтобы быть царем крестьянским и народным, отменить крепостное право и дворянские привилегии, Александр I остался царем **дворянским**, что самому ему всегда претило.

Русские жертвы в борьбе с Наполеоном после декабря 1812 года были совершенно **напрасны для России**. Устранение Наполеона с политической карты Европы было совершенно не нужно России. Ввод русских войск в Париж был совершенно без надобности для русских интересов.

Но Александр I был захвачен идеей царства правды для Европы. В этой фазе – война велась в ущерб интересам России. Но безотносительно к „национальной непрактичности“ Александра I, несомненно, что он о д а р и в а л Европу. А для Франции он хотел сохранить границы, обеспечивавшие ей положение великой державы. Тяжелые кампании 1812-14 гг. потребовали от России великих жертв и затрат. Россия была обескровлена, истощена

боями. Но пошло это все на пользу одной Европы.

Политика Нессельроде основывалась на идеях Александра I. Она была противна интересам России, но это была русская политика.

„Священный Союз – это детская вера России в возможность внесения в политику начал христианской этики. Это смешная вера, но и величественное явление. Попытка кончилась, как и следовало ожидать, неудачей, но она была сделана. И без этой попытки, высмеянной Меттернихом, история Европы была бы беднее“. (Н. Осипов).

На Венском конгрессе Александр I не преследовал никаких русских целей. Тайлеран умело перессорил союзников, и был заключен тайный союз Англии, Франции и Австрии против России. В этом же триединстве появились эти союзники в Крымской войне, чтобы лишить Россию плодов ее победы.

К концу царствования Александр I был сломлен. Он метался между разочарованиями, отрезвлением, крахом собственных замыслов и крайним мистицизмом.

„Россия лишилась славы освободительницы. Европы, приобретенной ценою стольких жертв, и лавровый венок Александра стал терновым“, – пишет историк...

*

„Реакция“ царствования Николая I обычно преувеличивается. Кюстин увидел в России то, что хотел видеть. Никаких массовых репрессий при Николае не было, хотя и наблюдалось за состоянием умов. (Да и как было иначе... Декабристы **обещали** очень многое... В программе декабристов было, взятое ими из французского законодательства, **учредительное собрание**. К чему оно привело в России даже сто лет спустя, известно. А поборник конституции и свободы – притом „крайней свободы“ – Пестель был типом „обещающим“: он запарывал своих солдат...) Тогда решительность Николая I спасла Россию возможно от рек крови. Это объясняет и роль Николая I в подавлении революции 1848 года. Вождь революционеров 1848 г.,

Маркс, был „несколько“ более зрелым революционером, чем декабристы. Известны его прогнозы захвата власти и **употребления** ее. Поэтому Европа должна была быть только благодарной Николаю I. Иначе – „построение социализма“ имело бы другую историю. „Композиции“ Маркса звучали отнюдь не как золова арфа, или райская музыка.

„Нас будут почитать величайшими преступниками и злодеями, на что нам, конечно, наплевать!“

В 1849 г. Европа была спасена от беды куда как худшей, чем Наполеон...

*

Крымская война – еще один пример благодарности Европы.

Турция, при тайной поддержке Франции, Австрии и Англии, в 1854 г. объявила войну России. Турецкий флот был разгромлен в бухте Синопа. Тогда союзники открыто выступили на стороне Турции.

Героическая оборона Севастополя – славная страница истории России. И она стоила России много жертв.

Исключение из клеветнического хора о политике русских царей представляет английский историк Чарльз Сарома: „Балканская политика русского царства привела к освобождению от турецкого ига христианских наций. На главной площади Софии возвышается скромная статуя Царя-Освободителя Александра II, и этот титул более чем заслужен. Английские публицисты, критикующие „агрессивность“ русской монархии на Ближнем Востоке, ставят себя в смешное положение: им не следует забывать того, что в продолжение ста лет британская политика способствовала порабощению турецкими тиранами беззащитных балканских народов. Русская же политика принесла свободу Греции, Румынии, Болгарии и Сербии“.

Царствование Николая I закончилось падением Севастополя. За время Крымской войны единственным другом России были Соединенные Штаты. (Как во время войны

за независимость 1776 г. единственным другом Америки была Россия). Америка принимала живое участие в событиях Крымской войны, вплоть до того, что американцы-добровольцы ехали в Россию сражаться, и в Севастополь прибыли 30 американских хирургов для помощи в военных госпиталях. После падения Севастополя никто из американцев не принял участия в торжествах англичан и французов в Сан-Франциско. Наоборот: делегация американцев, неся русский флаг, вместе с американским, демонстрировала перед русским консульством. А толпа разгромила павильон, где пировали французы и англичане.

4

Русская революция была подготовлена и финансирована различными международными центрами и германским правительством. Разгром России был оплачен немецким золотом, при молчаливом содействии европейских наблюдателей.

Левые круги уже в 1919 г. способствовали прекращению всякой помощи Белой армии. Англия, Франция и США считали борьбу в России ее частным делом. В то время, как эта борьба была, по сути, за судьбы всего мира! Никому это не было понятно.

Когда Клемансо предложили допустить к работе над Версальским договором представителей Белой России, он свысока ответил: „России больше нет“. И когда заходила речь о „русской проблеме“ – в знак скуки закрывал глаза.

Конференция в Версале поражает своим базарным стилем. Ни о какой „исторической концепции“ никто не помышлял. Только – дележ.

Не глупость ли слепила всех участников конференции? Но за все просчеты приходится **платить**... И особенно, за **глупость**! Мефистофель в „Фаусте“ поет про сатану, который „правит бал“. Но сатана, безусловно, апеллирует к глупости, как к вернейшей пособнице. И

все „золото“, какое при таких обстоятельствах кладут в карманы, оборачивается черепками.

*

Вторая мировая война имела не менее „эффектное“ завершение. Россию, по старому испытанному сценарию, оставили захлебываться в крови. А все, что могло помочь ей сойти с „заколдованного места“, опять было **выдано**. Сталину на уничтожение. „Только“ пять с половиной миллионов с Запада, людей, выбравших свободу и борьбу, т. е. людей наиболее активных. Как всегда – обезглавить возможное сопротивление, тяжело поранить **нацию**.

Позорная Ялтинская конференция и соглашение. Позорное по всему: и по подлости, и по глупости. Очень скоро увидели что оно несло. Бездарность же, глупость и аморальность Запада во все послевоенные годы и десятилетия, поистине неохватна и сверхъестественна. И вот, эта глупость, определяет теперь и судьбу самого Запада.

5

Где Казот, который предсказал бы вам вашу судьбу...

Так точно, как Запад делается вполне понятным после опыта России, Россия определяется и проясняется сознанию после того, как познаешь современный Запад. Сравнительный анализ их истории устраняет все неясности.

Россия – к а т а п у л ь т и р о в а н а в будущее.

Запад же, в психологически трудно объяснимом процессе, совершает парадоксальный путь назад. „Сегодня“ Запада – это „вчера“ России. Сегодняшнее „предкоммунистическое“ состояние Запада – наглядная иллюстрация к становлению „социализма“. Более наглядная во всех деталях, чем это было в России.

Смехотворно читать сегодня, что происшедшее в России – результат „ее исторических традиций“. Сегодня весь просвещенный мир тяготеет к тому же, имея позади самые разнообразные виды „исторических традиций“.

Мы, почему-то, неосмотрительно и охотно взяли патент на Смердякова и отвели ему видное место в „национальной галлерее“. Но, поглядев на мир, видишь, что Смердяковых всюду своих хватает. Это, просто, подонки. А также и все „бесы“ – **интернациональные** типы, которые паразитируют на благоприятных носителях.

Делается масса анализов. Со всех точек зрения и со всех позиций. Но при этом забывают о главном: в России все случилось под давлением **силы**. На Западе – происходит добровольно!

Страшный застенок XX века, осуществленный в России заинтересованными силами, как интернациональный опыт, – это только клиническое описание пытки, которой **человек не выдерживает**. Но – умирает, или сдается (хотя бы внешне).

Западный же „подопытный“ – идеальный, нивелированный раб, который организованно-добровольно шествует к собственной несвободе. И она будет, по всей видимости, почище всего, что до сих пор являла история.

В качестве суррогата морали, Запад издавна выбрал право. Его же „свобода“ – свобода **от** морального закона. Прагматизм западной цивилизации – это современная форма человеческих жертвоприношений.

Тупое безразличие, моральная опустошенность и полная безыдейность. Террористы и радикальные левые держат целые страны на прицеле, и нет никаких общественных сил, способных этому противостоять. Нигилистическая обездуховленность, распространение лево-радикального сектантства, отрыв от национального самосознания, атеизм. Крайняя незрелость политического мышления. Упадок культуры. Кризис государства и власти. „Революционные“ движения, беспочвенность интеллигенции.

Эта картина Запада **точно** показывает то, что происходило в России почти век назад.

„Обратный“ ход истории?

И все разыгрывается, как по нотам! Только на Западе – еще оголенней и страшней, чем это было в России. Запад сегодня дает о б щ и й ключ к движениям XIX-XX веков. И – психологическое объяснение происходящего.

Из всей русской трагедии Запад не извлек никакого урока. Органическое и потомственное (лучше было бы сказать, провиденциальное!) непонимание и незнание России. Так, как будто бы речь шла не о стране с большой культурой, а о незаселенных полярных просторах, о „белых пятнах“ на карте.

Нельзя сказать, что современная цивилизация находится под угрозой гибели. Нет, она **уже** гибнет. На глазах у всех, мир рушится. Ведь нельзя иначе назвать падение одной страны за другой в яму тоталитаризма. Какой зловещий спектакль! Страшный театр масок, – неподвижных, застывших, мертвых. Как в греческой трагедии, и даже „хор“ наличествует... Неомарксисты, еврокоммунисты, социалисты, троцкисты, – и сколько их! Даже – сталинисты.. Таковы „маски“ наших дней.

6

„У домашних кур крылья только для того, чтобы ими хлопать“.

Е. Замятин

О чем только не написаны сотни тысяч фолиантов! Об ином – даже и в избыточном количестве. А вот одного исследования – остро нехватает. Труда: „Об истории человеческой глупости“.

Мы взяли патент и на „Зияющие высоты“. А ведь на Западе „высоты“, куда более зияющи!

Р а б с т в о – состояние трагическое. А быть лакеем – **добровольная должность.** Лакейство – стиль жизни современного „свободного“ мира. Лакейство пронизывает и

характеризует всю жизнь Запада. Иногда даже „бескорыстное“, в силу инерции привычки. Сверху донизу. Лакейство партий перед избирателями, писателей перед читателями, профессоров перед студентами, лавочников перед покупателями. И часто, без видимых для себя выгод. Скорее - наоборот.

Лакейство по нисходящей... И „главное лакейство“ перед коммунистическими „идеями“. На всякий пожарный случай.

*

Америку называют карикатурой на Европу. А ее люди, и ее таланты по большей части импортированы. Но вот, сама Европа перед нами. Европа, перед которой мы благоговели веками. Перед ее искусством, перед ее мыслью, перед ее художественным словом. И перед духовностью и того, и другого, и третьего. Прекрасная Европа, красавица... Но что-то с тобою случилось, не та уж стать. И - неряшлива ты, и голос твой нечист, и звучит в уличном жаргоне. И „украшена“ ты, поп-безобразиями...

В какую пыльную кладовую сложила ты сокровища свои бессмертные? Легенду о св. Граале, и странствования Данте, и бессмертного твоего Рыцаря Печального Образа. Он еще верил, что если ветряные мельницы бросают оземь, то это не значит, что ветряные мельницы правы. А сегодняшние твои дети - утверждают правоту Ветряных Мельниц...

Как богата была ты, обладательница бессменного майората, с твоими бесконечными „введениями в наследство“. Шутка ли - от Ромула и Рема, и от Эллады. Только вот, не унаследовала ты Тарпейской скалы, чтобы сбрасывать с нее недостойных.

Как гордилась ты твоими детьми! Но дети твои, сегодня, презрели твою любовь. И разгневались боги, и падают дети твои сраженными, во искупление твоего тщеславия и слепоты! И стоишь ты, как Ниобея, в отчаянии и унижении, обреченная видеть гибель детей твоих,

и не в силах прикрыть их, даже собственным телом, чтобы спасти.

*

Главные течения прогрессивной западной мысли так или иначе упираются, (или „по касательной“) – в марксизм, планетаризм, демократию. Под соусом, или без соуса. Визионеры „светлой демократии“ Россию видят как нечто вроде филиала Америки. Видят – н е р у с с к и м и глазами.

А. И. Карташев писал: „В качестве политической формы маячит туманность мировых „соединенных штатов“. „...Это рационалистические пошлости... Это целое мировоззрение, подходящее для мертвых душ, кормящихся псевдофилософскими объедками XVIII и XIX столетий“.

*

Египтяне оставили вечности таинственные пирамиды. Сегодняшнее человечество строит „Храм Глупости и Безумия“. И каждый „строитель“ тащит свой кирпичик: политики, интеллектуалы, стратеги и революционеры, догматики и клер. Кипит работа.

Тысячи и десятки тысяч католических пасторов помогают распространению прокоммунистической литературы. Лозунги, как: „Сделанное на Кубе – дело Христа.“ Или: „Россия уже 50 лет ведет работу против невежества и бедности“. „Коммунизм и христианство (!) видят спасение в образовании мирового правительства“. Вся эта чушь – в Америке, десять лет назад.

А вот, Европа. „Конечно, есть отсталые, варварские тенденции, которые по сути даже нельзя назвать сталинскими, потому что Сталин проводил положительную программу (!). Это царистская тенденция, когда дружеских государственных деятелей хватают, связывают и пытаются. Мы в ужасе, что подобные действия производятся именем Маркса“. Этот *delirium tremens* принадлежит чешс-

кому профессору Милану Маховцу. И дальше: „Ленин учил, что социализм – дело свободных народов и наций“. (Оттого-то он их и „освободил“!). „Маркс и Энгельс для нас как прежде, так и теперь – откровение“. „Мы думали о европейской форме марксизма“. Всегда была европейской! И если память не изменяет, то именно о чехах писал „великий основоположник“, в том нелестном смысле, что их всех надо истребить!

И даже, Де Голль: „Сталин был положителен для России, и еще как положителен. И когда-нибудь она это поймет“.

Когда-то Цвейг писал розовые фразы о соединении „гения человека с гением эпохи“. А если – глупость человека и обвал эпохи?

Сегодняшних людей можно отнести вроде как к рыбам, равнодушно живущим в воде. Пока их не поймают и не съедят. Но, по рыбьей натуре, они об этом не задумываются.

7

„Берегите ее. Она единственная, которая может еще обещать“.

Ницше (о России).

Л. Толстой говорил, что все люди – как в амоке. И что главное – остановиться. Это подходит особенно к миру сегодняшнему. Все, что делается: безумие в человеческих обществах, убийство природы, выходы в космос. При невероятно низкой конъюнктуре духовности и высокой конъюнктуре зла, последние только **страшны**. Кроме того факта, что узко-научная экспансия имеет результатом только шаг на бесконечной лестнице ошибок, начертание очередной птоломеевой карты мира, столь же далекой от истины, как и предыдущая, сколь долго разуму не будет сопутствовать **и дух**.

Мы делаем землю непригодной для обитания. А люди **этой земли**: любовь их холоднее смерти.

„Цивилизация“ – гигантская свалка мусора, ржавеющего, разлагающегося, покрывающегося плесенью. И это разложение **заживо** еще более страшно, чем тени, оставшиеся от людей после атомного взрыва в Хиросиме.

Свободы не может быть без личности. А личность скользит по спирали вниз, недоуплотнившись в то, чем она должна была бы быть. Ученые, инженеры, врачи, политики, дипломаты, учителя, служащие – в чем видят они идеал существования?

*

Отец мой в 1917 г. кончал Политехнический институт, в Петербурге. И был, таким образом, свидетелем „исторических событий“. Как-то, вспоминая, он сказал: „Да никаких **боев** за Зимний Дворец и не было. Просто в нем погасли огни...“

Вот так и на Западе, в результате невероятной безответственности, **просто** погаснут огни. Иррациональная идея, дает вполне **реальные** плоды: разрушение. А наблюдатели обдумывают, как меблировать верхний этаж горящего небоскреба.

Если это скольжение вниз действительно не прекратится, то возможно, что в будущем центр „европеизма“ переместится на восток. Россия станет Европой, а нынешняя Европа за железным занавесом будет строить свое „светлое будущее“.

*

В некий момент национальная задача заключается в самой **постановке** вопроса. Но обращение к прошлому, не означает **возврата** назад. История движется необратимо. То, что нужно – это **ускорить движение вперед**. С опытом прошлого сдвинуться со всех мертвых точек.

Будущее Европы (в добром варианте!), корнями уходит в российскую и немецкую почву. А удобрением для этого растения будущего, может служить только **свобода**. Оба

народа переболели тягчайшей болезнью, и, надо думать, приобрели иммунитет на будущее.

И Россия должна будет занять **свое** место в мире.

О том, **что** с Россией теряют - не задумывались. А была Россия, вопреки приписываемому ей „рабству“, страной, несущей в себе духовную свободу, как **никакая другая** страна в мире. Корни этой свободы - в самой русской душе, и русской ментальности. В процессе освобождения, распрямления и становления на ноги, все болезни спали бы с нее, как жалкое платье с Золушки, и стала бы она тем, что положила ей в колыбель судьба: прекрасной и великой.

Когда пишешь о надежде - рука замирает, всегда. Этой надежды зерно... Для будущего нужно много людей. Но, в Евангелии: „Если пшеничное зерно, падши в землю умрет, то принесет много плода“.

Один журналист, участник войны с Финляндией, написал книгу „Солнце восходит с Запада“. Так думалось тогда. Но нет! Если солнцу взойти - то только с Востока!

„Любить родину, значит любить не просто „душу народа“, т. е. его национальный характер, но именно духовность его национального характера, и, в то же время, национальный характер его духа. Это различие нетрудно уловить на живом примере: русский человек может любить в Шекспире и Диккенсе даруемое ими духовное содержание, но специфически английский характер их творчества может быть ему чужд; напротив Толстой или Достоевский будут ему близки и драгоценны – и в их духовном содержании, и в специальной русскости их творческого акта и описанного ими быта. Но это-то и выражается формулой: мы можем любить у чужих народов духовность их национального характера, но трудно нам любить национальный характер их духовной культуры, которого они сами в себе нередко не замечают. В своей же родной культуре мы будем любить все: не только ее духовность, но и ее национальность, причем нередко у людей бывает так, что они с нежностью воспринимают национальный характер своего народа и мало воспринимают его духовную глубину и красоту: чувствуют быт и не чувствуют духа. Настоящий патриот чувствует больше всего дух своего народа и притом так, что самый национальный уклад и быт пронизан для него насквозь лучами этого духа: это есть для него живое единство, которое он любит цельно и крепко. Он воспринимает национальные особенности родного ему народа, как свои собственные; и питается не просто его духовностью, но и его национальностью. А это значит, что истинный национализм есть национализм духовный, который идет не только от инстинкта национального самосохранения, но и от духа, и любит не просто „родное“, „свое“, – но родное-великое, свое-священное“.

И. А. Ильин

Е. В а л и н

О „русском коммунизме“ *

Сваливать **всю** вину за русский коммунизм на других – это повторять грех наших прародителей. „Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел“ /.../ Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела“ (Быт. 3, 12-13). Но и взваливать ее целиком на русский народ – тоже не следует.

Вряд-ли кто-либо среди русских мыслителей посвятил столько трудов русскому коммунизму, как Н. Бердяев. Возьмем, в качестве точки отправления, статью Н. Бердяева „Духи русской революции“, в ней он защищает тезис, что духи русской революции – русские духи, осознанные и опознанные еще до революции тремя великими русскими писателями: Гоголем, Достоевским и Л. Толстым, причем первыми двумя эти духи критиковались, а третьим – проповедывались. Отметим, кратко, какие национальные особенности русского народа ипостасированы были этими духами – по мнению автора этой замечательной по разным причинам статьи.

У Гоголя: хамство, пошлость, властолюбие, любоначалие, ложь, обман, жадность, призрачность ценностей,

*Статья под заголовком „В какой мере 'русский коммунизм' – не русский“ была опубликована в «Новом Журнале». Печатается с любезного разрешения автора.

нереальность жизненных концепций, мошенничество, беспечность, нераскрытость и недоразвитие личного начала.

У **Достоевского**: нигилизм, атеизм, экстремизм, апокалиптичность, утопизм, цинизм, сентиментализм, жестокость, бунтарство, сервизм, податливость на антихристовы соблазны, максимализм, антиисторизм, коллективизм как лжесоборность, революционность, самопревозношение, гордость, „стыд собственного мнения“, завистливый эгалитаризм, лакейство, вседозволенность.

У **Л. Толстого**: морализм, переходящий в аморализм, личная нравственная безответственность, отсутствие нравственной дисциплины, коллективизм, антикультурность, индивидуализм, противопоставленный персонализму, культурная и нравственная уравниловка, амистизм, эгалитаризм, метафизическая „нирванность“, ирреализм, антиисторизм, антиритуализм, душевность, плотность и родовость вместо духовности, безблагодатность, нигилизм, непротивленчество, пассивность, эгоизм, зависть, злоба к инакомыслящим, руссоизм, пренебрежение интеллектом и искусством в пользу физического труда, святотатственность и кощунство, безблагодатное совершенство, „злая святость“.

Сами по себе эти духи-бесы, коллективное имя которым – Легион, неипостасны, но стоит пробежать мысленным взором по персонажным галереям Гоголя и Достоевского – и они сразу воплотятся в Хлестаковых, Ноздревых, Плюшкиных, Шигалевых, Верховенских, Смердяковых, больших и малых, им же несть числа. Но эти духи-бесы перевертни и космополиты, и, будучи нематериальными, они в разное время либо одновременно могут „воплощаться“ (т. е. паразитировать на благоприятных носителях) и эти „воплощения“ можно проследить на представителях всех рас и народностей. Характерны не сами бесы, а именно их „воплощения“. И русский Плюшкин есть только русский вариант того же беса, который нам знаком, как мольеровский скупец или шекспировский Шейлок. И другие гоголевские „морды и хари“ прозирают сквозь черты дантовских, шекспировс-

ких или диккенсовских персонажей. А русские Иоанны Грозные и Петры Великие имеют своих двойников среди всех времен султанов, василевсов, цезарей и императоров, и „благочестивых“ западных королей и современных „народных вождей и диктаторов“. А среди молодежи, чем уж так отличались русские революционеры и анархисты от современных террористов, а „базаровцы“ от современных хиппи, и от древних циников (в позднем периоде этой школы)?

Вообще, то, что еще полвека тому назад казалось чисто русским явлением, возможным только в России, но никак не в цивилизованном западном мире или древнекультурной далекой Азии, теперь таковым уже не кажется. Правда, близорукие и отупевшие от благосостояния народы, кое-где еще бормочут (чаще всего на профессорских кафедрах)... „у нас это невозможно“, „у нас это не случится, а если и случится, то иначе, по иному...“, но... имеющие глаза, да видят! Вот, говорили, что культурная Германия изжила свою революцию после поражения в первой мировой войне почти мирным путем... а через двадцать пять лет почти половина ее стала совсем коммунистической, тогда как вторая часть – сильно проточена тем же коммунистическим червем. Говорили, что только русские могут осуществлять революцию столь жестоким и варварским путем... но вскоре убедились, что в этом отношении ничуть не менее одарены поляки, чехи, балты, венгры, балканцы, германцы, кубанцы и другие... Говорили, что коммунизм возможен только среди народов западно-европейской цивилизации, ибо он – порождение капитализма и индустриализации, и что древние культуры Китая, Индии и Японии в массе неподходящи для проникновения ни христианских идей, ни марксистских... А вот, поди, тот же самый соц-вирус, мутировавший в желтую разновидность и заразивший почти всю Азию, на наших глазах мутирует в черную, африканскую разновидность!

Как же это возможно? Очень просто: человеческий род, хоть многоипостасен, но **единоприроден!** В. Варшавский в

статье „Чевенгур“ и „Новый Град“ («Новый Журнал» № 122, 1976) убедительно пишет, что дух русской революции, „настолько напоминает эгалитарно-коммунистические мессианские движения европейского средневековья, что с удивлением чувствуешь: тут не только сходство, а прямое, хотя и скрытое, подземное преемство“. И затем он добавляет: „Те иностранные и русские толкователи, которым непременно хочется видеть в большевицкой революции чисто русское, невозможное на Западе явление, просто не помнят европейскую историю. Тому, кто не читал ее забытые кровавые преданья, не понять, откуда пошли тоталитарные явления нашего времени“. Выделим тезисно, из замечательной статьи В. Варшавского то, что подтверждает и нашу точку зрения.

1) Унаследованное западно-европейской цивилизацией различных вариантов ветхо-заветных апокалиптических пророчеств.

2) Укоренение хилиастических тенденций в текстах Откровения св. Иоанна Богослова.

3) Предсказание монаха и аскета Иоахима Флорского (V век), что наступит царство Третьего Завета, основанное на принципах анархии, эгалитарности и нигилизма.

4) Отказ от уз личной семейной жизни в пользу коллектива и склонность находить „отцов“ и „вождей“ народа и следовать за ними.

5) „Безотцовщина и та голытьба, что шла в средние века за пророками анархо-коммунистического хилиазма: батраки, безработные ткачи и ремесленники, поденщики, бедные не шибко грамотные священники, „идиотэ эт симплицэ“, белые монахи, уволенные наемные солдаты, бродяги, разбойники, воры, проститутки, голь перекатная“ – вот из кого состоял люмпен-пролетариат того времени.

6) Лозунг „грабь награбленное“ провозглашен был в XIV веке возглавителем Братства Свободного Духа – Иоанном Брюнским.

7) Классовая борьба под лозунгом „бей буржуев“ (хотя терминология и была иной) имела причиной то, что „для средневековых апокалиптиков евреи, басурмане, фео-

дальние владыки, епископы и прочее духовенство, купцы, ростовщики“ – были не людьми, а слугами Антихриста, т. е. в современной терминологии – „врагами народа“ и „социально чуждыми элементами“.

8) Под покровом выпсренних интенций устроителей Крестовых Походов толпа любила устраивать погромы на „врагов Христовых“. (Отметим, что если Запад и принял русское слово „погром“, то для выражения явлений, которые издавно в своей истории испытал).

9) К уничтожению „старого строя“ и построению на его развалинах „нового мира“ призывали такие „пророки“ анархизма и нигилизма, как Джон Болл, Мартинек Хаузка, Фома Мюнцер, Иоанн Матис, Иоанн Лейденский (XIV, XV и половина XVI вв.).

10) Социальные революции под теми же лозунгами вспыхивали в Европе вплоть до XX века.

Добавим, что те же принципы вдохновляли, отчасти христианские секты монтанистов (II-IV вв.), манихеев (III-V вв.), новациан, катаров, богумилов и т. п. – в социальной области.

Теория социал-коммунизма всецело возникла в западной Европе (включая учение Платона о государстве). Советский коммунизм преуспел в разработке идей, как добиваться власти и как ее удержать в руках партии, но не создал **научных** теорий, которые блистали бы новизной и оригинальностью. Что же взял он в качестве своих догм и лозунгов, когда захватывал власть? Выделим те элементы западных учений, которые, как дрожжи, попали в советскую коммунистическую опару.

Платон – планирование жизни и строя; отсутствие понятия личности, как самоцели и самооценности; утилитаризм по отношению к рабочему классу; кастовость; вражда к инакомыслию (изгнание поэтов!).

Томас Мор – сдвиг на профанацию религии; регламентация жизни во всех ее областях.

Кампанелла – апофеоз государства; упразднение семьи; отмена права собственности; государственное „реалистическое“ воспитание детей вне семейного быта.

Руссо – вражда против истории и культуры; восстание против науки и разума; проповедь революции; „вся власть народу“; зачатки нигилизма и анархизма.

О. Конт – отказ от метафизики и религии; антропологрия; приоритет коллектива над личностью; прагматизм; позитивизм; эмпиризм в применении к социологии; нетерпимость и диктаторство.

Спенсер – агностицизм, биологизм, утилитаризм, борьба за существование; детерминизм; гедонизм и аморализм – как движущие социальные силы.

Фурье – животный гедонизм; фалангизм и фаланстеризм (прототип Архипелага ГУЛАГ'a!); уничтожение буржуазии.

Фихте – идея замкнутого государства (прототип „железного“ или „бамбукового“ занавеса); государственная монополия всех средств производства; национализация внешней и внутренней торговли; социализация труда; воспитание детей по государственной программе.

Гегель – абсолютизация государства и всяческое подчинение личности государству.

Маркс и Энгельс (левые гегельянцы) – воинствующий атеизм; материализм; захват власти пролетарским путем уничтожения других классов; экспроприация в государственном масштабе; классовая ненависть; прагматическая этика; революционный динамизм; интернационализм.

Это – самые ядовитые западные капли, попавшие в советский настой.

Кто же был передатчиком этих идей с Запада в Россию? Ясно, что не мессианисты-славянофилы, а утописты-западники, начиная с благонамеренных идеологов вроде Герцена, Станкевича и раннего Белинского и кончая такими „вождями“, как Бакунин, поздний Белинский, Нечаев, Ткачев и... Ленин. Среднее звено составили Добролюбов, Чернышевский, Писарев и отчасти Лавров и Михайловский. В соревновании этих различных западных „под-толков“ вышли победителями нечаевцы, ткачевцы и ленинцы, неуклонно далавшие ставку на профанацию во всех областях в своих мыслях и действиях. О

более поздних „прередатчиках“ и их национальной принадлежности, речь будет ниже. Всякая организация, а тем более революционная, нуждается в средствах. Откуда пошли средства на русскую революцию? Часть была пожертвована русскими „патриотами“, часть была экспроприрована налетчиками, но все это явно недостаточно для проведения грандиозной революционной операции. И вот здесь мы сталкиваемся с фактом, что огромные суммы денег шли **из-заграницы**. Кое-что из этого стало известно уже после революции. Приведем несколько справок.

Роман Гуль в замечательной статье „Ленин и 'Архипелаг Гулаг““ («Новый Журнал» № 116, 1974) пишет: „Во время русско-японской войны Азеф – глава террористической организации партии социал-революционеров и член ЦК партии – брал на свой террор деньги от японцев /.../ Во время первой мировой войны – через Фюрстенберга-Ганецкого и Гельфанда-Парвуса – Ленин получил миллионы золотых марок от немецкого генерального штаба для антивоенной, разрушительной революционной работы в России. Известный лидер германской социал-демократии Эдуард Бернштейн, разоблачая эту связь Ленина с кайзером Вильгельмом II, в январе 1925 года в берлинской газете «Форвертс» писал: – „Ленин и его товарищи получали от правительства кайзера огромные суммы денег на ведение своей разрушительной работы... Из абсолютно достоверных источников я выяснил, что **речь шла об очень большой, почти невероятной сумме, несомненно больше чем 50 миллионов золотых марок /.../** В сборнике германских документов под названием „Германия и революция в России“, вышедшем в 1958 г. по-английски, есть замечательная телеграмма от 29 сентября 1917 г. чиновника германского министерства иностранных дел фон Кюльмана о подрывной немецкой работе в России /.../: „Без нашей непрерывной поддержки большевицкое движение никогда не достигло бы такого размера, который оно сейчас имеет“.

Американский ученый, член „Гуверовского Института Войны, Революции и Мира“, Антони Суттон, написал трехтомный труд под названием: „Западная технология и советское экономическое развитие“, в котором на основании официальных документов американского министерства внутренних дел доказывает, что почти все то, что большевикам нужно было для поставления на ноги промышленности – они получили от Запада.

Указав на западное происхождение двух элементов русского коммунизма – идеологию и финансирование, нам остается еще перейти к третьему – к вопросу о национальном составе „генерального штаба“ революции в двух ее фазах – проведения ее в жизнь и твердого укрепления на занятых позициях. И на этом секторе мы убедимся, что чисто русский элемент выразился в весьма незначительном проценте... ясное дело, что речь будет здесь не о рядовых „чевенгуровцах“.

Прежде всего сошлемся на свидетельство самого Ленина. В разговоре с Диаманштейном, комиссаром по еврейским делам при „Комиссариате по делам национальностей“, Ленин сказал: „Большое значение для революции имело то обстоятельство, что за годы войны в русских городах осело много еврейских интеллигентов. Они ликвидировали тот всеобщий саботаж, на который мы натолкнулись после Октябрьской революции... Еврейские элементы были мобилизованы против саботажа и тем спасли революцию в тяжелую минуту. Нам удалось овладеть государственным аппаратом исключительно благодаря этому запасу разумной и грамотной рабочей силы. Мы имеем в данном случае яркий пример действия особой социологической закономерности, которой подчинены перемены в экономической и социальной структуре, рассеянного среди других народов, этнического меньшинства“. (Киржниц, «Еврейский рабочий», Москва, 1926, стр. 236).

5 марта 1919 года английская газета «Лондон Таймс» сообщила, что 75% большевиков, занимающих должности

в административном аппарате послереволюционной России, еврейского происхождения.

В протоколах 439-м и 469-м 65-й сессии Сената США записано, что „...в 1918 году правительственный аппарат в Петрограде состоял из 16 русских и 371 еврея, причем из последнего числа 265 евреев прибыли из Нью-Йорка“.

Русский коммунизм был создан двумя его вождями – Лениным и Сталиным. Что Сталин был грузином – знают все, а вот, что в Ленине не было ни капли русской крови, знают весьма немногие. (Потому ему и было „наплевать на Россию“). Здесь многие возразят: „Простите, ведь Ленин был типичным русским интеллигентом крайне левого крыла!“. Это правда, но только в бытовом аспекте. Этнически (а значит и генетически) он не был даже славянином, не только русским! Объясняется это следующим образом. По материнской линии – его дед еврей, с примесью шведской крови, (прадед – Бланк, еврей, женился на шведке Анне Остедт; сын его, дед Ленина, Александр Дмитриевич Бланк, крещеный еврей, был женат на немке Анне Ивановне Грошопф), бабушка же – немка. Итак, по матери, Ленин унаследовал еврейско-шведскую-немецкую кровь. По отцу же, Ленин унаследовал чувашскую кровь (дед его, „инородец“, Николай Ульянов, был чувашем) и калмыцкую кровь (его бабушка была калмычкой). Сведения эти почерпнуты из трудов следующих „лениноведов“: Мариэтты Шагинян, П. Берлина, Н. Валентинова, Д. Шуба, С. М. Гинзбурга и Роберта Пайна.

Кто был главой ЧЕКА-ОГПУ-НКВД? Держинский (поляк), Менжинский (поляк), Ягода (еврей), Берия (грузин). В составе советского правительства, центрального комитета партии и в карательных органах большой процент составляли инородцы. Думаем, что приведенные данные опровергают ложные мнения, что всю вину за революцию и коммунизм надо внести в дебет только **русского** народа.

В заключение этой статьи нам хотелось бы поставить несколько основных вопросов и попытаться дать посиль-

ный краткий ответ на них, выразив таким образом нашу точку зрения на рассматриваемую проблему.

1) Спросим себя, была ли революция и есть ли ныне существующий в СССР тоталитарный строй – выражением воли всего русского народа, или только его активного меньшинства?

Ответ напрашивается следующий: как талантливый оратор может увлечь за собой толпу на дело, о котором она и не помышляла, так партия большевиков с Лениным во главе, при помощи социал-демагогов и на все готовых революционно настроенных толп, употребив новые методы массового обмана и террора – сумела навязать свою волю „молчаливому большинству“.

2) Были ли в России объективные причины того, что революция свершилась?

Думается, что – да, ибо еще задолго до Ленина и Октябрьской революции в русском народе взрывались бунты „бесмысленные и беспощадные“.

3) Насколько характерны для русского народа те элементы, которые способствовали перевороту?

Н. Бердяев правильно отмечает, что природа русского человека антиномична. А это значит – полюсность, дуальность... Поэтому, теоретически и в лучшем для коммунизма случае, только половина народа (или отдельные личности – наполовину) оправдала характеристику, приведенную в начале этой статьи („духи русской революции“ по Гоголю, Достоевскому и Толстому – в редакции Бердяева). Сам факт, что в русском народе родилась идея Святой Руси, что такой провидец, как Достоевский не мог совсем ошибаться, назвав русский народ „народом-богосцем“, свидетельствует, что в нем, в народе, имеются и черты, противоположные тем, что выше были перечислены нами. Вот, например, Вальтер Шубарт, немецкий историософ, ни в одном европейском народе не находит столько „мессианческо-иоаннических“ черт, как в русском народе; искажения же чистоты этого прототипа приписывает травмическим влияниям татарщины, византизма и западничества.

4) Если откинуть нерусские и не типично русские элементы „русского“ коммунизма, то что останется типично русского в этом явлении?

Этому посвящена огромная литература лучших зарубежных мыслителей. Добавим к уже сказанному шубартовскую концепцию влияния „духа ландшафта“ на характер русского народа; проблема эта нашла научное объяснение у идеологов евразийства, прежде всего у кн. Н. С. Трубецкого.

5) Какой смысл можно усмотреть в случившемся?

Все возможные ответы тяготеют к трем основным:

а) Позитивистско-утопические теории, вопреки очевидности утверждают, что так или иначе человечество устремляется к идеальному состоянию, а случающиеся на этом пути катастрофы суть лишь прискорбные, но неизбежные, этапы этого процесса.

б) В свете веры в божественный Промысел можно утверждать, что Бог хочет спасения не только отдельных лиц, не только отдельных народов, но всего человечества и поэтому страдания русского народа имеют некое провиденциальное значение. Можно сказать, что последние полвека русской истории есть тот магический кристальный шар, в котором все народы могут распознать собственные черты и увидеть один из возможных вариантов своего будущего. Можно также сказать, что русский народ отчасти добровольно, отчасти же недобровольно, принял на себя подвиг историософского юродства.

в) Большинство историков XX века, не желая вверяться интуиции, думают, что нет возможности научным образом объяснить, почему различные культурные сверх-системы возникают, цветут и затем умирают. На их взгляд – это стихийные явления, от воли людей независимые, но по отношению к которым люди могут определять свои мировоззрения и, в меру возможности и желания, определять свою жизнь.

г) Эра русского коммунизма, как и всякая другая, проходяща. Диалектика убеждает, что маятник истории, качнувшись в одну сторону, рано или поздно отмахнется в

другую, противоположную, хотя плоскость колебаний его все время будет изменяться: полных реставраций прошедшего не бывает. Явление русского коммунизма нам представляется, „синекдохически“, следующим образом:

В общем здоровому человеку во время случайной болезни привили в виде эксперимента новой породы вирус, против которого у пациента не было иммунитета. Характерными симптомами после прививки, были: временная потеря памяти и рассудка, припадки исступления, невменяемость... Когда пациент пришел в себя, то оказалось, что у него парализован мозг и почти вся нервная система, тело подвержено судорогам и кровоизлияниям.

Пациент этот – русский народ; случайная болезнь – это изнурительная и неуспешная мировая война (которой ведь, могло и не быть!), новый вид вируса – западные социалистические лозунги и идеи под общим названием „диамата“ (марксизма); буйные симптомы – кровавая революционная свистопляска под крики „бей буржуев“, „грабь награбленное“ и т. п.; судороги – „чистки“, „волны“ и „потоки“; кровоизлияния – беспощадный и необъятный в цифрах геноцид...

Но, вот, начинают появляться и благоприятные, обнадеживающие симптомы: это русский национальный организм начинает вырабатывать идеологические антитела...

Л Ж Е Ц Ы

„Korusse - s'est pour les Russes.* - иронизировала Ольга Форш в „Сумасшедшем корабле“. (Корюсом прозрачно назван Анри Барбюс, прославитель Сталина). Однако, это неверно. Не „для русских“ были все эти прославители. Но - для Запада. В „великой армии труда“, лжецам роздали очень продуманные стратегические позиции. Нужна была целая армия лжецов. Внутренних, и внешних. Особенно важно было воздействовать на западную общественность.

Ложь - это выдать белое за черное, черное - за белое; несуществующее - за сущее. Механизм лжи прост, и, одновременно сложен. И не каждый может быть лжецом. Поэтому - нужно было делать отбор, по „талантам“. Общественное мнение Запада всегда имело характер покладистый, и продажный. И страстно желало быть обманутым. Чтобы сохранить покой, не тратить эмоций и умственных усилий. Сохранить душевный комфорт.

Недостатком информации Запад никогда не страдал. Однако - эта информация выбрасывалась на свалку (как удобрение будущей катастрофы). Не хотели знать ничего: даже - собственной судьбы. Как и сейчас.

И так пришло к восхвалению сталинского террора „честными“ и свободными писателями Запада. Что рядом с ложью - выступали подлость и глупость - входило в роль. Но и ложь сама-по-себе бывает вреднее открытого, явного зла. Во что обходились России подобные „симпатии“ Запада - знают только все обманутые в России: ведь

* „Корюз - это для русских“

это было признание и прославление тюрьмы, террора, уничтожения.

Очень полезно иногда порыться в хламе на чердаке истории. В бумагах, книгах, высказываниях. Какие экземпляры так называемых „маяков духа“ находишь там... Сегодня, можно их оценить заново.

Отто Флаке, Барбюс, Шоу, Андре Жид, (кумир западной интеллигенции, он объявил себя сторонником коммунизма: „Я смотрю с надеждой на Москву“. Правда, так смотрел он не долго. После визита в Советской Союз – прозрел, если и не полностью). Английский романист Форстер: „Будь я моложе и смелее, я, может быть, стал бы коммунистом“.

Андре Мальро: „Если будет война, наше место в рядах красной армии“.

Роллан. Фейхтвангер. Брехт. Сартр. Все разновидности гюнтеров грассов... Каждый вносил свою лепту.

На Западе информация „симпатизантов“ расходилась, потреблялась. И происходило, как об этом писал Достоевский в „Бесах“: „Присяжные, оправдывающие преступников, – сплошь наши... Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш... Администраторы, литераторы, – о, наших много, ужасно много, и сами того не знают!“

Великое множество „прогрессивных“ писателей Запада сделало себе имя на левых убеждениях. „Выросло“ на них, как на дрожжах. И их сомнительной чистоты „истины“, „принципы“ и „убеждения“ – были капиталчиком, сколоченным на крови и поте подопытных рабов на востоке. Но этим не смущались.

Ни один из этих обитателей литературного Парнаса однако не возымел желания обогатить построение светлого будущего личным опытом и участием; никто „там“ долго не задерживался, но возвращался в свои неблагословенные страны, и оттуда уже вещали свои словословия.

*

Герберт Уэллс одним из первых посетил Советскую Россию, еще во времена Ленина. Он установил, что явление большевизма – явление чисто русское, внутреннее дело „грязного и глупого“ русского народа. Но что правительство – честное и прямое, и правит Россией именно так, как для нее требуется... Русский народ – груб, материалистичен, безграмотен. И самое подходящее для этого народа – правительство Ленина и Троцкого. Он „совершенно так же не-коммунист, как и Максим Горький“... – лучший друг его. Уэллс – социалист, „революционер“, прогрессивен. При посещении тюрьмы он проявил незаурядную наблюдательность и глубокомыслие: „Людьми науки и искусства – трудно жить в атмосфере революции!“

По приезде домой, Уэллс публикует свои впечатления („Russia in the Shadow“). Но при этом, все его эмоции, перешли в категорию практических: он призывает Европу для совместной эксплуатации русских богатств! Для чего – немедленно нужно признать доброе русское правительство.

*

Случай Бернарда Шоу, славившегося острым и парадоксальным умом. До последнего своего вздоха славил он Сталина и дела его. А для удобства балансирования на протянутом канате (как иначе можно подобное рассматривать, как не цирковой номер), Б. Шоу придумал остроумно: он „не верит наветам коварным“... (как удобно). Позже – он „не верил“ и в зверства нацистов.

Особая глава – Ромен Роллан. Он был глубоко религиозен, и любил подчеркивать, что происходит из старой католической семьи, в которой христианство наследовалось как духовное дворянство, и что верность его Христу – из инстинкта, склонности и душевной причастности.

И он сам скромно определил себе место, как наследника Христа и Будды... Добро провозглашал он высшей ценностью и томился по Абсолюту...

„Я знаю только два народа на земле: страдающих, и тех, кто эти страдания причиняет...“ Роллан – осуждает насилие. (Но солидаризируется с палачами). Нежно любит Христа. (Но объединяется с теми, кто каждодневно распинает Его снова и снова... Кто преследует христиан, уничтожил бесчисленное количество духовенства). Осуждая притеснения на Западе, был слеп к ним на Востоке. Был за свободу, за открытое общество, и общность. И хвалил тюрьму – Советский Союз. „Устал... от демократии болтунов и ораторов“ и поверил в Октябрьскую революцию, как освободительницу...

Не моргнув глазом, ставит Роллан Ленина в одном ряду с... Гёте, Гюго. Спрашиваешь себя: что же, **он ничего** не читал?! Только самого себя? Обычно говорится о его гениальности. Не справедливее ли было бы ставить вопрос о его просто уме?

Роллан видел во всем, творящемся в Советском Союзе – **победу добра (!), торжество свободы (!)**. Справедливость. Он оправдывал и обелял террор 30-х годов, процессы. Видел во всем „высокие идеалы светлого будущего“.

Незнание? – Трудно поверить. Невежество? Да, и даже весьма примитивный вид его. Обман? – Тоже.

А мог бы ведь сказать, и на весь мир! Как и тот, кого называл он „своим лучшим другом в мировой литературе“, – Максим Горький...

Как возникают убеждения-схемы, догматические построения? Вот, из статьи Роллана о Французской Революции: „Революция 1789 г. была остановлена на пол-пути. Необходимо, по примеру наших товарищей из СССР, сделать так, чтобы она двинулась вперед во всем мире, пока все ее великие обещания не будут выполнены, и социальная справедливость не будет установлена“.

Можно оставить без комментария. Единственно, для сравнения, из Ленина: „Великое, неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы 18 века...“ И этот мрак в голове Роллана был хроническим. Весь многотомный

цикл „Очарованной души“ должен был представить развитие от чистого идеализма к пролетарской революции.

*

Посещение Роменом Ролланом Советского Союза относится к 1935 году – разгару душившего страну ужаса: коллективизации, голода, ссылок, массового уничтожения людей. В расцвете были рабские лагеря, еще в 1926 г. „на широкую ногу“ организованные Френкелем, как система даровой рабочей силы для индустриализации страны.

Искусственно созданный голод 32-33 гг. на Украине, стоил 6 миллионов жизней...

Когда в молодое государство в 30-х годах стали наезжать именитые иностранные гости, страна была в голодном обличьи и в рубище. Казалось, что все улицы были обшарены голодным ветром. Все было серо, уныло. Обветшалые старые дома, уродливые новые. Плохо одетые, голодные люди. Беда, написанная на каждом лице, и черные тучи над всей страной.

П р и н я л, без малейшего контроля, показанные ему потемкинские деревни. И „не заметил“ всего страшного вокруг. Промолчал. Так точно, как и „лучший друг“ Горький, который в 1917 г. сказал: „Я с этими мерзавцами совсем разговаривать не могу“. Но потом – „договорился“, с „мерзавцами“. Для „красивой жизни“ на Капри нужны были деньги. Писателю же, нужны были известность и слава. Платой за все это – была ч е с т ь. А позже – и сама ж и з н ь.

*

Вернувшись из Москвы, Роллан пишет, что „имеет чувство, словно побывал в идеальном государстве“. „Решающим впечатлением было – могучий поток жизни“. Пишет о „народе, исполненном счастья и гордости, вер-

ящем в своих вождей“. „Здесь – первоклассные организаторы, для которых не только техника, но и сама человеческая душа не имеет больше тайн“.

А именно в тот год, вошло в обиход, из жуткой практики советских лагерей – новое слово: **саморуб...**

У Роллана же люди „исполненные счастья и гордости...“ Как и у „лучшего друга“ – „Человек – это звучит гордо“. „Я нашел в советской молодежи силу, радость и великую надежду, которая крепко и уверенно ведет к великому будущему...“

*

Роллан всю жизнь писал дневники, которые, по его завещанию, должны были быть вскрыты и опубликованы после его смерти. (Страховка для будущего?) И, что же?

Оказывается, уже в 38 г. писал он о советском режиме (но для себя, для себя!) – „Это строй абсолютно бесконтрольного произвола, без малейшей гарантии, оставленной элементарным свободам, священным правам справедливости и человечности... Я подавляю в себе потребность говорить и писать об этом. Я тоже парализован (в свободном мире?!). Стоит мне опубликовать малейшее осуждение этому строю (но ведь и не пробовал ведь вовсе!), как наемные враги (не убийцы же!) подхватят мои слова, как оружие“.

Как оружие... Не ослышались ли мы? Так чего же и желать лучшего, провозвестнику Истины и Добра, как не стать оружием против их порабощения. Но, до конца, даже за могильной гранью, остался Роллан верен себе. Своему тщеславию, расчету и пустоте.

Потому что все этикетки „высокой духовности“ – истине не соответствовали. Были тоже ложью.

Была у Роллана большая духовная поклонница, Мальвида фон Майзенбургс. Ей посвящает Роллан свою горячую благодарность. И – не удивительно. Она писала ему: „Вместо каскада падающих звезд, перед Вами целый мир

светящихся созвездий, мир поэзии, любви и добра. Они вдохновят Вас на бессмертные книги. Я буду умирать с мыслью, что существует идеалист, который скажет миру: жизнь имеет совсем другой смысл, чем тот, который ей приписывают материалисты“.

Поклонники Роллана пишут о нем, что в последних его работах, опубликованных после смерти (1950) – „Путешествие внутрь себя“ и „Из моей жизни“ – „динамичный его гуманизм сверкает в признании ошибок“. К примеру, там он пишет: „Бога нельзя заменить диалектическим материализмом“. Это „откровение“ – не большого интеллектуального накала. Для **мыслителя** – жидковато. Особенно же – для „наследника Христа и Будды“.

Отгадка проста: он шел (как и Горький!) к тем, кто ему аплодировал. К тем, кто хвалил. Потому, что настоящего, бессмертного таланта – не было. Он был – схема, формула, поза перед зеркалом. И это зеркало он не хотел, не мог выпустить из рук, – до самой смерти. И Ромен Роллан вступает, в конце жизни, в полосу заката, который для известного типа „знаменитостей“ и „звезд“ – хуже самой смерти. Потому что он доказывает неистинность блеска, фальшь славы и незаслуженность лавровых венков. Лишает пищи тщеславие.

Одиноко и „бесшумно“ жил Роллан в свои последние годы, в полной изоляции, в Швейцарии. О нем забыли, им не интересовались. Фимиам продолжала ему курить только его непривлекательная жена. Однажды даже прошел слух, что он умер, когда он еще жил. Когда же – 30 декабря 1944 г. – он на самом деле умер, – даже его приверженцы и друзья, не только на Востоке, но и в Европе, узнали об этом только годы спустя.

Никогда не восхищали построения роллановского интеллекта. Ни „соединение браманизма и христианства“, ни „динамический“ гуманизм (лучше бы простой, но настоящий). Все его горение было как бенгальский огонь, не греющий и с короткой жизнью. И оттого он словно растворился в небытии, исчез. Со всеми своими „феервер-

ками“. Не было в них и грана человеческого тепла. Только – жонглирование словами.

Он был воплощением „тщеславия духа“. Мнимая величина.

*

Сходят со сцены великие и малые лжецы. А „битва в пути“ – все продолжается. Никого не убеждают разоблачения, не уговаривают правды... И „западное общественное мнение“ – сверкает все в той же „девственной чистоте“, и все не может вырваться из заколдованного круга своего „отношения“ к коммунизму.

„...Но в них не видно перемены,
Все в них на старый образец“.

И снова подвизается целая армия новых анти-антикоммунистов.

Паралич мышления? Нет. Л о ж ь. Старая знакомая. И „интеллектуалы“ – все так же перебрасывают мосты к левым. Через все очевидности, через все факты, через все правды.

Как не вспомнить В. Розанова: „Механизм гибели европейской цивилизации будет заключаться в параличе против всякого зла, всякого негодяйства“.

И махрово цветет – чудовищная, закабаляющая, убивающая л о ж ь. Иногда „в ореоле духа и гения“, но чаще – и без духа, и без гения...

Приписки к „соловьевiane“

Даже совсем непредвзятый художник в портрет данного лица привносит нечто от себя: технику живописания, индивидуальную трактовку, симпатию к модели или, наоборот, антипатию... Еще сильнее это сказывается в случае карикатуры: зритель опознает знакомое лицо, но – в искаженном виде. Представим себе, что портрет Вл. Соловьева был бы заказан у двух художников: Иеронима Босха и Б. М. Кустодиева... легко вообразить, сколь различны были бы эти портреты.

В «Вече» № 17 была напечатана статья Л. Келер „**Владимир Соловьев – слепой вождь слепых**“. Статья эта весьма „эрудирована“ (49 примечаний к 25 страницам текста), но – да простит мне ее автор – лик Соловьева освещен в ней предвзято-односторонне. Не входя в философские и богословские прения с автором статьи, мы попытаемся воспроизвести некий антипортрет (по отношению к ее изображению), приведя мнение друзей и знакомых философа, сперва относительно его внешности и характера, и, затем, в порядке общей оценки его значения, мнения мыслителей авторитетных в области истории философии. Наш портрет будет иметь апологетический характер и возникнет он в результате наложения, так сказать, трех кадров – один на другой: физического, психического и интеллектуального.

В недавно изданной монографии, А. Ф. Лосев, исходя из биографических данных, собранных С. М. Соловьевым (племянником философа), проф. М. Д. Муретовым, С. М.-Лукьяновым, Е. М. Шоливановой, М. С. Безобразовой (сестрой философа) и др., но, значительнее всего – кн. Е. Н. Трубецким, так описывает внешность Вл. Соловьева:

„Вл. Соловьев был худой и высокого роста. У него были грустные, ласковые и пронизательно видящие глаза, что еще и теперь можно разглядеть на дошедших до нас фотоснимках и портретах. Он всегда носил большую бороду и длинные волосы, доходившие до плеч, так что мальчишки иной раз называли его „божинька“, а кое-кто называл его „батюшкой“ и даже подходил под благословение, которого он, не будучи духовным лицом, конечно, не мог дать. Исходя из иконописных традиций говорили, что он похож на Иисуса Христа, а его голова как-будто напоминала голову Иоанна Крестителя. Но эта внутренняя и внешняя духовность удивительным образом совмещалась у него с веселым нравом, с постоянной шутливостью, с любовью к своим и чужим анекдотам, с шуточными произведениями...“ (А. Ф. Лосев, „Вл. Соловьев“, Москва, „Мысль“, 1983, стр. 19. Ссылки на эту книгу ниже будут ограничиваться только номером страницы. И. Г.).

Е. М. Поливанова, слушательница на Высших женских курсах в Москве, записала первое впечатление, произведенное на нее появившимся впервые на кафедре молодым профессором:

„У Соловьева замечательно красивые сине-серые глаза, густые темные брови, красивой формы лоб и нос, густые темные довольно длинные и несколько вьющиеся волосы; не особенно красив у него рот, главным образом из-за слишком яркой окраски губ на матово-бледном лице; но самое это лицо прекрасно и с необычайно одухотворенным выражением, как бы не от мира сего; мне думается, такие лица должны были быть у христианских мучеников. Во всем облике Соловьева разлито выражение чрезвычайной доброты“ (С. М. Лукьянов, „О Вл. С. Соло-

вьеве в его молодые годы“, Пг., 1916-1921, стр. 47).

В книге А. Ф. Лосева приведено, между прочим, и такое описание: „У нас есть сведения о том впечатлении, какое произвел Вл. Соловьев и его первая лекция о богочеловечестве в Петербургском университете, читанная в конце 70-х годов. А. Ф. Кони передает рассказ очевидца, присутствовавшего на лекции, причем аудитория на этот раз состояла почти исключительно из естественников, относившихся к Соловьеву весьма настороженно и шумно волновалась.“ /.../ „Но вот все разом стихло, и сотни глаз устремились на молодого еще человека, одетого в скромный домашний пиджак и тихо, с опущенными глазами, входившего в аудиторию. Прежде всего, что бросалось в глаза, это прекрасное одухотворенное его лицо. Оно было продолговато, с бледными, немного впавшими щеками, с небольшой раздвоенной бородкой и в раме густых черных волос, кольцами спускавшихся на плечи. Он медленно взошел на кафедру и обвел глазами огромную аудиторию. Эти большие темноглубые глаза с густыми черными бровями и ресницами были глубоки, полны мысли и огня и как бы подернуты мистическим туманом. На губах играла милая, ласковая улыбка. Аудитория, вопреки обычаю встречать нового профессора аплодисментами, хранила гробовое молчание. Среди „филологов“ послышалось было несколько шлепков, но они тотчас были заглушены бурным: шш-шш... Соловьев с той же мягкой улыбкой начал лекцию. Начал он говорить тихо, но чем далее, тем голос его более и более становился звучным, вдохновенным: он говорил о христианских идеалах, о непобедимости любви, переживающей смерть и время, о презрении к миру, который „во зле лежит“, говорил о жизни как о подвиге, цель которого – в возможной для смертного степени приблизиться к той „полноте совершенства“, которая явлена Христом, которая делает возможным „обожествление человечества“ и обещает царство „мировой любви“ и „вселенского братства“... Такова была тема этой вступительной лекции. Он окончил и по-прежнему опустил голову на грудь. Нес-

колько секунд молчания, и вдруг – бешеный взрыв рукоплесканий. Аплодировала вся аудитория – и естественники, и юристы, и филологи“. (А. Ф. Кони, „Очерки и воспоминания“. СПб, 217-218).

*

Вл. Соловьев был бессребренником. Об этом пишет Е. Н. Трубецкой: „Не удивительно, что в житейских отношениях его всякий мог обойти и обмануть. Прежде всего, его со всех сторон всячески обирали и эксплуатировали. Получая хорошие заработки от своих литературных произведений, он оставался вечно без гроша, а иногда даже без платья. Он был **бессребренником** в буквальном смысле слова, потому что серебро решительно не уживалось в его кармане; и это не только вследствие редкой своей **детской** доброты, но также вследствие решительной неспособности ценить и считать деньги“. Когда у него просили денег, „он вынимал бумажник и давал, не глядя, сколько захватит рука, и это с одинаковым доверием ко всякому просившему. А когда у него не было денег, снимал с себя верхнее платье. Помню, как однажды, глубокой осенью, в Москве, я застал его страдающим от холода: весь гардероб его в то время состоял из легкой пиджачной пары... и еще более легкой серой крылатки: только что перед тем, не имея денег, он отдал какому-то просителю все суконное и вообще теплое, что у него было: он рассчитывал, что к зиме успеет заработать себе на шубу“. (Е. Н. Трубецкой, „Мирозерцание Вл. Соловьева“, т. I, М., 1913, I, стр. 11-12).

В статье Л. Келер Вл. Соловьев назван **алкоголиком**. Подобного „диагноза“ мы не находим в трудах таких биографов, которые были близки к философу. Да, он любил вино, но что же в этом плохого? Вот Хам уничижил подвыпившего отца своего, Ноя, и был за это проклят им. В Священном Писании имеется много предостережений против злоупотребления вином, но и много славословий вину („Вино веселит сердце человека“, Пс. 103; „Дайте

сикеру погибающему и вино - огорченному душою“, Прит. 31,6; „Вино полезно для жизни человека“, Сир. 31,29-37 и др.). Иисус Христос переменял воду в вино на пиру в Кане Галилейской. Сам Он сказал: „Ибо пришел Иоанн Креститель: ни хлеба не ест, ни вина не пьет; и говорите: в нем бес. Пришел сын человеческий: ест и пьет; и говорите: вот, человек, который любит есть и пить, друг мытарям и грешникам“. (Лук. 7,35). И превыше всего вознес Богочеловек вино, избрав его для евхаристических пресуществлений.

Вернемся теперь к Вл. Соловьеву. Кн. Е. Трубецкой вспоминает, что трапезы с ним имели „платоновский“ характер („Пир“!). Он притягивал своим шармом людей различных сословий, очаровывал и заинтересовывал всех собеседников. Э. Л. Радлов свидетельствует, что Соловьеву была свойственна „детская веселость“, удивительное чувство юмора. (См. Письмо I). А. Ф. Лосев пишет:

„Мы нередко находим в соловьевских материалах факты, свидетельствующие о любви Вл. Соловьева к вину, особенно к шампанскому. Можно сказать, что всякий случай, более или менее заметный в его жизни, он сопровождал шампанским и угощал им своих друзей. Но не нужно слишком преувеличивать отношение Вл. Соловьева к вину. Если посмотреть, например, его произведения, написанные в последние десять лет жизни, то можно только поразиться небывалой работоспособности Вл. Соловьева, огромному количеству разрабатываемых у него тем, а также оригинальности и глубине постановки вопросов, подлежащих его исследованию. Никакая голова, находящаяся под действием винных паров, не может сочинить столько, сколько продумал и написал Вл. Соловьев за свою сравнительно короткую жизнь. В одной характеристике Вл. Соловьева, которую дает С. М. Соловьев (племянник), прямо говорится, что при своей перегрузке литературной работой Вл. Соловьев, наоборот, иной раз подбадривал себя вином. Но в последние годы жизни он вообще не пил крепких напитков, употребляя только легкое вино“. (Стр. 30,31).

А вот, что пишет о винопитии сам Вл. Соловьев в своем сочинении „Оправдание добра“:

„Что касается до питья, то самое простое благоразумие запрещает употребление крепких напитков, доводящее до потери разума. Аскетический принцип требует, конечно, бóльшего. Вообще вино повышает энергию нервной системы и через нее психической жизни; на наших ступенях духовного развития, где преобладающая сила в душе еще принадлежит плотским мотивам, все, что возбуждает и поднимает служащую душе нервную энергию, идет на пользу этого господствующего плотского элемента и, следовательно, крайне вредно для духа; поэтому здесь необходимо полное воздержание „от вина и сикера“. Но на более высоких степенях нравственной жизни, какие достигались в языческом мире, например, Сократом (см. Платонов „Пир“), – энергия организма служит более духовным, нежели плотским, целям, и повышение нервной деятельности (разумеется, в пределах, не затрагивающих телесного здоровья) усиливает действие духа и, следовательно, может быть в известной мере не только безвредно, но даже и прямо полезно. Всеобщим и безусловным правилом остается здесь одно: сохранять духовную трезвость и ясность сознания“. (Стр. 77-78).

По свидетельству кн. Е. Н. Трубецкого Вл. Соловьев говаривал ему, что „вино, это прекрасное проверочное средство, оно раскрывает всего человека: животное в вине становится абсолютным зверем; человек же становится чем-то бóльшим, чем человек“. (Труб. I,17).

В подтверждение своего тезиса, что Соловьев был алкоголиком, Л. Келер пишет, что он скончался от цирроза печени. А. Ф. Лосев же утверждает, что философ умер от общего истощения организма, артрита и болезни почек.

*

У Вл. Соловьева бывали галлюцинации. Л. Келер диагностирует, что он был в „прелести“ и попал „в силки

черта“ (так!). В своих утверждениях она ссылается на такие авторитеты, как митр. Антоний (Храповицкий) и проф. И. М. Андреев. Но если видения черта являются признаком прелести и пребывания в силках злого духа, то как же Церковь канонизировала Антония Великого, отца монашествующих, двадцать лет боровшегося с чертом в пустыне? Относительно „прелести“ Вл. Соловьева пишет Н. С. Лосский: „Некоторые русские, желающие быть более православными, чем само православие /.../ с подозрением относятся к мистическому опыту Соловьева; они мнят, что его видения Святой Софии были „прелестью“, т. е. проявлением злого духа, облекшегося в маску святости /.../ он сам отдавал себе отчет в опасности мистического опыта. Достаточно уяснить себе его острое нравственное сознание всяких попыток злой силы свести человека с прямого пути, путем тонкого смешения добра со злом; и мы должны отвергнуть, как совершенно неправдоподобную идею, что, развивая свое учение о священно-женственном, он поддавался „прелести“. В самом деле, были среди русских поэтов, особенно в период их молодости, примеры поддачи такой прелести: они попадали в пропасть кощунственного эротизма, как свидетельствует об этом А. Белый в своих воспоминаниях относительно Блока. Но Соловьев ни в какой степени не повинен в этом искажении идей. Все, что велико, податно искажениям на земле, в мысли или поведении некоторых лиц, вина лежит на тех, кто допускает такие искажения, а не на принципах, которые они искажают“. (Стр. 132).

Кн. Е. Н. Трубецкой считал, что „видения“ Соловьева, зрительные и слуховые, были чистыми галлюцинациями. Сам Соловьев считал, что хотя галлюцинации свойственны людям особого психического склада, тем не менее то, что является в видениях, существует в объективном порядке. Об этом дальше пишет кн. Е. Н. Трубецкой, выражая точку зрения самого Соловьева: „...болезнь делает наше воображение восприимчивым к таким воздействиям духовного мира, к которым люди здоровые остаются совершенно нечувствительными. Поэтому он в

подобных случаях не отрицал необходимости лечиться. Он признавал в галлюцинациях явления субъективного и притом больного воображения. Но это не мешало ему верить в объективную причину галлюцинаций, которая в нас **воображается, воплощается** через посредство субъективного воображения – во внешней деятельности. Словом, в своих галлюцинациях он признавал **явления медиумические**“. („Мировоззрение Вл. Соловьева“, М., 1913, стр. 21).

Относительно „прельщения женственностью“ Соловьев сам писал: „Не вводится ли женственный элемент в Божество, как таковое? Без обсуждения теософической проблемы по существу, чувствую обязанность – чтобы предостеречь читателей перед искушением, и меня самого от незаслуженных упреков, сказать следующее: 1) перенесение плотских, животных человеческих отношений в область сверхчеловеческого, является величайшей **абоминацией** и причиной сущих катастроф (потоп, Содом и Гоморра, „сатанические глубины“ последнего периода); 2) поклонение женскому элементу, как таковому, т. е. принципу невыявленности и недифференциации, склонному ко лжи в меньшей степени, чем к добру и истине – является большим сумасшествием и главной причиной современных неряшеств и слабостей; 3) подлинное поклонение вечной женственности, предвечно воспринимавшей Божью мощь и истинно воплотившей полноту добра и истины и, через них, бессмертную славу (сияние) красоты, не имеет ничего общего с этой глупостью и абоминацией“.

„Но чем более совершенным и сокровенным является откровение подлинной красоты, в которую облачается Божество и Своей властью ведет нас к спасению от страданий и смерти, тем уже предел, который отделяет единство личности Соловьева, что его никак нельзя вообразить без них. И на всем этом лежала такая прочная и неистребимая печать внутреннего благородства, высшего аристократизма души, что он органически был неспособен подчинять свою волю каким-нибудь пошлым и низ-

ким побуждениям. Высокий строй духа был прирожден ему, и оттого не поколебали его никакие житейские испытания и никакие перемены судьбы, и он донес его до могилы. Таков был Соловьев как человек /.../ В вопросах исторических, церковных, общественных он часто колебался, быть может, заблуждался и обманывался. Допустим всё это – ведь нет в самом деле на свете непогрешимых людей. Но он был честный, пламенный, неутомимый искатель правды на земле, и он верил, что она сойдет на землю“. (Л. М. Лопатин, „Памяти Вл. Соловьева“, «Вопросы философии и психологии», 1910, Пр. 5, стр. 625-627, 636).

В книге А. Ф. Лосева о Соловьеве мы читаем: „И так как статьи Розанова о Вл. Соловьеве всеи давно забыты и их найти трудно даже в столичных центральных библиотеках, то мы сочли необходимым привести все предыдущие (у нас – последующие, и.Г.) цитаты, поскольку этот бывший ругатель Вл. Соловьева высказал также о нем глубокие мысли, которые вообще едва ли приходили кому-нибудь в голову. Последуем примеру А. Ф. Лосева.

„Вот уж был странник в умственном, идейном и даже в чисто бытовом, так сказать, жилищном отношении! Сын профессора, с большими правами на кафедру, он не получил „по независящим обстоятельствам“ этой кафедры; внук священника, посвятивший памяти деда „Оправдание добра“, он был крайне стеснен в своих желаниях печататься в академических духовных журналах; журналист, он нес религиозные и церковные идеи, едва ли встречая для них распахнутые двери в редакциях. Он пробирался в щелочку, садился пугливым гостем, готовым вот-вот вспорхнуть и улететь со своим двусмысленным смехом“. /.../ „Дедовская священническая кровь, учено-университетские заботы отца и, наконец, весь духовный пласт наших шестидесятих годов с их хлопотливыми затеями, шумными отрицаниями и коренным русским „простецким“ характером отразились в Соловьеве. Он был какой-то священник без посвящения, точно несший обязанности, и именно литургические обязанности, на себе. Это

заметно было в его психологии. Точно он с вами говорит-говорит, а вот придет домой, наденет епитрахиль и начнет готовиться к настоящему, должностному, к завтрашной „службе“. Ссылки на Священное Писание, на мнения отцов церкви, на слова какого-нибудь схимника-„старца“ постоянно мелькали в его разговоре“. (В. В. Розанов, „Около церковных стен“, т. I-II, СПб, 1906, I, стр. 239-240).

Н. О. Лосский в своей „Истории русской философии“ (по-английски, Лондон, 1952) пишет: „Имеются многие недостатки в жизненном труде Владимира Соловьева и многое осталось для его последователей, но, во всяком случае, он был первым создателем оригинальной русской системы философии и положил основание целой школе русской религиозной и философской мысли, которая все растет и развивается“. Но чем крупнее личность, тем более завистников и врагов. „Ослепленные ненавистью они распространяли клевету и обвинения, клеймя его обвинениями, часто самопротиворечивыми“. (Стр. 133, 125).

Прот. В. В. Зеньковский в своей „Истории русской философии“ (Париж, 1950) пишет:

„Обозревая построения Соловьева в целом, мы должны признать их имеющими высокую ценность не только в пределах истории русской мысли, но и далеко за ее пределами. Если это еще не признано философами всего мира, то, прежде всего, потому, что до сих пор ни на один общеизвестный язык не переведены все его сочинения, а с другой стороны, система Соловьева, как опыт синтеза религии, философии и науки с той метафизикой, антропологией и историософией, какую развил Соловьев, слишком чужда современным философам. Наибольшая ценность построений Соловьева заключается именно в их **синтетическом замысле**. Конечно, было бы неправильным называть построения Соловьева „христианской философией“ – в ней слишком сильны и нехристианские тона, в ней много от пантеизма. Соловьев все же был подлинно верующим человеком, сознательно и горячо принявшим

в себя основные истины христианства, но в его синтетический замысел входило включение и таких идей, которые никак не соединимы с христианством. Мы уже говорили о том, что не христианская доктрина обогащается у него за счет философии, а, наоборот, в философию он вносит христианские идеи и ими обогащает и оплодотворяет философскую мысль. Пусть Соловьев как-то странно совмещает в себе сознательный отход от предпосылок секуляризма с постоянным использованием положений, выросших на почве секуляризма; пусть Соловьев соединяет подлинное признание основ христианства с суетливым желанием „оправдать“ веру отцов, – вообще, пусть в итогах его творчества, и в самых предпосылках его, заключено много несогласуемых и даже противоречивых начал. Пусть все это так, но здание, им воздвигнутое, все же замечательно и, что важнее всего, – оно полно вдохновляющей силы, излучает стимулирующее творчество энергии. Во всяком случае, Соловьев, хотя и не дал синтеза всего того, что до него созревало в русской философии, но он вывел русскую мысль на общечеловеческие просторы. Корни творчества Соловьева не только русские, но и не только западно-европейские – они всемирные. Всеобъемлющая сила его синтеза не пропустила мимо себя ничего значительного, что дало человечество в философских исканиях, – и мы снова можем повторить о нем слова о. С. Булгакова, что система Соловьева есть „самый полнозвучный аккорд“ в истории философии. Вместе с тем, значение Соловьева чрезвычайно велико и в истории русской философии, как таковой. Помимо того, что его блестящий литературный талант приблизил труднейшие философские темы к широким кругам русского общества – он для целого ряда поколений был и остается вождем в определенном философском направлении“. (т. II, стр. 69-70).

Наложим на наш мозаичный портрет Вл. Соловьева его „автограф“.

„С тех пор, как я стал что-нибудь смыслить, я сознавал, что существующий порядок вещей (преимущественно же

порядок общественный и гражданский, отношения людей между собою, определяющие всю человеческую жизнь), что этот существующий порядок далеко не таков, каким должен быть, что он основан не на разуме и праве, а, напротив, по большей части на бессмысленной случайности, слепой силе, эгоизме и насильственном подчинении. Люди практически хотя и видят неудовлетворительность этого порядка (не видеть ее нельзя), но находят возможным и удобным применяться к нему, найти в нем свое теплое местечко и жить, как живется. Другие люди, не будучи в состоянии примириться с мировым злом, но считая его, однако, необходимым и вечным, должны удовольствоваться бессильным презрением к существующей действительности или же проклинать ее а la лорд Байрон. Это очень благородные люди, но от их благородства никому ни тепло, ни холодно. Я не принадлежу ни к тому, ни к другому разряду. Сознательное убеждение в том, что настоящее состояние человечества **не таково, каким быть должно**, значит для меня, что оно **должно быть изменено**, преобразовано. Я не признаю существующего зла вечным, я не верю в черта. Сознывая необходимость преобразования, я тем самым обязываюсь посвятить всю свою жизнь и все свои силы на то, чтобы это преобразование было действительно совершено. Но самый важный вопрос: **где средства?**“ (Письмо к Е. К. Романовой /Селевиной/ 2 августа 1873 г. Соловьев В. С. „Письма“, в 4-х томах. СПб. Пг. 1908-1923. Т. 3, стр. 87-88).

Мы преднамеренно не затронули в этой статье основных тем философии Вл. Соловьева, дабы не исказить теоретические дисциплины аргументами „ad personam“.

**О писателе Аксенове
И
„пьющем народе России“**

С писателем Василием Аксеновым я не знаком, книгу его не читал, но видеть один раз привелось. Было это лет пятнадцать-двадцать назад. Однажды сидел я в кафе-мороженом „Север“ что напротив Елисейевского магазина в Москве, а недалеко за столиком – две или три девушки и молодой мужчина с небольшой бородой и, насколько помнится, в свитере. Мужчина был пьян. Не то, чтобы лыка не вязал, но выпил все же крепко. Девушки были чем-то взволнованы и говорили, как мне показалось, про апельсины. На душе у меня было скверно, и мне захотелось поговорить. „Простите, а где апельсины дают?“ – спросил первое, что взбрело в голову, одну из девушек, ту что сидела ближе ко мне. К моему удивлению, в ответ на мой банальный вопрос, девушка нивесть от чего вспыхнула. „Что значит дают? – раздраженно сказала она. – Мы про книгу говорим, а не про апельсины“. Тут меня осенило. Мужчина с бородой был очень похож на писателя Аксенова, фотографию которого я видел в каком-то журнале, кажется в «Юности». Не Аксенов ли это в самом деле? Девушка подтвердила мою догадку: „Да, это Аксенов“. Разговора впрочем, не получилось. Аксенов не проявил ко мне интереса, а девушка отмахнулась от меня, как от назойливой мухи. Что ей до меня, когда рядом сидит такая знаменитость! В то время повесть Аксенова „Апель-

сины из Марокко“ была у всех на устах, заменяя, видимо, дефицит апельсинов в их натуральном виде. Выйдя из кафе, я тут же забыл и про девушек, и про Аксенова. То, что писатель оказался, мягко говоря, навеселе, меня не удивило. Я посчитал это в порядке вещей. Свобода и хмель, как говорил Языков, две добродетели поэта. Пушкин, говорят, любил шампанское мадам Клико, а Достоевский начинал обед не иначе, как со стопки водки. Правда, они обладали и другой добродетелью – свободой, которой лишена сегодняшняя Россия. А если нет свободы, как прикажете заглушать чувство отчаяния и тоски, охватившее вас при виде окружающей безысходной жизни. Человек слаб – что ему остается? Поневоле напьешься...

Этот незначительный эпизод всплыл у меня в памяти, когда в руки мне попала «Русская мысль» со статьей Аксенова „Диетические яйца города Кашина“. Статья меня озадачила. Я никак не мог вбить себе в толк, отчего это знаменитый писатель-эмигрант, порвавший с партийной системой России, вдруг „включился“ в „антиалкогольную кампанию“, затеянную новым генеральным секретарем Горбачевым? Неужели писатель, обретя свободу, стал заядлым трезвенником? Иначе как объяснить его недобрый сарказм, с которым он ополчился против „пьющего народа России“, изображая этот народ в жалком и непристойном виде? Сетуя на утрату „культуры выпивки“ в России, Аксенов возмущается плохим качеством портвейнов, т. е. так называемых „бормотух“, „трех семерок“, „рассыпук“, „солнцедаров“ и пр. Озабоченный здоровьем народа, он призывает „горбачевское руководство прекратить навсегда производство этой отравы“. Аксенову, впрочем, как и Горбачеву, видимо, представляется, что стоит только издать соответствующее постановление, как народ, словно по мановению волшебной палочки, обретет нравственное здоровье, бросив пить, а заодно и дурную манеру „кучковаться в темных и грязных дворах и проездах, чтобы сообразить на троих“. В теперешней России, действительно, нет „приличных мест,

чтобы собраться“. В этом Аксенов прав. Но если даже в России вдруг, „по щучьему веленью“ выросли бы „приличные места“, то тех, кто соображает на троих, все тянуло бы в „темные грязные дворы и проезды“, – такова уж, увы, их натура, вот уже почти 70 лет как приобретенная. Кстати, настоящих закрытых дворов в Москве, разрушенной „коммунистической реконструкцией“ почти не осталось. Вместо дворов, как правило, скверики и пустыри, открытые со всех сторон на близлежащие улицы. Поэтому пьют чаще не во дворах, куда неровен час милиционер или дружинник заглянут, а в подъездах, которые от этого всегда дурно пахнут. Этот запах особенно поражает иностранцев, рискнувших нанести тайный визит кому-либо из москвичей. Стоит такому смельчаку войти в подъезд, как в нос ему ударяет винным перегаром, а то и чем похуже. Может быть, по мысли Аксенова, после прекращения производства „бормотух“ московские подъезды заблагоухают парижскими духами, а лестницы покроются ковровыми дорожками, как в былое время?

Неужели писателю невдомек, что выпуск хорошего вина, как впрочем, и модной, красивой и добротной мебели, удобной бытовой техники т.е. создание комфорта и приобретение хороших манер, есть часть общей культуры, есть то, что мы называем цивилизованной жизнью. Может ли народ, у которого уничтожили традиции и культуру, веками создаваемую, и отгородили его от европейской цивилизации, с которой он был прежде связан тесными узами, создать что-либо путное? Сомневаюсь в этом. Как не может он внезапно перестать пить, а тем паче обрести „культуру выпивки“, как бы страстно ни желали этого Горбачев и Аксенов.

Эти мысли не настолько мудрены, чтобы они не могли придти на ум более или менее талантливому писателю, наблюдающему народные нравы. Тогда в чем же дело? Что хотел сказать своей статьей Аксенов? Видимо, суть статьи иная, чем кажется на первый взгляд. Создается впечатление, что так называемая „проблема алкоголизма“

- лишь повод для Аксенова, чтобы блеснув остроумием, осмеять простых людей России. Вспомните хотя бы сцену на главной площади города Кашина, куда на своей машине прибывает писатель для встречи со своими московскими приятелями - художниками. Чего только ни узрел Аксенов на этой площади! Тут и „молчаливые кучки праздных людей, туманно взирающих на машину“ писателя, тут и распахнутая грудь с щедро татуированным портретом Сталина, здесь и некто, подпирающий своим телом фонарный столб, и шофер, свисающий из кабины вонючего фургона. К этим пьяницам и подошел писатель, интересуясь, как попасть ему на улицу Ленина. Живущему или жившему в теперешней России хорошо известно, что именем Ленина названа главная улица каждого провинциального города. Поэтому, находясь на главной площади города, Аксенову не надо было искать улицу Ленина - эта улица, как правило, пересекает главную площадь или выходит на нее. Допустим, что Аксенов этого не знал и, запутавшись в двух соснах, предпринял мучительные поиски главной улицы, но скажите, какой здравомыслящий человек станет спрашивать дорогу у тех, кто лыка не вяжет? И кто поверит, что на главной площади города не было в летний день ни одной трезвой души! Художники, в отличие от пьяных на площади, представлены Аксеновым трезвенниками, безмятежно живописующими на пленэре. Да и сам писатель предстает перед нами как этакий аскет-пуританин, не только не запятнанный „зеленым змием“, но даже прежде до приезда в Кашин не выдавший никогда пьяных. Первая же встреча с ними привела его в шоковое состояние. Чуть ли не в паническом ужасе бежал знаменитый писатель с проклятой площади и успокоился лишь тогда, когда наткнулся на своих приятелей - художников, которые растолковали оторопевшему другу, что „мужичков“ бояться нечего, они „не бузят“. На кого рассчитана вся эта выдумка? Уж не собирался ли писатель, подобно греческим философам, вести диспуты со своими друзьями-художниками о возвышенных материях на лоне природы?

Что ж, если это и было так, то без выпивки не обошлось - уверяю вас!

Уж кому, как не Аксенову, бывшему члену Союза писателей СССР, должно быть известно, что писатели, художники, актеры, композиторы, т. е. представители так называемой творческой интеллигенции пьют зачастую похлеще тех, кто толпится у пивных ларьков и винных прилавков. Помню, в 70-е годы в Москве рассказывали, как известный киноактер, ныне покойный, Борис Андреев, имевший звание народного артиста СССР, будучи пьяным, разбил ночью витрину мебельного магазина и улегся спать на выставленном там диване. Представляю как пришлось повозиться прибывшим милиционерам, выволакивая этого здоровяка из витрины. Другой случай трагикомический. Художник-реставратор Р., находясь на строительных лесах, реставрировал в церкви роспись на стене. Хватнув лишнего, он не оставил работу, а напротив, принялся за нее с еще большим рвением. Чтобы взглянуть на сделанное издали, как это принято у художников, он отступил назад, забыв, что стоит на узком и шатком основании из двух-трех досок, кое-как скрепленных вместе, и естественно, сиганул вниз, отделавшись, к счастью, переломом ног, ребер и сильными ушибами. А художнику Виктору Попкову, ныне почитаемому в России, вакхическое излишество стоило жизни. В пьяном угаре, несмотря на предупреждение, он попытался силой открыть дверцу такси, занятого инкассаторами, и получил пулю в горло. В его гибели повинны в большей степени власти, использующие такси не по назначению, но не будь художник пьян, вряд ли эта история кончилась бы столь трагически.

Вполне вероятно, что Аксенов в 1980 году, к которому относится его пребывание в Кашине, был уже не тот, что встретился мне в кафе „Север“, т. е. стал пить в меру или перестал пить вовсе. Возможно также, что в трогательной заботе о нравах своих друзей-художников, писатель прихватил для них из закрытого ресторана Дома писателей пару-другую бутылок французского коньяка с импортны-

ми бокалами впридачу, чтобы художники не уподобились предпочитающим пить „бормотуху“ из стаканов. Однако маловероятно, чтобы хотя бы один из его друзей-художников не напился до чёртиков этого самого французского коньяка, а по испитии оного побрезговал бы и „бормотухой“ – ведь пьяному море по колено! Зачем же понадобилось Аксенову противопоставлять „творческую интеллигенцию“ и себя в том числе, простым людям России, рисуя последних в карикатурном виде? Ведь кто такие эти „молчаливые мужички“, над которыми насмехается Аксенов? В статье назван лишь один из них – шофер машины с диетическими яйцами. Всех остальных писатель, подобно Петру Верховенскому из „Бесов“ Достоевского, объединяет в „кучки“, навешивая на них слово „мужички“, потерявшее свой давний смысл, став жаргонным обращением, бытующим кстати, не в провинции, а среди москвичей. Однако, если бы Аксенов не торопился на встречу со своими приятелями, он мог бы, как писатель, многое извлечь из беседы с этими „мужичками“. В их „кучке“ мог оказаться бывший заключенный, живший когда-то в Москве, но теперь доживающий свой век со стаканом „бормотухи“ в 200 км от столицы, ибо там ему, по всей вероятности, жить запрещено. Дешевым вином мог заливать свое горе старик-крестьянин, испытавший на себе сталинскую коллективизацию и чудом оставшийся в живых. Наконец, кто-нибудь из „кучки“ мог поведать писателю о семейной своей драме. Ведь у подвыпившего русского человека, как известно, душа нараспашку! Да мало ли какая интересная история могла открыться Аксенову, если бы не спешил к приятелям, а подошел к этим людям с открытой душой и пытливым сердцем! Ведь эти „мужички“ – не партийные аппаратчики, не служащие горисполкома, не председатели колхозов и даже не заведующие продмагов. Это простые люди сегодняшней России, „униженные и оскорбленные“ партийной властью и условиями жизни, в которые они поставлены. Это те, кто, как говорит эта власть, „не захотели идти в ногу с советским народом в его победоносном шествии к светлому

будущему – коммунизму“, предпочтя этому шествию стакан „бормотухи“. Именуя их презрительно „кучками праздных мужичков“, Аксенов уподобляется партийным пропагандистам, которые вешают на них ярлык „алкоголиков“, „тунеядцев“, „паразитов общества“, „отщепенцев“ и пр.

Петр Верховенский, как известно, называл „кучками“ разветвления революционеров, скрепленных воедино соучастием в убийстве. Если уж Аксенову нестерпимо захотелось употребить это слово, то он должен был направить его по другому адресу. „Кучки“ – это не простые люди России, заливающие безотрадность своей жизни дешевым вином, а партийно-гебистская прослойка, „смазанная кровушкой“ и мертвой хваткой вцепившаяся в тело и душу народа...

Отдельные детали, выхваченные из жизни в разное время и в различных обстоятельствах, Аксенов одним махом выплеснул на площадь города Кашина. Конечно, писатель вправе воспользоваться тем или иным художественным приемом, но все дело в том, какую цель он при этом преследует. Талант писателя, говоря словами Пушкина, служит „для остроумного изыскания истины“. У Аксенова, судя по всему, цель иная. Его статья мало чем отличается от публикаций на эту тему в партийных газетах в России. Если убрать из нее антисоветские пассажи, она по своей сути вполне годится для «Крокодила» или стендов „Не проходи мимо“, нередко устанавливаемых у районных отделений милиции. То же презрение к спивающимся людям, то же издевательское их изображение, тот же разнузданно-жаргонный советский язык.

У меня есть знакомый в Москве, назвать которого я, по понятным причинам, не имею права. Он один из тех „праздных людей“ над которыми насмехается Аксенов. Он нигде не работает, сильно пьет, не брезгует и наркотиками. Временами, правда, чтобы „не замела милиция за тунеядство“, он устраивается работать грузчиком, как правило, в винный отдел магазина. Соблазн сообразить на троих там особенно велик. Грузчики обычно распивают

„бормотуху“ в подсобном помещении или у пустых ящиков, сброшенных в беспорядке во дворе у заднего входа в магазин. Причем, зачастую они пьют вовсе без стаканов, а прямо из горлышка, закусывая по обыкновению, вареной колбасой с хлебом. Немудрено, что для моего знакомого, склонного к выпивке, работа в магазине превращается в сплошной запой. С утра он уже „на взводе“, а к вечеру напивается в стельку. А между тем, его основное увлечение – это русская литература, в которой он неплохо разбирается, хотя не имеет никакого специального образования, и даже сам пробует писать, увы, пока, безуспешно. Интересуется он и „запрещенной литературой“. Его импортная сумка, купленная у какого-то фарцовщика в тридорога, всегда набита редкими книгами, их кустарными перепечатками, а также книгами и журналами на русском языке, изданными на Западе. Где он их достает, для меня – загадка, но я, естественно, никогда не интересовался этим, ибо по неписанному этикету спрашивать об этом не полагается. Разумеется, мой знакомый зарабатывает на продаже книг, имея круг клиентов, кто не боится держать у себя „запрещенную литературу“. Об Аксенове он отзывался всегда с неизменным восхищением. Каждый раз, встречаясь со мной, он с жаром уговаривал меня „взять что-нибудь из Аксенова“, и каждый раз мне стоило большого труда отбиться от этого предложения, отдавая предпочтение русским писателям и поэтам XIX – начала XX века. Не трудно предвидеть, как отреагирует мой знакомый на саркастические выверты Аксенова, если статья Аксенова случайно попадет в его руки, а ведь такая возможность, судя по тому, чем он занимается, не исключена. Реакция его будет однозначной. Будучи человеком молодым, пылким, без манер, он с негодованием пошлет писателя очень далеко, не стесняясь в выражениях. Да и как тут не возмутиться писателем, который, живя под защитой американского флага, сытой и обеспеченной жизнью, безответственно порочит тех, кто в тяжких и опасных условиях, рискуя попасть в лагерь или тюрьму, распространяет произведения писателей и поэтов,

запрещенных в теперешней России, в том числе и Аксенова. По Аксенову выходит, что моему знакомому нужно „бросить пить, приобрести специальность, и устроится на постоянную работу“ и „жить, как все советские люди“. Чем не поучения в духе партийных и райисполкомовских инструкторов? Однако, если мой знакомый книжник станет „жить, как все“, т. е. „строить коммунизм“, ему будет уже не до „запрещенной литературы“ – ведь двум господам, как известно, служить невозможно... Эта важная мысль, видимо, не пришла Аксенову в голову...

Истинно русский писатель издавна имеет особую миссию, сходную с благотворящей деятельностью Святых на Русской земле. Он помогает народу, говоря словами Ключевского, „живо ощутить в себе присутствие нравственных сил“, которых он в себе не чаял, и сам становится для народа „носителем чудодейственной искры, способной зажечь к действию эти силы всегда, когда они понадобятся“. Но какую искру может иссесть в народе высокомерная насмешка над ним? Она „не оживит его нравственное чувство и не поднимет дух народа выше его привычного уровня“, и тем более несовместима с заботой о нем, которую силится продемонстрировать Аксенов. Присоединяясь к партийной власти в ее „антиалкогольной кампании“, писатель вызывает к действию лишь те силы, какие применяет эта власть, чтобы „воспитать трудящиеся массы“. С этой целью почти 70 лет она проводит пропагандистские кампании под лозунгами борьбы „за“ и „против“. При Ленине и Сталине эти кампании приводили к массовому террору, теперь они ни к чему не приводят, но власть упорно, под предлогом заботы о „благе народа“, продолжает куражиться над ним, изобретая всяческие постановления, оскорбляющие честь и достоинство человека. В настоящий момент власть затеяла „борьбу против пьянства“. Пристойно ли писателю, тем более эмигранту, присоединяться к этой постыдной партийной акции? Правда, Горбачев вроде против пьянства, как такового, а Аксенов – против плохих портвейнов, но какая разница? Хрен редьки не слаще. И тот, и другой берут на себя

право поучать народ, как ему жить, т. е. пить ему или не пить, а если пить, то что пить, где и как...

Петр I, торжественно отмечая 1700 год, велел выставить в Кремле столы и чаны с вином. Это был истинно духовный жест, преисполненный доверия к народу. Если бы Горбачев 1-го мая или 7-го ноября сделал то же, хотя бы не в Кремле, а вдоль Тверской улицы, то этот жест партийца заставил бы многих призадуматься, одних с душевной болью, других с торжествующим чувством. Вот ведь, как веселится хмельной народ в единстве со своей партией! Но Горбачев никогда этого не сделает, ибо партийно-гебистская власть далека от народа, не доверяет народу и боится его. Она прекрасно понимает, что пьет народ не от хорошей жизни. Вот почему пьянство в современной России имеет совсем иной смысл, чем тот, какой пытаются ему придать Горбачев, Аксенов и иже с ними. Пьют и напиваются теперь в России, чтобы заглушить тоску и отчаяние по известной пословице: „не на радостях выпить, а горе запить“. Это, если хотите, своеобразный бунт против удушающих, парализующих волю, условий жизни, в какие поставлен каждый там, живущий. Форма этого бунта, увы, трагична и подчас уродлива. Но эту форму выбирает сам народ, и кто вправе предложить ему другую альтернативу или осудить его за это? Если бы вдруг каким-то образом все пьяные в России разом исчезли, то это было бы на руку партийной власти, которая немедля провозгласила бы „еще одну победу над пережитками проклятого прошлого“. Но к счастью, этого не случается.

Как ни больно видеть несчастных, валяющихся на тротуаре, они указывают каждому, что не все благополучно в этом государстве, „самом справедливом на земле“, что не все послушны власти, что не так-то просто сломить человека, превратив его в механический винтик государственной машины, что и простой человек имеет душу, остро чувствующую уродство и мерзость окружающей жизни. Недаром пьяный для партийной власти, как бельмо, мозолит глаз, и она с таким остервенением борется с ним, бро-

сая, как поклажу, в спецмашины и вытрезвители или подвергая „принудительному лечению“. Но всех не бросишь в лечебницы. Ведь тогда производство остановится, а то и того гляди партийное государство и вовсе распадется. Кто же тогда будет трудиться на благо партии?

Меня не привлекает идея „соображать на троих“, но если бы мне пришлось выбирать, то я бы предпочел не партийное застолье с икрой и экспортной водкой, и не писателей и художников, пьющих у стола в надежде „урвать“ свою долю, а обездоленных и униженных, соображающих на троих в „темном и грязном проезде“, сострадавая им в том, что у них нет бóльшей радости, чем стакан „бормотухи“. И если бы в этот момент к нам подошел Джон Стейнбек, интересуясь „почему это всегда на троих“, то я бы не был столь добродушен, как аксеновский „кирюха“, предложивший Стейнбеку быть третьим. Я бы послал Джона Стейнбека за ответом на его праздный вопрос в КГБ, т. е. к тем, по чьему „милостивому“ разрешению он прибыл в Россию в обмен на валюту, которую американский писатель легкомысленно преподнес гебистам, оплачивая свое пребывание в России и не думая о том, куда эта валюта девается. Ведь „с дураком говорить, что в стену горох лепить“...

Я далек от того, чтобы курить фимиам народу, избравшему своим уделом пьянство, но я также не считаю себя вправе поучать его и бесчестить перед лицом Запада. Сомневаюсь, чтобы Аксенов или кто другой из эмигрантов имел на это право. Ибо - это народ страдающий во тьме, его покрывшей. Но и среди всеобщей тьмы живут чистые сердцем, и во тьме есть смиренные и кроткие, есть плачущие и страждущие, есть „алчущие и жаждущие правды“. И во тьме светит Лампада! Пусть огонек слаб, еле виден, но ведь „из горчичного зерна“ вырастает Царствие Небесное!

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

ALMANAC "VECHE"

P. O. Box 68

Flushing St.

New York, N. Y. 11379

Tel. (212) 651-5662

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

Ф. Ф. К и р х г о ф

В Ставке Верховного Главнокомандующего

(Продолжение. Начало см. «Вече» №№ 19, 20)

Несколько слов хочу сказать о Могилеве. Город расположен на высоком берегу Днепра, с которого открывался, исключительный по живописности, вид на Заднепровье. Сам Днепр в этом месте был достаточно широк и на нем царило оживленное пароходное движение. Город не отличался величиной, т. к. расти он начал после постройки Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги. Вокзал был расположен сравнительно далеко от центра города, поэтому сообщение с ним было сопряжено с неудобствами. Центр города с вокзалом был соединен конкой в одну лошадь. Движение этой конки было настолько медленно, что я, идя пешком от своей квартиры на службу, перегонял городской транспорт.

В мирное время в Могилеве квартировали два пехотных полка и артиллерийская бригада, что дало возможность легко разместить войсковые части охраняющие и обслуживающие Ставку.

В городе зимой был открыт городской театр, но гастролирующие труппы не отличались хорошей игрой. Несмотря на это, театр привлекал штабных офицеров, т. к.

помимо двух городских кинематографов являлся единственным развлечением. Городской сад, расположенный на обрывистом берегу Днепра был летом весьма живописным.

Город имел свою небольшую историю; в некоторых местах сохранились земляные валы в сторону Днепра. Через Могилев проходил Карл XII-й со своей армией, о чем свидетельствует „Карлова Долина“, где он обедал. В 1780 году в Могилеве состоялась встреча императрицы Екатерины II-й с австрийским императором Францем I-м, в память чего была произведена закладка кафедрального собора. В 1839 году здесь из-за болезни провел несколько дней, проезжавший император Александр II-й, в то время наследник.

Город украшали старинные церкви и монастырь. Одна из церквей была предоставлена Ставке. Как в большинстве русских провинциальных городов музея и писанной истории не было.

* * *

Императорская Ставка являлась главным центром страны в военном отношении. Ни одно лицо или учреждение не имело права давать ей указания или требовать отчета от Верховного Главнокомандующего. Ни одно мероприятие военного министерства не могло быть проведено без санкции Ставки. Ставка давала указания военному министру и подчиненным ему органам по вопросам касающимся удовлетворения потребностей армии. В таком же плане Ставка имела соприкосновение и с другими органами управления Империей.

С развитием военных действий, многие районы Империи переходили, если не в подчинение, то в тесную связь с военным Управлением; кроме того, жизнь требовала сосредоточения в Штабе Верховного почти всех решений и распоряжений, связанных с ведением войны, как в оперативном, так и в административном отношении. Поэтому существовавшие ранее Управления Штаба не могли справиться с текущей работой, не имея достаточного количества специалистов. Пришлось выделить, главным

образом, из Управления Дежурного Генерала ряд специальных отделов и развернуть их в особые Инспекции или Управления, дополнив, таким образом, существовавшее ранее „Положение о полевом управлении войск“.

Этим объясняется происшедшее увеличение штатов Штаба. Теперь Управление Генерал-Квартирмейстера состояло из двух генералов: Генерального Штаба генерал-майора Пустовойтенко и генерал-майора Маркова. В разное время в этом Управлении состояли Генерального Штаба полковники: Щелоков, Кудрявцев, Корсун, Щепетов, Михалькович, Александров, Муханов, Скалон, Стахович, Базаров, Носков, Ассанович, Киященко; подполковники: Андерс, Пиковский; капитаны Тихобразов, Протопопов, Кожевников, Сычунов, Наваев; поручики: Барановский и Давыдов.

Управление Дежурного Генерала состояло из Генерального Штаба генерал-лейтенанта Кондзеровского, его помощника Генерального Штаба генерал-майора Степанова (перед революцией переведенного в Выборг и там зверски убитого на улице взбунтовавшимися солдатами), полковников Балашева, Моторного, Немченко, Скрытникова, Сазонова, Гаслера, Барсова, Седова, подполковника Степченко, капитанов Гринфельда, Ауэ, поручика Сарафанова и военного чиновника Семенчука.

Управление Военных Сообщений: генерал-лейтенант Ронжин, генерал-майоры Тихменев и Гескет, полковники Загю и Бирман, инженер путей сообщения Паукер, юрисконсульт Попов и большое количество инженеров путей сообщения.

Управление Генерал-Инспектора Артиллерии: Великий Князь Сергей Михайлович, генерал-майор Барсуков, полковник Драка и другие - всего 11 чинов.

Штаб Походного Атамана: Великий Князь Борис Владимирович, который часто был в разъездах, а сам штаб составляли генералы Богаевский и Сазонов, сотник Рябов-Решетин и еще один.

Управление Инженерных Войск: генерал-майор Залевский, полковник Егоров и другие.

Управление Полевого Интенданта: генерал-лейтенант Шуваев – большой знаток своего дела, прошедший еще до войны большую реорганизацию в деле интендантского ведомства и снабжения армии. Генерал Шуваев сменил на посту военного министра генерала Поливанова, а в Ставке был заменен генерал-майором Егорьевым. В этом Управлении были и другие чины, фамилии которых не удержала память.

Гражданская Канцелярия осталась в ведении А. А. Лодыженского, кажется, в нее входил Солдатенков. Во главе Дипломатической Канцелярии, как и раньше, стоял князь Кудашев, вскоре получивший назначение послом в Китай и замененный ст. советником Базили.

Морской Штаб был подчинен непосредственно Верховному Главнокомандующему и начальником этого Штаба был адмирал Русин. Его помощниками были капитан 1-го ранга Альтфатер, капитан 2-го ранга Бубнов, лейтенанты Гончаров и Солдатенков. Часто приезжал в Ставку Великий Князь Кирилл Владимирович со своим адъютантом лейтенантом Всеволожским и состоящим при нем князем Ливеном.

Офицерское Собрание Штаба действовало на тех же основаниях как и в Барановичах и было вначале в ведении доктора Козловского, затем полковника Барсова и под конец им заведывал Могилевский Воинский Начальник.

В распоряжении Верховного состояли: Великий Князь Георгий Михайлович, который часто с важными поручениями Государя выезжал за границу и на фронт, и ординарец – флигель-адъютант корнет граф Замойский. Последний в мирное время был в звании церимониймейстера и на войну пошел добровольцем, был произведен в корнеты и пожалован флигель-адъютантом. Он был как бы представителем Польши, которую после войны предполагалось воссоздать.

В 1915 году была создана должность секретаря Начальника Штаба и на эту должность был назначен опытный военный чиновник Голембиевский, который значительно

разгрузил генерала Алексеева от части служебной переписки, идущей в адрес Начальника Штаба.

В начале 1916 года в Ставке состоялось совещание, на которое съехались все главнокомандующие фронтами. Вечером, в день совещания, была воздушная тревога, но прилета врага в район Ставки обнаружено не было. Примерно через месяц, на моем дежурстве по Управлению, была объявлена вновь воздушная тревога. По специальному телефонному аппарату я получил сообщение с удаленного наблюдательного пункта о замеченном цеппелине. Немедленно, одним из рубильников на распределительной доске, которая находилась в Управлении Коменданта, я выключил освещение города и дал знать на оружейные и пулеметные установки. Когда наблюдатели батареи сообщили, что они видят приближающиеся огни цеппелина, другим рубильником я выключил освещение во всех помещениях Ставки. Но по распоряжению начальника Штаба стрелять было запрещено, чтобы не обнаруживать себя летчику, производившему разведку. Довольно скоро были замечены удаляющиеся огни цеппелина и вскоре город был вновь освещен.

Охрану Ставки несли следующие войсковые подразделения: батальон Собственного Его Величества сводного пехотного полка, сотня Собственного Его Величества Конвоя. Эти подразделения командировались в Ставку, по очереди от своих частей, квартировавших в Царском Селе. Сотня Конвоя Его Величества по очереди отправлялась на фронт, где принимала участие в боях в составе Л. Гв. сводного Казачьего полка. В Ставке при Государе постоянно находился командир Конвоя Его Величества генерал-майор граф Граббе.

Кроме указанных подразделений, охрану Ставки несли: Георгиевский батальон, сформированный из лучших Георгиевских кавалеров, хорошо выправленных и подтянутых, но с мало сжившимся офицерским составом. Батальоном командовал полковник Пожарский, тяжело раненый в ногу; отдельная батарея для охраны Царской Ставки под командой подполковника Хростицкого и при

четырёх офицерах. При этой батарее состояла пулеметная команда под командованием штабс-капитана Армадерева при одном младшем офицере; авиационный отряд для охраны Царской Ставки, которым командовал, кажется, подполковник Павленков. Летчики были хорошо обучены, с боевым опытом; гвардейский полевой жандармский эскадрон; караульная команда, несшая охрану дальних складов гарнизонного имущества. Все эти подразделения были размещены в казармах частей, ранее квартировавших в городе, расположенных за городской чертой.

* * *

1916-й год Государь встретил в Ставке. В полночь в штабной церкви был отслужен молебен, по окончании которого Государь с лицами Своей Свиты вернулся во дворец, а чины Штаба отправились ужинать в Собрание. На следующий день все чины Штаба приносили поздравления Государю. В начале этого года Государю был преподнесен фельдмаршальский жезл английской армии, который привез, командированный специально для этого из Англии, генерал Педжет Вильям. Церемония преподнесения жезла происходила во дворце в присутствии Государевой Свиты. За завтраком Государь произнес тост за здоровье короля Великобритании.

Первого апреля в Ставке произошло совещание с главнокомандующими фронтами, на котором присутствовали: Государь, Великий Князь Сергей Михайлович, генералы Алексеев, Пустовойтенко, Шуваев, Иванов, Куропаткин, Эверт, Брусилов, Сиверс, Квяцинский, Клембовский и адмирал Русин. Это совещание было созвано для выработки плана предстоящей летом кампании и общего, согласованного с союзниками, наступления, которое вызывалось необходимостью облегчить тяжелое положение итальянской армии. Предстоящие планы нашего командования держались в Штабе в большой тайне, но несмотря на это чувствовалось, что готовится что-то большое.

Как потом оказалось, общее наступление на русском фронте назначалось на 2 мая, но затем было отложено до двадцатых чисел и сводилось к следующему:

По установленной телеграмме из Ставки 8-я и 9-я армии атакуют неприятельские позиции между Днестром и румынской границей на Луцком направлении. Через 4-5 дней севернее Луцка производится атака сильной группой войск, а еще через неделю производится удар всем нашим Западным фронтом (генерал Эверт), значительно усиленным всеми родами войск и вооружением.

Таким образом, Юго-Западный фронт своими 8-ой и 9-ой армиями производит демонстрацию, а Западный фронт – главный удар, за которым должно было последовать и наступление Северного фронта.

Эта, широко задуманная операция, не осуществилась вследствие рапорта главнокомандующего Западным фронтом генерала Эверта в Ставку, что позиции противника очень сильны и что для их преодоления у него нет достаточно тяжелой артиллерии и что поэтому он просит отложить переход в наступление до более благоприятного времени, когда он будет усилен тяжелой артиллерией.

К этому времени стал определяться совершенно неожиданный успех на нашем Юго-Западном фронте. 28 мая нами были взяты опорные пункты австро-венгерских позиций и противник начал отступление; 5 июня были взяты Черновицы. Пред нашей 9-ой армией происходит общее отступление противника. На Луцком направлении тоже был прорван вражеский фронт и противник отступая очистил Луцк.

В связи с этим Ставкой было решено, отказавшись от наступления на Западном фронте, продолжать развивать наш успех на Юго-Западном фронте, усилив его войсками Западного фронта. Одновременно часть резервов Западного фронта была переброшена в Румынию. Румыния обуславливала свое выступление на стороне Согласия усилением ее русскими войсками.

Результаты операций весны и начала лета 1916 года, которые получили название „Брусиловского наступления“, были: спасение от разгрома итальянской армии; нанесение сокрушительного поражения австро-венгерской армии, потерявшей громадное количество убитыми, ранеными и пленными; окончательный толчок Румынии к выступлению, а также то, что Германии, вынужденной в этот критический момент помогать Австрии, пришлось отказаться от наступления на Верден. Германские войска были в значительном количестве сняты с Западного фронта и переброшены на Восточный фронт, вкраплены здесь в австро-венгерскую армию и тем задержали ее беспорядочное отступление.

Недостаточный запас технических средств на нашем фронте, главным образом тяжелой артиллерии, остановил наше стремительное наступление, которое из-за медлительности доставки подкреплений железными дорогами не могло успешно развиваться. В этот период восточный германский фронт переживал дни смертельной тревоги. „Это было критическое время. Мы израсходовали все наши средства и мы хорошо знали, что никто не придет нам на помощь, если русские пожелают нас атаковать“, – писал впоследствии Людендорф.

Конечно, все чины Ставки с начала наших весенних операций, напряженно следили за их развитием. Успехи „Брусиловского наступления“ с его громадными трофеями, доставили всем очень большую радость. Одновременно с остановкой наступления на Юго-Западном фронте была произведена попытка прорвать фронт противника на Ковельском направлении на реке Стоходе. Под большим секретом я узнал в оперативном отделении, что для этой опереции предназначается Гвардия, образующая Особую Армию. До сего времени Гвардия, после громадного урона, понесенного в Виленских боях, была в резерве, залечивая свои раны. К лету Гвардия пополнилась прибывшими пополнениями, имела свои отлично обученные маршевые батальоны. Полученные сведения сильно меня обеспокоили за участь родного полка и за

судьбу друзей, т. к. я знал, что много офицеров, раненых в предыдущих боях вновь прибыли в действующую армию и что им предстоит исключительная по трудности боевая операция: рвать фронт противника на болотной засасывающей трясине у Стохода. А фронт противника в этом месте был сильно укреплен многорядными проволочными заграждениями, что делало его позицию неприступной.

Несмотря на все трудности этой местности, Гвардия с 15 по 26 июля лобовыми атаками рвала вражескую проволоку и старалась форсировать реку Стоход. Мой, Л. Гв. Измайловский полк, наравне с другими братскими полками, понес громадные потери, тщетно стараясь выполнить поставленное задание. Видя, что столь хорошие войска, как отдохнувшая Гвардия, не в силах справиться с поставленной задачей, командование, перегруппировав войска, перебросило Гвардию на другую, такую же неосуществимую операцию – на прорыв фронта противника на Владимиро-Волынском направлении у деревень Карытница и Свинюхи. В этих боях Гвардия потеряла весь цвет своего состава. Только с большим напряжением к следующей весне могла она вновь стать боеспособной и готовой к предстоящей наступательной операции 1917 года, которой, увы! не суждено было осуществиться.

Бои на Стоходе, в Квадратном и Бубновском лесах, моему Л. Гв. Измайловскому полку стоили сотен убитых солдат и четырех офицеров: капитана Обручева, поручиков Соколова и Боч-Осмоловского и прапорщика Витковского.

Гибель моего полкового друга С. Н. Обручева я оплакиваю еще и сейчас. Мы сдружились в полку еще в мирное время, служа в соседних ротах. Внук генерала Обручева, сподвижника военного министра Милютин и сын генерала Генерального Штаба, мой друг еще в младших чинах выделялся среди офицеров полка своими способностями. Будучи приветлив как с офицерами, так и с солдатами он был всеобщим любимцем. Блестяще выдержав

весною 1914 года экзамен для поступления в Академию Генерального Штаба он с полком вышел на войну. Я видел его в боях всегда рассудительным и спокойным; в 1915 году он был ранен в ногу под Красноставом и контужен в голову. Имея до этого все ордена до св. Владимира 4-ой степени, за бои под Красноставом он был награжден Георгиевским оружием. Вернувшись после ранения в строй, капитан Обручев принял роту, которой он командовал и раньше, и с нею занял отведенную позицию на реке Стоходе. 20 июля, накануне назначенной полку атаки, в штабе полка было получено распоряжение немедленно командировать капитана Обручева в военную Академию для прохождения курса.

Капитан Обручев считал для себя невозможным воспользоваться командировкой и оставить свою роту накануне атаки, поэтому он решил сначала выполнить свой долг и идти в атаку, а там – как судьба. И вот, на рассвете роты батальона пошли в губительную атаку при исключительно трудных условиях, перескакивая с кочки на кочку, срываясь с них и проваливаясь в засасывающую трясиину. Особенно тяжелым было положение раненых, которые тонули в жиже болота под непрерывным огнем артиллерии и пулеметов. Рота капитана Обручева дошла до немецких проволочных заграждений, начала резать их ножницами, прорвалась, но в это время капитан Обручев, находившийся впереди своей роты, был убит наповал ружейной пулей. Вынести тело этого достойного офицера не удалось. Роты, не добившись успеха, отошли на исходные позиции.

Смерть капитана Обручева очень огорчила всех знавших его. Особенно тяжело было от сознания, что невозможно похоронить его так, как это делали со всеми нашими убитыми товарищами, т. е. в Петрограде в склепе под нашим полковым собором св. Троицы.

На следующий день после боя, под вечер, над нашими полковыми окопами начал кружиться германский аэроплан, с которого был сброшен пакет. В нем оказалась полевая сумка капитана Обручева со всем ее соде-

ржимым: картами, полевой книжкой, неотправленными его письмами родителям и невесте. Кроме того была записка на немецком языке, в которой было сказано, что немцы восторгались боевой работой капитана Обручева, что они его похоронили с отданием положенных воинских почестей. Тут же были приложены кроки могилы. По этим крокам, через некоторое время, после освобождения этих мест от немцев, без труда была найдена могила капитана Обручева и его тело было перевезено в Петроград и предано земле в офицерской усыпальнице под родным собором св. Троицы.

* * *

Осенью 1916 года в Ставку прибыла наша военная миссия, едущая во Францию для изучения постановки там военного дела. В ее состав входили полковник инженерных войск Ермолаев, артиллерийский полковник Баклунд и Л. Гв. Преображенского полка капитан Веденяпин. Рассказы этих офицеров для нас были очень интересны: полевые укрепления союзной армии были совершенны настолько, что простой техникой их взять невозможно. При каждом оружии – свой аэроплан, при каждой дивизии – своя собственная эскадрилья, при каждой батарее еще особый легкий и подвижной аппарат для корректирования стрельбы. Настроение общества очень бодрое и единоедушное, все понимают, что поражение – смерть нации и потому борьба идет не на живот, а на смерть. Ответственность военачальников перед народом делает их осторожными и вдумчивыми, но не парализует энергию и инициативу, хотя вмешательство парламента в управление армией дает иногда отрицательные результаты. Снабжение снарядами достаточное и расход их неограниченный. Например, за три дня было истрачено под Верденом 500.000 снарядов. Штабы держатся очень близко к позициям, например, штаб генерала Жоффра – в 25 километрах от позиций. Франция ведет настоящую войну, упорно отбивая у немцев пространство по сажням

и таким образом укрепления немцев все время разрушаются и они несут большие потери.

Рост личного состава Штаба, а также расширение деятельности Управления Коменданта Главной Квартиры, вследствие подчинения этому Управлению большого района окружавшего Ставку, естественно, потребовало увеличения штатов и нашего Управления. В моем ведении были строевая, комендантская и судебная части. Приходилось много разъезжать и общаться с войсковыми частями и отдельными высокими лицами, приезжавшими в Ставку по служебным надобностям. Судебная часть касалась, главным образом, лиц непричастных к Ставке, т. к. офицерские чины и солдаты Ставки, сознавая свое положение в высшем Штабе армии, не допускали никаких нарушений.

В Могилеве приходилось сопровождать коменданта Главной Квартиры в его инспекционных поездках на удаленные противозаэропланые посты, а также в воинские части, подчиненные ему как начальнику дивизии.

Приезды генералов, сановников и министров чередовались ежедневно. Одни приезжали с докладами, другие для получения новых назначений или на совещания, так что по своей должности мне пришлось многих видеть, со многими познакомиться.

В связи с подготовкой к наступательным операциям весной 1917 года и необходимостью принять решение о направлении главного удара, а также для разработки необходимых данных и обсуждения их с представителями союзного командования, на 17 декабря 1916 года в Ставку Верховного Главнокомандующего были вызваны глвнокомандующие всех фронтов с их начальниками штабов.

Как стало впоследствии известно, во время заседаний генерал Гурко проявлял властность, чего не замечалось со стороны генерала Алексева, который не мог настоять, чтобы генерал Эверт действовал согласно выработанным директивам и не менял коренным образом планы весенней кампании 1916 года.

Определялась стабилизация фронтов и накапливание на фронтах больших запасов вооружения и снаряжения, так что предстоящие военные операции давали полную уверенность в том, что мы их поведем уже без нехватки снарядов и прочего снаряжения. Дух воинских частей был тоже хорош, т. к. войска за зиму отдохнули и пополнились резервами. Действующие части имели в тылу резервные батальоны, которые проходили обучение и вели учебные стрельбы.

Все это я видел собственными глазами, навестив во время отпуска мой родной полк и моих старых полковых друзей, с которыми провел на позиции некоторое время. У всех на фронте была уверенность в успехе предстоящей боевой операции. Такое же настроение было и в штабе Особой Армии, в состав которой входил мой полк и где я, по дороге обратно, провел несколько дней.

Все готовились к предстоящему, совместно с союзниками, наступлению. Армия в это время, благодаря отечественной промышленности и поддержке союзников, располагала огромными материальными и техническими средствами, как никогда со времени начала войны. И если в каких-то частях отмечалось падение духа, то все же русская армия прочно держала 1000-верстный фронт и могла начать наступление. „Если бы русские перешли в наступление весной 1917 года, германская армия попала бы в весьма трудное положение, последствия коего невозможно представить“, – писал после войны Людендорф.

Но, к сожалению, глубокий тыл жил в иной атмосфере и с другими настроениями. Посетив во время отпуска Петроград, я встречался и разговаривал там с моими старыми друзьями. Видел я там и запасной батальон моего родного полка. И, увы! этот батальон произвел очень тяжелое впечатление. Он был набран по преимуществу из старых сроков службы (ратников ополчения), численность его была очень большая; люди жили в помещениях прежних рот, теперь размещаясь на двух-русских нарах, иначе говоря, была невероятная скучен-

ность. Ротами командовали недавно выпущенные из военных училищ прапорщики, без всякого опыта, с очень поверхностными знаниями военного дела. Мои друзья – офицеры, жалуясь мне на тяготы, признавали себя бессильными достичь положительного результата в деле воспитания и обучения солдат.

В общем, запасные были распущенны, недисциплинированы, а главное, на фронт идти не хотели. Это был горячий, быстро воспламеняющийся материал для организации всякого рода беспорядков; это был пороховой погреб, который от брошенной революционной искры и взорвал основной фундамент, на котором держалась наша родина, предопределив всю дальнейшую катастрофу.

Вернувшись в Ставку я опять почувствовал непосредственную связь с фронтом, с его надеждами и стремлениями победить.

Первый, отдаленный удар грома, приближающейся российской грозы – революции, почувствовался в думской речи депутата Государственной Думы, лидера кадетской партии, Милюкова о тайных сношениях Царского правительства и Высочайшего Двора с Германией, спрашивавшего: „Что это, глупость или измена?“

Отчет об этом заседании Государственной Думы от 1-го ноября 1916 года был запрещен для печати, но в Ставке в „Агентурных телеграммах“ он был сообщен полностью. В рукописном же виде он был распространен в обществе и в армии и вызвал у читателей резкие суждения.

Вторым громом была речь, тоже в Государственной Думе, правого депутата Пуришкевича, направленная против правительства и лиц, окружающих Государя, в частности против дворцового коменданта генерала Воейкова, названного „генералом от кувакерии“ и „пойманным бобром“.

Одновременно с этими речами, общественные деятели, главным образом, из числа оппозиционно настроенных членов Государственной Думы, стремились добиться создания ответственного перед Думой кабинета министров.

К известию об убийстве Распутина в Ставке отнеслись

с облегчением: наконец-то избавились от него.

Большой интерес в Ставке привлекали „Агентурные телеграммы“. Это были ежедневные сводки телеграмм, полученных от наших союзников о военных действиях на фронте, а также о важных событиях в их странах. Эти телеграммы передавались шифрованными. В сводках помещались и телеграммы из других стран, которые отправлялись нашими официальными представителями. Своя имперская жизнь освещалась „Бюро печати“ или „Агентством печати“. Передача последних в Ставку не подвергалась военной и общей цензуре. „Агентурные телеграммы“ печатались литографическим способом в виде тетрадей и рассылались в каждое Управление Штаба. Поэтому все думские речи удавалось читать без сокращений, тогда как в газетах эти речи урезывались цензурой. Сообщения в „Агентурных телеграммах“ были всегда новостями т. к. газеты помещали материалы, уже ранее напечатанные в „Агентурных телеграммах“.

В самой Ставке произошли следующие изменения в высшем руководящем составе: на должность Генерал-Квартирмейстера был назначен генерал Лукомский, а временно исполняющим должность Начальника Штаба, вместо уехавшего по болезни в Крым генерала Алексеева, – генерал Гурко; помощником Начальника Штаба – генерал Клембовский.

20 февраля 1917 года вернулся из отпуска, не совсем поправившийся, генерал Алексеев, и вступил в исполнение своих обязанностей. 23 февраля возвратился в Ставку Государь Император.

И вот, разразилась та испепеляющая Россию гроза, которой одни боялись, видя в ней страшнейшее несчастье родины, а другие, не жалея своих сил и средств, готовили, нарушая присягу и идя на сделку со своей совестью.

„Агентурные телеграммы“ от 24 февраля сообщили о начавшемся в Петрограде волнении на почве недостатка печеного хлеба, вызванного забастовкой пекарей. Запасов же муки и зерна на складах в городе было достаточно.

Этому событию вначале придавали мало значения, думая, что недовольство вызвано только экономической причиной.

Государственная Дума открыто вынесла свою революционную деятельность из стен Таврического дворца. На это последовало Высочайшее постановление о роспуске законодательных палат. Совет старейшин Государственной Думы постановил: Думе не расходиться и депутатам оставаться не местах.

Все это вызвало в Ставке толки и разговоры. 25 и 26 февраля из Петрограда были получены более тревожные телеграммы от главного начальника Петроградского военного округа генерала Хабалова и Председателя Государственной Думы М. В. Родзянко, о волнениях и демонстрациях, о вооруженных столкновениях населения с жандармерией и полицией и о необходимости назначения ответственного кабинета министров.

Жизнь Ставки шла нормальным трудовым порядком, все надеялись на успешное подавление бунта в Петрограде местными властями. Конечно, интерес к столичным событиям был очень большой.

26 февраля, в воскресенье, Государь был со свитой в церкви, а затем принимал как обычно оперативный доклад Начальника Штаба. 27 февраля сведения из Петрограда носили более тревожный характер: бунт разрастается, войсковые запасные части выходят на улицу и присоединяются к толпам рабочих. События развивались ускоренно и принимали трагическое по последствиям значение.

Генерал Хабалов объявил Петроград на осадном положении и совместно с военным министром генералом Беляевым просил Ставку командировать в Петроград надежные войсковые части. Председатель Совета Министров князь Голицын доносил о том, что в Петрограде революция, восставшие войска заняли Государственную Думу, Государственный Совет и арсенал. Позднее князь Голицын сообщил, что Кабинет Министров сложил с

себя свои обязанности... Россия осталась без правительства.

Все это вместе взятое, естественно, отражалось на настроении Ставки, приковывая ее внимание к Петрограду. Вопрос о необходимости самыми крутыми мерами подавить беспорядки в столице, или же дать стране ответственный кабинет министров и этим положить начало умиротворению – был основной темой разговоров и суждений.

27 февраля утром Государь в обычный час пошел на оперативный доклад и долго наедине беседовал с генералом Алексеевым, как потом стало известно, обсуждая создавшееся положение в столице, вопрос об отъезде Государя к больным детям и назначение в Петроград с чрезвычайными полномочиями, находящегося в почетной отставке, престарелого, мало авторитетного генерала Иванова и с ним Георгиевского батальона. Кроме того было приказано главнокомандующим Северного и Западного фронтов командировать в Петроград для усмирения беспорядков по бригаде пехоты и кавалерии.

Известие о предполагаемом отъезде Государя в такое тревожное время взволновало всех. Опасались, что Государь может попасть в руки мятежников и тогда, действительно, наступит катастрофа. Находясь же в Ставке – Государь при армии, под ее защитой. Отсюда можно организовать управление страной вместо ушедшего правительства и тогда изолировать Петроград и задуть бунт.

В течение второй половины дня генерал Алексеев, несмотря на высокую температуру, несколько раз был с докладом у Государя и упрашивал его, во имя блага России и скорейшего успокоения народных волнений, дать ответственный кабинет министров. Он также убеждал Государя не покидать Ставку. На все эти просьбы Государь вначале не давал определенного ответа, но, снесясь по прямому проводу с Царским Селом, послал телеграмму князю Голицину, приказывая в ней Кабинету Министров оставаться при исполнении своих обязанностей и принять все

меры к ликвидации беспорядков. Вечером генерал Алексеев опять был у Государя и просил, как он говорил, „на коленях“, создать ответственный кабинет министров, но Государь не соглашался. Относительно отъезда в Царское Село, сначала Государь согласился с доводами генерала Алексеева и отставил свою поездку, но перед вечером дворцовый комендант сообщил, что Государь все же решил ехать. Генерал Алексеев опять ходил к Государю и упрашивал отставить поездку и Государь согласился остаться в Ставке. Это успокоило членов Штаба. Но после 12 часов ночи Государь переехал в свой поезд и отбыл из Могилева. В Штабе это сочли непоправимой и роковой ошибкой Государя.

С Северного фронта уже были отправлены 67-й пехотный Тарутинский и 68-й Лейб-Бородинский полки, а также 15-й уланский Татарский и 3-й уральский казачий полки. С Западного фронта - 34-й Севский и 36-й Орловский пехотные полки, 2-й гусарский Павлоградский и 2-й Донской казачьи полки. С Юго-Западного фронта - Л. Гв. Преображенский, Л. Гв. 3-й и 4-й стрелковые полки. Отправка их назначалась на 2-3 марта. Головной эшелон Лейб-Бородинского полка на станции Луга был разоружен местным военным комитетом. Все последующие эшелоны дальше станции Луга не продвинулись и затем, по приказу Государя, были возвращены на фронт.

28 февраля были получены сообщения: от генерала Хабалова - столица в руках мятежников, волнения подавить нельзя, в Мариинском дворце заседает революционная власть; от Родзянко - сформирована новая власть в лице Комитета Государственной Думы. Сведений о местонахождении Государя получить не удалось и о его прибытии в Царское Село не было известий. Это сильно взволновало Ставку: государственный механизм без руководства, без управления. Государь неизвестно где...

Телеграфная связь с Царским Селом была прервана и членом Государственной Думы полковником Энгельгардтом было сообщено, что станция Царское Село прекращает прием телеграмм из Ставки и что все дальнейшие

телеграммы для Царского Села следует направлять в Государственную Думу. Таким образом устанавливалась цензура сношений Ставки и новая власть начинала диктовать свою волю. К концу дня было выяснено, что Государь кружным путем прибыл на станцию Дно и направляется в штаб Северного фронта в город Псков. После этого генерал Алексеев послал телеграмму Государю с новой просьбой о даровании ответственного кабинета министров. Вечером была получена телеграмма о составе Временного Комитета Государственной Думы. Поздно вечером пришло сообщение из Пскова о прибытии туда Государя. Ночью был послан в Псков текст манифеста о даровании ответственного кабинета министров. Ни на телеграмму, ни на текст манифеста ответа не последовало. За день были получены сведения из Петрограда о разрастающейся революции, которая перекинулась на Москву и другие города и на Балтийский флот.

На следующий день, 1 марта, из Пскова было получено сообщение о согласии Государя создать ответственный кабинет министров и это внесло облегчение в очень нервное состояние чинов Штаба, т. к. большинство в этом видело единственный выход из создавшегося положения. Но вскоре выяснилось, что согласие Государя запоздало и что для успешного продолжения войны требуется отречение Государя от престола в пользу сына при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Это было передано генералу Алексееву генералом Рузским, на основании ночного разговора с Родзянко.

2 марта генерал Алексеев запросил мнение об этом главнокомандующих фронтами, которые все, не сговариваясь, ответили за отречение Государя. Настроение чинов Штаба нервно-возбужденное. Волнуясь, все ждут решения Государя. К концу дня, наконец, в Ставке были получены телеграммы из Пскова от генерала Данилова (начальник штаба Северного фронта), в которой сообщалось: „Нет той жертвы, которой Его Величество не принес бы для истинного блага Родины...“

Это трагическое известие я узнал, находясь дежурным

в Управлении, от вбежавшего туда прикомандированного к нашему Управлению прапорщика. Я почувствовал себя как бы оторванным от вековых, незабываемых устоев Государства Российского, как бы упавшим в какую-то мрачную пустоту, предчувствуя в будущем только несчастья для России.

Решение государя понималось как роковая неизбежность в создавшемся положении. Государь, будучи живым, ушел из жизни в историю. Именно такого решения никто не ожидал. Невольно мысли неслись к Государю в Псков, его переживаниям и его драме. Вся ночь пролетела в каком-то сумбурном тоскливом небытии... Дежурные писари, вестовые и другие солдаты в Управлении замкнулись в себе и каждый по своему переживал свершившееся, не зная каким будет будущее России.

А события разворачивались с невероятной быстротой. 3 марта стало известно об отречении Великого Князя Михаила Александровича. Полученные из Петрограда газеты сообщали подробности происходивших там событий. Взбунтовавшиеся запасные части стекались в Государственную Думу и предлагали себя в распоряжение Председателя Государственной Думы Родзянко; Гвардейский экипаж под начальством своего командира Великого Князя Кирилла Владимировича, тоже явился туда. Это событие очень тяжело воспринималось офицерами Ставки.

(Окончание следует)

Украина в 1918 году

Как известно, лейтмотивом газет и журналов украинских сепаратистов является поношение русских-москалей за то, что, якобы, они захватили Украину при царе Алексее Михайловиче и включили ее в состав Российского государства. При этом забывается, что Украина присоединена, точнее – воссоединена с Россией, по просьбе самих украинцев, в то время возглавляемых гетманом Богданом Хмельницким. Тщательно замалчивается и тот исторический факт, что царь Алексей Михайлович долгое время отказывался включать Украину в свое государство и сделал это после настоятельных просьб гетмана Хмельницкого.

Еще больше негодуют украинские сепаратисты из-за того, что им кажется, что „москали“ лишили Украину независимости в 1918 году. Однако, тут встает вопрос: как могло случиться, что после наступившего в 1917 г. нового Смутного Времени, когда вся Россия пылала в огне гражданской войны и красные русские бились с белыми русскими, Польша, насчитывающая в то время около 20 миллионов польского населения, смогла не только отстоять свою независимость, но и, выбросив со своей земли красную армию, поляки умудрились присоединить к Польше значительную территорию с украинским и белорусским населением? Украинцы, насчитывавшие в то время около 30 миллионов человек, создать независимую Украину не смогли. Да что там Польша – даже эстонцы, а их всего один миллион, и латыши – всего полтора миллиона, смогли выбросить со своей земли большеви-

ков и установить самостоятельность своих стран. Правда, Эстония смогла отстоять независимость только с помощью Белой армии генерала Юденича, а Латвия – с помощью немецкого балтийского Ландсвера и германских регулярных войск, но ведь и украинцам помогали и немцы, и поляки. А Пилсудский в 1919 г. даже заключил с Петлюрой военный союз. Почему Пилсудский смог собрать под польские знамена около 800 тысяч поляков, а вождь украинских сепаратистов Симон Петлюра под желто-блакитные флаги – всего 40 тысяч украинцев, т. е. в двадцать раз меньше, чем поляки?

Ответ может быть только один: да потому, что украинцы в подавляющем большинстве, за исключением галичан, не были расположены воевать за самостийную Украину. Идея отделения Украины от России в то время не была популярной, о чем свидетельствуют исторические факты. Всеми силами украинцы уклонялись от вступления в украинскую армию Петлюры, их не привлекали ни национальные лозунги Грушевского и Винниченко, ни красочная украинская форма – синие жупаны и запорожские папахи. Украинцы охотнее шли в красную армию или в анархические отряды Махно, Григорьева, Ангела. Было немало украинцев и в Белой армии. Что же касается красной армии, то в ней было гораздо больше украинцев, нежели в армии Петлюры, костяком которой были галичане, а командирами – офицеры австрийской армии украинской национальности. В красной же армии были и отдельные украинские части, из них особенно прославилась дивизия Украинского Червоного Казачества под командованием коммуниста В. Примакова.

В «Вестнике РКД» № 131, на стр. 246 указывается, что во время гражданской войны в красной армии воевало 440.000 украинцев. Если даже эта цифра завышена, то все же следует считать, что в красной армии украинцев было раз в шесть больше, чем в армии Петлюры.

В красной армии было так же большое количество полководцев-украинцев: Думенко, Антонов-Овсеенко, Примаков, Ковтюх, Федько, Жлоба, Пархоменко и др.

Так стоит ли сетовать на „москалей“, когда почти пол-миллиона украинцев помогли большевикам завоевывать Украину, чтобы превратить ее в советскую республику?

*

Какое же положение занимала Украина после революции? Какие перспективы были у украинских самостийников: Украинской Центральной Рады, украинского социал-националиста Петлюры и его непримиримого врага Скоропадского?

После февральской революции в Киеве образовалась Украинская Центральная Рада. Вначале эта организация не имела цели отделения Украины от России, но добивалась автономии Украины и признания украинского языка государственным языком, хотя в Киеве, Харькове, Екатеринославе и других больших городах подавляющее большинство населения говорило по-русски или на русско-украинском диалекте. Украинские крестьяне говорили, конечно, по-украински. К лету 1917 года руководители Украинской Рады, убедившись, что временное правительство, возглавляемое шутом Керенским, ведет страну к хаосу и упразднению российской государственности, подняли вопрос о полном отделении Украины от России. Когда же власть захватил Ленин, то Украина была провозглашена независимой республикой. Большевикам удалось закрепиться только в восточной части Украины с центром в городе Харькове. В Киеве же и в западной части Украины управляла Украинская Центральная Рада. На западе от Киева социал-националист Петлюра успешно дрался с красногвардейскими отрядами.

12 декабря 1917 г. большевики созвали в Харькове 1-й Всеукраинский Съезд Советов, на котором Украинская Центральная Рада была объявлена незаконной и низложенной. 16 января 1918 г. большевицкое подполье организовало в Киеве мятеж на заводе „Арсенал“. Мятеж был быстро подавлен гайдамаками, но на Киев уже двигались красные войска под командованием Муравьева и Коцюбинского. Полк (позднее дивизия) Червоного Казачества

под командованием Примакова и два отряда харьковских красногвардейцев с бронепоездом, захватили Полтаву, Кременчуг и Чернигов. Петлюровские сечевики атаковали большевиков у станции Круги, но задержать наступления красных не смогли и отступили.

26 января большевицкие войска ворвались в Киев. Украинская Рада бежала в Житомир. К февралю 1918 г. почти вся территория Украины подпала под советскую власть. Немедленно начались аресты и расстрелы „контры“. Особенно зверствовали чекисты в Киеве. На Владимирской горке каждый день можно было видеть новые трупы, свежие лужи крови. Такой же кошмар у стен Михайловского монастыря.

Но большевикам не довелось долго пускать кровь на Украине, ибо согласно условиям Брест-Литовского мира, они должны были уйти с Украины, которую оккупировали германские войска. У кайзера Вильгельма II не было претензий на завоевание всей России. Его мало интересовали Псковская губерния и Западная Белоруссия, оккупированные его войсками. Претензии ограничивались присоединением к империи Прибалтики, которую немцы считали своей исторической территорией, так как немецкие рыцари (Ливонский орден) владели Латвией и Эстонией в течение нескольких столетий, а их потомки – прибалтийские немцы, остались здесь жить и после присоединения Прибалтики к Российской Империи. Что касается Украины то, по похабному Брест-Литовскому миру, она тоже присоединялась к Германии, но в Берлине еще не было решено окончательно должна ли стать Украина германской колонией, автономной германской областью или же протекторатом, а возможно, вассальной „самостийной“ украинской территорией под контролем Германии. Во всяком случае, Украина должна была стать продовольственной кладовой Германии.

Включение под той или иной формой Украины в Германскую империю, ослабляло Россию, что для кайзеровского правительства было вполне достаточным. Лишать же Россию вообще всякой государственности, как это замышлял Гитлер, у кайзера Вильгельма в мыслях не

было. С другой стороны, германское правительство не было заинтересованно в ликвидации советской республики. Наоборот, оно делало все, чтобы Ленин удержался у власти и стабилизировал бы советскую власть. Немцы считали, как и вождь Польши маршал Пилсудский, что для России самое плохое правительство – советское правительство, и именно такое правительство им нужно было в России.

В 1918 году создалось довольно курьезное положение. На Украине немцы выколачивали хлеб, сахар и другое продовольствие, лишая таким образом советскую республику продуктов питания, а в то же самое время продолжали снабжать Ленина огромными денежными суммами для укрепления его интернационального положения. Свержение советской власти и замена ее законным правительством было для немцев крайне нежелательно. В марте 1918 г. германский министр иностранных дел Кюльман предупреждал фельдмаршала Гинденбурга, что **дальнейшее продвижение германских войск вглубь России допущено быть не может, ибо это грозит падением большевицкой власти, что совсем не в интересах Германии.** В начале апреля, тот же Кюльман, отправляя посла, графа Мирбаха в Москву, тщательно его проинструктировал, указывая на то, что „у нас нет никаких интересов поддерживать монархические идеи, которые могли бы заново объединить Россию. Совсем наоборот: нам нужно всеми средствами воспрепятствовать консолидации России и потому следует поддерживать радикальные левые партии“.

Иными словами, немцы продолжали ту же опасную политическую игру, которая привела Ленина к власти. В марте 1918 г. посол граф Мирбах рапортовал из Москвы министру Кюльману: „**На мой взгляд, наши интересы по-прежнему – поддерживать большевицкий режим**“.

*

Согласие Ленина отдать Украину без всяких оговорок в распоряжение германского правительства было для Гер-

мании неоценимым подарком. Согласно мирному договору, который был подписан и прибывшим в Брест-Литовск представителем Украины, министром Жуковским, Украинская Центральная Рада должна была поставить Германии в 1918 году 60 миллионов пудов зерна и большое количество другого продовольствия. Германским солдатам было дано право отправлять на родину ежедневно посылку в 12 фунтов весом с разнообразным продовольствием. Кроме того, в руки немцев попадало 26% российских железнодорожных путей с тысячами паровозов и вагонов, 33% российской текстильной промышленности и 75% добычи каменного угля.

1 марта 1918 г. украинские войска, возглавляемые Петлюрой, вошли в Киев. Теперь украинские войска численно возросли, ибо если раньше в армии Петлюры были главным образом галичане, то теперь в нее были включены находившиеся в германском плену российские солдаты – уроженцы Украины. Петлюровские сечевики были одеты в синие жупаны и серые папахи с украинскими желто-блакитными кокардами. Через несколько часов за ними вошли германские войска под командованием генерала Лизингера. В стальных касках, размеренным шагом двигалась зелено-серая пехота Ландвера. Спокойные, полные сознания собственного достоинства, лица. Образцовая дисциплина, опрятное обмундирование, у многих на груди железные кресты – это указывало на то, что они побывали в жестоких боях и теперь пришли на Украину отдохнуть и подкормиться.

Пройдя по городу с музыкой, немцы устроили парад на Софийской площади, после которого начали, с обычной для них неторопливостью и педантичностью, устраиваться на квартиры. Киевляне встретили немцев хотя и не враждебно, но без проявления восторга. Будущее представлялось если не столь ужасным, как недавно пережитые дни кровавого большевизма, то все же таило в себе неизвестное. Однако, вскоре киевляне вздохнули несколько свободнее. Вместе с прибытием немцев, без всяких угроз с их стороны, прекратились грабежи, насилия, расстрелы.

Немцы хотя и враги, но все же – не большевики. Через неделю-другую в Киеве и других, оккупированных немцами городах, открылись театры, кинематографы, кафе, рестораны. Изголодавшиеся под советской властью обыватели, толпами стояли у витрин продовольственных магазинов, заваленных продуктами. Все продавалось без ограничений и карточек, по умеренным ценам. Жизнь вошла в нормальную колею.

Для оккупации Украины и других территорий германскому командованию понадобилось всего 300 тысяч германских и 40 тысяч австрийских войск. К концу марта немцы проникли в Крым, где коммунистическая партия, получив инструкции от Ленина, уже успела сострять „независимую“ Крымскую советскую республику. При приближении германских войск, большевики поспешно потопили часть кораблей Черноморского флота, а на других бежали в Новороссийск.

На протесты советского правительства, что Германия нарушила условия мирного договора, ибо он не предусматривал оккупации Крыма немцами, германское правительство не обратило внимания и создало Крымское правление из местных русских контрреволюционеров под председательством генерала Сулькевича.

Но на Украине все было иначе. У Украинской Рады было большое сходство с советом рабочих и солдатских депутатов. Рада тоже состояла из левых элементов: украинских социал-националистов, социал-революционеров, социал-демократов и прочих марксистов разного толка. С необычайной быстротой и ловкостью из Центральной Рады были отстранены от дел все министры не социалисты, в том числе и украинский деятель, ученый и литературовед Науменко, назначенный еще при временном правительстве попечителем Киевского Учебного Округа.

Практически свою деятельность Украинская Центральная Рада свела к крикливым декларациям, выбрасываниям революционных лозунгов и перекрашиванию безобидных вывесок в украинский сине-желтый цвет, позаимство-

ванный еще Мазепой от национального шведского флага – синего с желтым крестом.

Вскоре германское командование поняло, что при социализации земли, чего добивалась Центральная Рада, крестьяне вместо того, чтобы пахать и сеять, будут заниматься дележом земли помещиков и „кулаков“ и это прервет поставки зерна в Германию. Общая дезорганизация, внесенная Радой во все области управления, в том числе и в железнодорожный транспорт, угрожала подорвать в корне жизненно необходимое для Германии дело, ради которого германское правительство держало на Украине оккупационные войска.

Поэтому оккупационные власти ликвидировали старую Центральную Раду с кабинетом Голубовского и образовали новое украинское правительство. Главным действующим лицом стал, привезенный из Львова профессор Грушевский. Позднее, когда Грушевский убедился, что с самостийной Украиной ничего не получается, он перекинулся к большевикам. За Грушевским шли три влиятельных украинских социал-националиста: Петлюра, Винниченко и Перш. Из них самым упрямым и самолюбивым был Симон Петлюра. Он был более правым, и он был единственным из украинских политиков, кто сумел организовать украинскую армию. Если она была малочисленной, то не по его вине, а по нежеланию самих украинцев бороться за самостийную Украину. Он довольно успешно действовал против большевиков. Немцы знали, что его армия сможет им пригодиться.

Перш – самый умный, наиболее политически подготовленный, скрытный, себе на уме, хотя и не из крестьянской среды. Он раньше других самостийников понял, что поражение Германии на Западе – вопрос нескольких месяцев и поэтому поставил ставку на Антанту, хотя прежде был убежденным германофилом.

Итак, у власти на Украине опять очутились социалистически настроенные деятели. Новое украинское правительство оказалось не в состоянии держать страну в законе и порядке. Продолжалось то словоблудие, начало

которого было положено в Петрограде в 1917 г. и которое с невероятной быстротой распространялось по всему Российскому государству. И на Украине главную роль играли, рассчитанные на успех звонкие революционные фразы, лишь с местным шовинистическим оттенком. Все законодательство левацких самостийников свелось к трем принципам: полный разрыв с Россией, социализация земли и национализация промышленности.

Но провести в жизнь свою земельную установку украинские социал-националисты не сумели. Социализация кончилась грабежом имений, поджогом усадеб и убийством помещиков, так же, как это происходило в центральной России. Зажиточные крестьяне – а их в то время было на Украине большинство – были поголовно против опасных социалистических затей, но боясь расправы не выступали против безобразий. Украинская гольтьба бесчинствовала, не слушая ни увещаний, ни приказов. По всей Украине ширилась волна беспорядков и в отдаленных от больших городов местах, германские власти не были в состоянии наводить порядок. А стоящий у власти Грушевский и не думал о замирении страны, ибо его заботой была сплошная украинизация и полное изгнание русского языка, хотя согласно переписи 1917 года 62% населения Киева родным языком считало русский. Оккупационные власти печатали свои объявления и приказы по-русски, а на протесты Грушевского не обращали никакого внимания.

Видя всю несостоятельность украинских социал-националистов, германское командование решило передать управление в другие, правые руки. Надо было лишь найти такого деятеля, за которым бы пошло население, для которого создавшееся положение было невыносимым. Таким деятелем немцы считали генерала Скоропадского, ибо его имя, имя старого украинского рода, было на Украине широко известно. После выдвижения Скоропадского вокруг него сгруппировались все контрреволюционные элементы Украины – не только промышленники и крупные землевладельцы, но и трудолюбивые

хлеборобы – и, разумеется, русское и польское городское население.

29 апреля 1918 г. Съезд Хлеборобов объявил генерала Скоропадского гетманом всей Украины. Переворот от „Украинской Народной Республики“ к гетманству произошел мирно, без единого выстрела, так как он не нуждался в военной силе. Скоропадский поручил составление кабинета министров профессору Киевского университета Н. П. Васленко. Васленко – член кадетской партии и умеренный украинский националист, был человеком в высшей степени честным и порядочным. Он вложил много труда в формирование первого украинского Совета Министров и получил в нем портфели министра народного просвещения и министра иностранных дел. Однако он не обладал твердым характером, чтобы в условиях хаоса объединить разрозненную деятельность отдельных министерств. Вскоре его сменил известный земский деятель Лизогуб, который одновременно стал и министром внутренних дел.

Можно по разному оценивать деятельность Скоропадского, но безусловно, что его доброта и желание оказать всем помощь, привлекли к нему симпатии многих людей. Он употребил все свое влияние на решение аграрного вопроса в пользу крестьян, хотя в этом он встретил оппозицию и противодействия как левых, так и правых украинских кругов. Период гетманства Скоропадского был временем широкой национальной терпимости и признания равноправия национальностей. Правда, несмотря на равноправие перед законом и судом, все же евреи на государственную административную службу не принимались. По той причине, что все украинские евреи, за исключением богатых владельцев магазинов, промышленников, заводчиков, ждали прихода красной армии и этого они не скрывали. Но как бы там ни было, гетмановские сердюки не убивали евреев, в то время как петлюровцы и махновцы устраивали регулярно погромы.

Несмотря на положительные личные качества Скоропадского, к той роли, которую ему навязал слепой каприз

истории, он подготовлен не был, особенно принимая во внимание сложную политическую обстановку на Украине. Председатель Совета Министров Федор Андреевич Лизогуб тоже оказался слабым руководителем и недостаточно гибким дипломатом для чрезвычайно деликатных и сложных отношений, создавшихся с Германией, а позднее – с Антантой и Белой армией.

Неудачи германских войск на Западном фронте заставили коммунистов пересмотреть свое дружеское отношение к Германии. Было ясно, что немцы уже не представляют той силы, какую они имели во время Брест-Литовского мира. По звонку из Москвы, украинские коммунисты повели по всей Украине оголтелую пропаганду: бить украинских помещиков и капиталистов, а германским империалистам не давать ни одного фунта хлеба.

В то время украинские крестьяне еще не знали, что такое представляет собой „рабоче-крестьянская“ власть, ибо большевики властвовали на Украине весьма короткое время, и красный террор не успел развернуться в деревне. Заманчивые большевицкие лозунги соблазняли украинских крестьян. В сельской местности начались восстания, некоторые из них отличались невероятной жестокостью. К ним присоединилась железнодорожная забастовка, организованная на средства большевиков. За отказ крестьян отдавать часть зерна и скота, немцы стали посылать карательные отряды, которые действовали также грубо и жестоко, как и коммунистические продотряды.

Чехарда в украинском правительстве продолжалась. Был смещен Лизогуб и его место занял И. А. Кистяковский, наиболее яркая фигура во всем кабинете министров. Подчиняя свои политические действия стремлению создания самостоятельной Украины, он вел борьбу с большевизмом, ибо, не в пример украинским социал-националистам, понимал, что враги Украины – не русские, а интернациональная банда, засевшая в Кремле. Понимал он и то, что Петлюра был просто национал-большевиком и работа его агентов по подготовке восстания против гетманской власти, была равносильна отдаче Украины под

советскую власть По распоряжению Кистяковского Петлюра был арестован. Поскольку фактически власть на Украине принадлежала не правительству Скоропадского, а немецким оккупационным властям, по требованию германского командования Петлюра был освобожден. Он уехал в Житомир, где немедленно приступил к реорганизации своих сечевых куреней, чтобы создать боеспособную регулярную украинскую армию для захвата Киева и свержения, ненавистного ему, правительства Скоропадского.

Скоропадскому стало ясно, что рассчитывать на помощь немцев нельзя, ибо их политика сводилась к поддержанию состояния неустойчивого положения, и чувствовалось, что не за горами было время, когда немцы бросят его правительство на произвол судьбы. Опасность захвата Киева Петлюрой с его лозунгами: „Бей гетманцев, белогвардейцев и прочих москалей“, приближалась с каждым днем. Многие русские офицеры уже служили в штабе Скоропадского и в охране его правительства, но не доставало основного элемента – надежных солдат. Призывная украинская молодежь, уже побывавшая на фронте, развратилась большевицкой пропагандой, а сидевшая в тылу – от безделья. Создавать воинские части из этих элементов, или даже из свежей, но совершенно распущенной деревенской молодежи, было невозможно.

После деморализации Российской армии в 1917 году, офицеры, которые не пошли за большевиками, были выброшены из своих частей революционными солдатскими комитетами, или покинули армию добровольно. По пути с фронта большое количество офицеров, в ожидании лучших времен, застряло в Киеве. Число их трудно установить, но во всяком случае, их насчитывалось много тысяч. В Киеве было 3 военных училища и в городе находилось около 1000 юнкеров и кадет.

Некоторые русские офицеры, как было уже сказано, определились на службу в штаб Скоропадского, другие не могли решить: идти или не идти служить самостийнику Скоропадскому. Более прямолинейные российские

патриоты, с бывшим членом Государственной Думы В. В. Шульгиным во главе, покинули Киев, чтобы включиться в Белую армию Деникина, хотя немцы этому всячески препятствовали. Небольшая часть офицеров заняла выжидательную позицию и осталась в Киеве.

Осенью 1918 года опасность вторжения петлюровцев в Киев была настолько велика, что Скоропадский издал приказ о мобилизации всех находящихся в Киеве офицеров и юнкеров. В сущности, мобилизация эта была номинальной, уклонение от нее особенно не преследовалось, но тем не менее, офицеры на нее откликнулись – уже не оставалось времени рассуждать о политике Скоропадского, когда дело шло о спасении Киева. К тому же, хотя русские офицеры были настроены против Скоропадского, своим врагом они его не считали. Им импонировало то, что он был генералом Российской армии и до революции командовал одним из прославленных гвардейских полков – Лейб-гвардии Конным полком, был близко знаком с Государем Николаем Александровичем.

Объединить украинских сердюков и русские части в одну гетманскую армию Скоропадский не решился, ибо ему в этом деле воспрепятствовало бы германское командование, могущее посчитать, что такая армия, укомплектованная контрреволюционными русскими офицерами, может выступить против советской России, с которой германские оккупационные власти, согласно инструкций из Берлина, должны были поддерживать самые дружественные отношения. Скоропадский заявил, что русские части будут сформированы для несения охраны порядка в городе. Были сформированы отдельные офицерские и юнкерские отряды, получившие название дружин, а также артиллерийские батареи и кавалерия – Ольвипольский уланский полк, Лубенский гусарский полк и Кинбурнский драгунский полк. На самом же деле, это были не полки, а эскадроны, ибо ни один из них не насчитывал и 100 всадников. Русским частям было разрешено носить русскую форму и кокарды, в связи с чем дружинников называли „белогвардейцами“, как и добровольцев белых армий генералов Деникина и Юденича.

Тревога киевлян увеличивалась с каждым днем, ибо все чаще и чаще на стенах домов появлялись воззвания, призывающие к свержению правительства Скоропадского и к расправам с белогвардейцами и буржуями. Было оповещено, что армия Петлюры движется на Киев с трех сторон. В начале ноября Скоропадский дал приказ русским дружинам и частям сердюков занять перед Киевом оборонные позиции.

Малочисленные гетманские войска смогли выдвинуть перед Киевом лишь слабые заставы и жидкие цепи. На некоторых участках обороны протяженностью в 5 километров, на позициях находилось не более 100 дружинников. К середине ноября авангардные петлюровские части уже подошли к Киеву на 20-30 километров. Офицерская дружина под командованием полковника Святополка-Мирского и курень сердюков дали бой наступающим со стороны Белой Церкви петлюровцам, но потерпели поражение и вынуждены были отступить.

Другой бой произошел под селом Жуляны, когда офицерская дружина и Лубенский гусарский полк, поддержанные огнем артиллерийской батареи, пытались выбросить петлюровцев из села. Бой длился весь день, был упорным и кровопролитным. Пал командир Лубенского полка полковник Крамаров. Сражение закончилось безрезультатно, но обе стороны понесли большие потери убитыми и ранеными.

В общем, перестрелка и небольшие столкновения происходили по всему фронту. Петлюровцы с каждым днем становились активнее, с их стороны все время велся артиллерийский обстрел. Сдерживать наступление петлюровцев вскоре стало невозможно. Видя безнадежность положения, Скоропадский отрекся от власти. Но немцы не оставили своего ставленника на произвол судьбы и под видом раненого немецкого офицера вывезли его в Берлин.

13 декабря генерал Кирпичев приказал прекратить сопротивление, а дружинникам собраться в Педагогическом Музее и там ждать решения своей участи. Изму-

ченые, обмороженные, морально подавленные офицеры и юнкера стали уныло подаваться на Киев, а гетманские сердюки разбежались. Когда дружинники вошли в пригород Киева – Димиевку, то уже по всему городу шла стрельба. Это отдельные группы офицеров и юнкеров пытались оказать сопротивление, ворвавшимся в город сечевикам.

Немцы по-прежнему занимали нейтральную позицию. Теперь они были заняты только планомерной эвакуацией своих войск, которые согласно Версальскому миру, в ближайшее время должны были очистить все оккупированные территории. Началась агония Киева и вместе с ним и всей Украины. Эта агония талантливо и объективно описана М. Булгаковым в его романе „Белая гвардия“.

Петлюровская армия вошла в Киев 14 декабря. Теперь у сечевиков на папах были нашиты красные ленты, на груди – красные банты. Чем не большевики?! И действовали они большевицкими методами: носились по улицам, размахивая саблями, щелкая затворами винтовок; врывались в квартиры, требуя выдачи офицеров-москалей, которых на месте расстреливали. Только вмешательство германских солдат спасло многих от злодейских расправ. Нужно признать, что сам Петлюра неповинен в эксцессах. Он пытался пресечь террор, но не всегда ему это удавалось. Под влиянием шовинистических и революционных лозунгов Грушевского, который позднее перекинулся к большевикам, сечевики утратили дисциплину и весьма походили на анархические банды Махно.

В Педагогическом Музее собралось более 2000 офицеров. Ждали „конца“. До выяснения их участи, вход в музей был взят под охрану германских и украинских караулов. Но озверевшие петлюровцы проникли в помещение музея и потребовали немедленного разоружения офицеров, грозя оружием. Дружинники подчинились и сдали все оружие. Число арестованных в музее увеличивалось, так как сюда начали свозить всех арестованных в городе офицеров. Скопилось около 4000 человек. Петлю-

ровцы несомненно учинили бы кровавую расправу, но до этого их не допустили немцы. Они были обозлены на петлюровцев за убийство генерала Келлера, хотя скорее всего петлюровцы в этом были неповинны, а покушение с целью провокации было организовано подпольными большевиками.

День-ото-дня сидение в музее становилось невыносимым: недостаток пищи, духота, отсутствие уборных. Подавляла неизвестность, особенно в связи с приближением к Киеву советских войск с севера, которые шли по пятам эвакуировавшейся германской армии. Наступило нерадостное Рождество. В один из рождественских дней, поздним вечером раздался мощный взрыв, вылетели стекла из окон. В одном помещении музея – круглом зале – рухнул прямо на лежащих на полу людей, громадный купол из толстого стекла. От взрыва пострадало более 200 офицеров. Петлюровцы обвинили арестованных в том, что они сами произвели взрыв, якобы с целью побега. Начались новые репрессии – генералов и полковников увезли в Лукьяновскую тюрьму. На другой день весь квартал был оцеплен колючей проволокой и была запрещена всякая связь офицеров с их родственниками.

Однако, германское командование показало, что оно не лишено благородства. Возможно, оно осознало всю несправедливость политики германского правительства в отношении России и решило эти грехи загладить. 29 декабря Петлюра и Винниченко получили приказ от немцев немедленно освободить всех русских офицеров и юнкеров для отправки желающих покинуть Киев в Германию. Петлюра не стал противиться. 30 декабря украинский комендант Педагогического Музея заявил арестованным, что все они будут отправлены в Германию. В тот же вечер было приказано всем узникам построиться для отправки на вокзал. Между шпалерами германских солдат и сечевиков русские белогвардейцы были подведены к приготовленным эшелонам. Погрузка шла под аккомпанемент площадной ругани петлюровцев.

Эшелоны тронулись и бывшие узники вздохнули с облегчением.

Следует отметить, что далеко не все петлюровцы были разъяренными революционерами. В армии Петлюры было немало дисциплинированных и честных воинов, которые не только не принимали участия в эксцессах, но, где могли, их пресекали. Позднее некоторые петлюровские части присоединились к Деникину.

Прибывших в Германию русских офицеров, новое германское республиканское правительство разместило в расположенных вблизи Берлина лагерях для военнопленных, но им была предоставлена полная свобода. Вскоре многие уехали морем, через Штеттин, в Эстонию, на присоединение к Белой армии генерала Юденича; другие разными путями, перебрались на Дон, где включились в Белую армию генерала Деникина.

Кратковременное правление Петлюры вошло в историю гражданской войны под названием **Директории**. Правление ее продолжалось всего полтора месяца, ибо, как уже отмечалось выше, украинцы не вступали в украинскую армию, а прибывшие из Галиции сечевеки деморализовались и не были в состоянии противостоять наступающей красной армии. В начале февраля 1919 г. вся большая Украина попала под советскую власть. 6 февраля, не встречая серьезного сопротивления, части красной армии, под командованием Щорса, вступили в Киев. Для многострадального Киева открылась новая трагическая, жуткая страница – 1919 год. Вновь начались грабежи, расстрелы, застенки ЧЕКА. Особенно свирепствовал обер-чекист Лацис и его помощница Роза Шварц, которая хвасталась, что она лично расстреляла несколько сотен буржуев и контрреволюционеров и применяла в застенках ЧЕКА средневековые пытки. Когда Белая армия сходу заняла Киев, Роза Шварц не успела бежать, была опознана и на месте расстреляна.

В 1919 г. Киев сменил несколько правлений: большевиков, Белой армии, опять большевиков, опять Белой армии, снова большевиков, а затем, поляков. Но об этом в другой раз...

„Любить свою родину умеет только тот, кто не умеет ненавидеть и презирать другие народы; ибо только он знает, что такое дух, а без этого нельзя любить во истину свое отечество. Истинный патриот любит в своем народе то, что должны любить, – и будут любить, когда узнают, – и все другие народы; но за то и он любит у других народов то, что составляет истинный источник их величия и славы. Истинный патриот не только не слеп к духовным достижениям других народов, но он стремится постигнуть и усвоить их, ввести их в духовное творчество своей родины, чтобы обогатить ее жизнь, углубить ее путь и исцелить возможную неполноту ее достижений.

Вот почему любовь к своему отечеству не растворяется и не исчезает в этом сверхнациональном радовании каждому, – и чуждому, – духовному достижению. Эта открытость личной души всем достижениям есть прямой путь к истинному патриотизму: только тот умеет любить свою родину, кто хоть раз испытал, что вселенная действительно может быть отечеством мудреца. И обратно: только тот может неллицемерно говорить о „братстве народов“, кто сумел найти свою родину, усвоить ее дух и слить с нею свою судьбу“.

И. А. Ильин

П. П . . . н

ПАМЯТЬ

В урочный час не надо павших звать,
Едва ударит в звездной тьме набат,
В свой срок они встают, за ратью рать,
На скорбный и торжественный парад.
Часы судьбы с душой своею сверив,
Они исполнить дедовский завет
Из тьмы выходят на рубеж бессмертья -
До них России просто нет.
России нет...
Их сон в веках тревожен -
Не суждено им знать последних слов,
Не суждено увидеть звездной дрожи
От возвещавших Русь колоколов!
И каждый год они выходят снова
С нетленными хоругвями полков,
Чтобы одно-единственное слово
Услышать в грозной поступи веков.
Они стоят надежно и сурово,
С доспехов льется ржавая роса...
Какое им сказать святое слово?
Как им взглянуть в запавшие глаза?
У памяти особые законы...
О, поле Куликово, - стон Руси!
Его неумирающие звоны
Ты, Русь, в скорбящем сердце не гаси!

Ты видишь, даже павшие в безвестье
Опять, опять в руках сжимают меч,
Они готовы вновь к высокой чести
Иль выстоять, иль снова в землю лечь...
И вновь костры,
И в небе ворон-птица -
Предвестье разгоравшегося дня...
Куда рванет теперь, к какой границе
Судьба повода черному коня?
И тишина, как отраженье стона -
Истории безжалостна узда, -
Вновь в зеркале седого Дона
Пророческая вспыхнула звезда,-
Набат, набат в осенней блеклой сини!
О, поле Куликово, - кровь с меча
Ты перед ликом сумрачной России
Вовеки негасимая свеча!
Страшись, о Русь, хотя бы на мгновенье
Принизить славу дедовских знамен,
В беде - остановись без промедленья
Скрепить разверзшуюся твердь времен...
Русь!
Высеки в душе своей скрижали
С надеждою, чтоб та святая рать
Могла в любые яростные дали
Незримо вновь тебя сопровождать,
Чтобы на гребне бешеного вала,
Где, сталкиваясь, рушатся века,
Бессонно бы тебя благословляла
Из тьмы глубокой ратника рука.

МОЛИТВА

Снег на закатах вешних голубой,
А на восходах небывало розовый...
Как хорошо наедине с тобой,
Родимый край, до нежности березовый.

Я знаю, день всегда уходит в ночь,
Извечен ход смертей и воскресений.
Кто сможет, отчий край, тебе помочь
В моменты наивысших потрясений?
Уж только не друзья и не враги, –
Ты лишь до самого решительного боя
Наперекор невзгодам сбереги
И веру, и дыхание живое.
Я слушаю, а ты молчишь, молчишь,
И к сердцу сладкой мукой подступает
Твоя нерасколдованная тишь,
Судьба твоя, как тайна роковая.
Снег на закате вешнем голубой,
А на восходе небывало розовый –
Благослови меня своей судьбой,
Родимый край, душой своей березовой.

Был прав Творец, навек определив
Границы тьмы и горизонты света,
Для океана – громовой прилив,
Для человека – таинство расцвета.
Час юности – сверкающий поток
С изменчивыми в беге берегами,
Огнем зари охваченный восток,
Томимый древними, как вечность, снами.
Бег юности стремителен и чист,
С особыми, высокими правами –
Ведь это совершенно белый лист,
С непроступившими деяний письменами...
Какая же ей участь суждена?
Какие выжжены в ней будут строки?
Иль исчерпать страдания до дна,
Иль повторить отцовские пороки?

Не угадать огней, то глубина, то мель -
Пора нерассуждающей отваги...
Благослови неведомого цель
И чистый лист нетронутой бумаги!

Все знакомо до боли -
Поле, вспыхивающие зарницы...
Я пришел к тебе, поле,
За детство свое поклониться.
На месте подворья
Уцелела одна лишь ракета,
А вокруг словно море -
Волны сизого жита,
А вокруг эта память -
Прощенье родного порога,
Слов бессвязная замять -
Подожди, подожди немного...
И стоял на пригорке
Белым стоном любви,
Гимном прошлого звонким
Спас-на-Крови.
Все теперь облысело -
И холмы, и поля, и леса,
Шелестят овдовело
Ушедших веков голоса...
Ах, как юность жестоко,
Хмурия брови свои,
Стремится уйти до срока -
Что ей Спас-на-Крови?
Но не будет забыта
Юности вольная птица,
Я вернусь, ракета,
За юность тебе поклониться.
Я прошел все провалы и кручи, -
В крови и душа, и колени,
Бывало, молитвой летучей

Появлялись прадедов тени...
Обнищавший душою калека,
Стою на погосте -
На забытом бурями века
Летящем под солнцем помосте.
И какая-то тихая стынь
Тиснет, тиснет мне душу,
Но ведь я заповедных святынь
И во сне не нарушил,
Не свернул даже в мысли своей
На зов иноверца -
В тишь родимых полей
Я вернул свое сердце.
Здесь останусь во всем
Легкой тенью печали,
Предзакатным огнем
Обнимая любимые дали.
Иссохшим от зноя зерном,
Сном былины,
Ожидая живительный гром -
Песню русской равнины!

Есть на Руси бессмертие полей,
Есть на Руси знамение рассвета,
Встречающего ранних журавлей
По таинству древнейшего обета.
Боль сердца - зов неведомых планет...
Я стисну душу тяжкими руками -
Зачем, зачем струится чудный свет
Под нашими земными облаками?
Ты, сердце, успокойся и молчи, -
Рассвет уже крадется сквозь березы,
И слышны вздохи в замершей ночи, -
Березам снятся зимние морозы...
И пусть оборвана связующая нить,
Но вещей бег пророческого слова

Вовек ничем нельзя остановить -
Оно - страдание и оно - основа!
Я слушаю весенний звон воды,
На горизонтах мечутся зарницы,
И мимо вновь предчувствием беды
Пронесются во тьме ночные птицы...
Немало есть чудесного в природе -
Лет журавлей, и стон земной оси,
И час, когда поэты на Руси
С развернутыми стягами уходят...

Высокий берег. Пусто и зловеще,
Все жаждет жертвы - крови и ножа.
И бред луны, загадочной и вещей,
Струится в сон седого камыша.
Немало их, намеренно отставших
В борьбе, о Русь, за боль твою и честь,
Но много больше замертво упавших,
Пронесших твою душу, словно весть,
Сумевших передать ее другому,
Изнемогая от смертельных ран,
Успевших лишь к последнему парому
Через объятый гневом океан!
О тени, тени! А луна какая!
Как серебрится, как молчит камыш!
Оцепенев от края и до края.
Весь мир забился в призрачную тишь.

Шел дождь и мучила бессонница -
О, голос, старых прав !
Опять, опять степная конница
У вещей переправ.

Опять, опять солдаткой серою
Ты, Русь, готова стать,
Опять, опять я немо верую
В твою былую стать.
В твое бессмертие, летящее
В седую бездну лет,
И в сны твои, в себе таящие
Пророческий обет...
Шел бесконечный дождь и тягостный
В моей слепой ночи, -
И в тишине, зовущей радостно,
Звенели вновь мечи...

РОДНИК

Чуть теплится слабеющая грусть,
В надежде тишины и утоленья -
К тебе, к тебе душою стремлюсь,
Родник целительного обновленья.
Я шел к тебе наощупь, наугад,
Сквозь призраки веков
На дедовских могилах,
Мне так хотелось повернуть назад,
Что кровь
От этого мученья стыла;
Я шел к тебе сквозь немоту небес...
И вот удар невыносимой боли -
Родник исчез!
Родник исчез...
Вокруг бесплодное и выжженное поле.
Как тайна смерти прост
Вдали ослабший отголосок плача,
А был с зачатья звезд
Мой путь к тебе намечен и означен,

Но праг нет на милость и любовь...
Далеким отзвуком глухого смеха
На все мольбы мне отвечает вновь
Бездушное блуждающее эхо.
И вновь пустыня в мареве горячем,
Вновь в неизбывной боли давней,
В тоске души, давно уже незрячей,
Я обнаженным сердцем бьюсь о камни.
И жажда все сильней, сильней...
Как тяжёк груз надежды и сомненья!
Опять бреду средь выжженных полей
Искать родник добра и обновления.

Мы все хотим повелевать и мочь,
И вот среди стенания и плача,
В жизнь, словно в праздничную ночь,
Врываемся на поиски удачи.
И близких и себя мы не щадим -
Еще! вперед! скорее!
И в итоге
Лишь горечи и разрушенья дым
На нашей, столь трагической, дороге...
И будущему очищая путь,
И этот след, в спокойной укоризне,
Развеется и обнажится суть
Основ все той же беспощадной жизни.
Непостижимо прост итог -
В небытии всемогущие тираны,
И лишь поэта мимолетный вздох
По-прежнему врачует наши раны.

НЕВСКАЯ ЛАВРА

„Истинно, истинно глаголю
вам: аще пшеничное зерно,
пав на землю, не умрет, то
останется одно; аще же умрет,
то принесет много плода“.

Надпись, высеченная на
могиле Ф. М. Достоевского

Сюда входи со зрячею душой,
Чтоб, потрясенная, она молчала...
Как гений прост и как велик покой -
Свершаются высокие начала,
Свершается предначертаний зов,
И гения нетленное горенье
Не чувствует забвения оков -
Свершается пророка озаренье!
А в ночи белые, когда в душе провал
И тьмы, и света зыбкое смещение,
Когда на смерть и на любовь особые права,
И рвутся связей звенья, -
И верь себе, спеши сюда, спеши,
И огненный свой след прочертит
Грядущее во тьме твоей души
Здесь, на могиле славы и бессмертья...
И ты услышишь, как душа скорбит
И как зерно пшеницы, умирая,
Рвет торжество могильных плит
На нивах жизни без конца и края...
Ах, ночи белые! Их колдовской разлив -
Молитва обладанья и утраты...
И, голода души не утолив,
Пускаешься ты в путь обратный.

Январь, оцепененье, белизна,
Лес в кружеве тончайшего безмолвья,
И неба голубая крутизна
Сияет у земного изголовья.
И ель, как белый сказочный костер.
В изнанках лап таится пробужденье,
И мая беспокойного простор –
Мучение дальнейшего движенья.
Сейчас все замерло, ни звука, ни следа,
Но что нас ждет по истеченьи срока?
Безумца нового кровавая звезда
Иль слово неподкупное пророка?
Зачем, куда летишь ты, шар земной,
В сверкающем метельном белом дыме?
Кто неотступно с болью за тобой
Следит глазами мудрости седыми?
И кто же там, в неясном далеке,
Под будущими звездными ночами,
Кто ждет тебя с душою налегке,
С горящими от зависти очами?

Дай мне, Творец, у края стать
С прощающей себя улыбкой,
И помоги не признавать
Всего прошедшего ошибкой,
Дай первородной тьме в глаза
Взглянуть хотя бы на мгновенье,
Дай слабости не показать
Перед лицом исчезновенья,
Дай мне до самого конца,
Единоборствуя с собою,
Остаться с факелом гонца,
Горящим над кромешной мглою...

Забутые, печальные поля,
И призраком, простым и любящим,
О чем-то скорбно небеса моля,
Береза на холме в осеннем рубище...
Грустит, тоскует русская душа,
Все та же даль, все та же бесконечность -
По-прежнему хоронят не спеша,
В веселье та же удаль и беспечность...
А век опять уходит со двора,
И вновь на рубежах Руси тревога,
И дымный знак набатного костра
Струится вновь у каждого порога.
Поля, поля, забытые поля -
За буйство юности и плата и награда...
Она все та же - русская земля.
Ну, а другой не будет, и не надо!

Возникновение нашего мира не есть следствие случайного взаимодействия физических и химических сил природы, а результат проявления исключительной творческой гениальности.

Размышления на эту тему изложены в брошюре

А. К. ТРОИЦКОГО

„О логическом пути познания первопричины бытия“

Цена брошюры 10 немецких марок

Заказы направлять по адресу:

„Possev“-Verlag,
Flurscheideweg 15,
D-6230 Frankfurt/Main, 80

РУССКИЕ КНИГИ

на складе парижского издательства

ЛЕВ

01 АГНИВЦЕВ Н. - „Мои песенки“.	ам. \$ 9,00
02 Вел.Кн. АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ - Книга воспоминаний.	ам. \$ 28,00
03 Преосв. АНТОНИЙ - Словарь к творениям Достоевского.	ам. \$ 14,00
04 БЛОК А. - Последние дни императорской власти.	ам. \$ 14,00
05 БУНИН Н. - Воспоминания.	ам. \$ 24,00
06 ВОЛКОНСКАЯ О. - Как тяжкий млат.	ам. \$ 17,00
07 ГОЛЛЕРБАХ Э. - Город муз,	ам. \$ 15,00
08 ГУБЕР П. - Дон-жуанский список А. С. Пушкина.	ам. \$ 25,00
09 ДЖИЛАС М. - Тито, мой друг, и мой враг.	ам. \$ 19,00
10 ДНЕВНИК ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.	ам. \$ 24,00
11 ЖИЛЬЯР П. - Тринадцать лет при русском Дворе.	ам. \$ 28,00
12 ЗАНДЕР Л. - Песнь Господня.	ам. \$ 8,00
13 ИВАНОВ Г. - Избранные стихи.	ам. \$ 16,00
14 КАРАЧЕВЦЕВ С. - Тысяча двести анекдотов.	ам. \$ 16,00
15 КОРОВИН К. - Шалапин.	ам. \$ 16,00
16 ЛЕЙКИН Н. - Где апельсины зреют.	ам. \$ 16,00
17 МЕЛЬГУНОВ С. - На путях к дворцовому перевороту.	ам. \$ 18,00
18 МИНЦЛОВ С. - За мертвыми душами.	ам. \$ 18,00
19 ПАЛЕОЛОГ М. - Роман Императора.	ам. \$ 9,00
20 ПОЛОВЦЕВ Л. - Рыцари Тернового Венца.	ам. \$ 17,00
21 РЕМИЗОВ А. - Встречи.	ам. \$ 27,00
22 ТИТОВ А. - Лето на водах.	ам. \$ 16,00
23 ТРУБЕЦКОЙ Кн. Е. - Смысл жизни.	ам. \$ 23,00
24 ЦВЕТАЕВА М. - Вечерний альбом.	ам. \$ 18,00
25 ЦВЕТАЕВА М. - Волшебный фонарь.	ам. \$ 14,00
26 ЦВЕТАЕВА М. - Психея.	ам. \$ 9,00
27 ЦВЕТАЕВА М. - Разлука.	ам. \$ 8,00
28 ЧЕРНЫЙ Саша - Детский остров.	ам. \$ 9,00
29 ЧЕРНЫЙ Саша - Румяная книжка.	ам. \$ 12,00
30 ЧЕРНЫЙ Саша - Сатиры.	ам. \$ 19,00
31 ЧЕРНЫЙ Саша - Солдатские сказки.	ам. \$ 16,00
32 ЭЙХЕНБАУМ Б. - Анна Ахматова.	ам. \$ 11,00
33 ЭФРОН А. - Страницы воспоминаний.	ам. \$ 18,00
34 Кн. Ф. ЮСУПОВ - Конец Распутина.	ам. \$ 24,00

Заказы направлять по адресу:

CHOCHOLOUS Vlad. Ed., LEV, 59, Avenue Victor Hugo
92100 BOULOGNE-sur-SEINE (France)

Пересылка за счет покупателя. Просим добавлять на пересылку
1,50 долл. за первый и 75 центов за каждый следующий экземпляр

Книги отправляются после получения чека

Владимир Самарин

Настоящее и прошлое

1

В Соединенных Штатах продолжается, начатая в 1974 году, „охота за ведьмами“, именуемая падкой на все сенсационное печатью, „охотой за нацистами“, их „пособниками“ или „коллаборантами“.

Вот уже больше десяти лет продолжается эта вакханалия, продолжает попирается международное право, утвердившее сроки давности. Срок давности всегда имел отношение к преступлению совершенному, но что говорить о тех многочисленных случаях, когда в ходе „охоты за ведьмами“ привлекаются к ответственности эмигранты, ни в чем не виноватые? Примером тому может служить сфабрикованное пресловутым Отделом спецрасследований министерства юстиции США – „дело“ Черима Сообцокова. Не менее вопиющее „дело“ известного украинского антикоммуниста Валентина Мороза. Его привлекли к ответственности за „преступления“, якобы им совершенные во время войны. Когда дутое дело уже было начато, когда закрутилось колесо „расследования“, когда безответственные люди начали выбрасывать на ветер государственные средства, вдруг выяснилось, что во

время войны Валентину Морозу было... одиннадцать лет.

На Мороза материалы-фальшивки поступили, конечно, из КГБ. Спрашивается, чем же думали гебисты, когда сочиняли фальшивки, когда передавали их Отделу спецрасследования? Одно только можно предположить, что какой-то остряк-гебист решил разыграть упомянутый Отдел, поставить людишек из этого Отдела в идиотское положение. А чем думали указанные людишки, когда рылись в ворохах фальшивок, когда начинали „дело“, когда взваливали вороха преступлений на одиннадцатилетнего мальчишку? Чем-то думали, только не головами.

И главное: привлечены ли к ответственности деятели, привлекавшие к ответственности человека на „основании“ фальшивок, полученных из КГБ, привлекавшие к ответственности ни в чем не виноватого человека?

Нет, ни к какой ответственности эти деятели до сих пор не привлечены, больше того, они продолжают делать свое черное дело, они продолжают мучить невинных людей!

До каких же пор это будет твориться в стране, принадлежащей великому народу? Ответа на этот вопрос все нет и нет.

Вакханалия продолжается... А коммунистическим режимам только это и нужно: не давать покоя противникам этих режимов, эмигрантам-антикоммунистам.

Таким образом, люди из Отдела спецрасследований, не получая заработной платы от коммунизма (надо надеяться, что не получают), верно служат ему.

После войны прошло почти столетия, но жажда мести не оставляет тех, кто мстью обуреваемы.

2

Немало зла эта жажда мести принесла русской эмиграции еще в первые послевоенные годы. Именно сейчас не лишне вспомнить те страшные годы.

Кого только ни обвиняли в сотрудничестве с немцами! Тысячи трагедий разыгрывались по всей Европе.

Особенно трагична судьба большого русского писателя-эмигранта Ивана Сергеевича Шмелева, тоже обвиненного в сотрудничестве с немцами. Его тоже всякие проходимцы называли фашистом, коллаборантом.

Стоит ли говорить, что никаким фашистом русский писатель И. С. Шмелев не был? Стоит ли говорить, что никаким коллаборантом (изобрели же новое словечко, дико звучащее по-русски) И. С. Шмелев не был?

Сведения о многолетнем преследовании его даются в сборнике очерков воспоминаний „Памяти Ивана Сергеевича Шмелева“, вышедшем в 1956 году под редакцией русского публициста-эмигранта В. А. Маевского.

В чем же заключалось „коллаборантство“ И. С. Шмелева?

Об этом „коллаборантстве“ рассказывает друг И. С. Шмелева – И. В. Борзов в очерке „Памяти друга“, помещенном в названном сборнике. И. В. Борзов пишет:

„Все мы осуждены терпеливо нести свой крест. Но когда касаются грязными руками нашего святая святых и хотят загрязнить лучшие помыслы – мы горячо возмущаемся. И сколько таких примеров клеветы, самой злостной и грязной клеветы дает наше несчастное время... Клеветы не избежал и Иван Сергеевич: его называли фашистом и сотрудником немцев. Но он работал не с немцами, а против них; фашистом никогда не был. Обвиняли Ивана Сергеевича за его участие в «Парижском Вестнике» (русская газета, выходившая в Париже во время немецкой оккупации. – В.С.), забывая, что в то время для сотен тысяч русских людей, пригнанных немцами из России, не было другой русской печати: Иван Сергеевич стал служить не немцам, а сотням тысяч русских людей, и говорить правду о России и немцах. Что мы там в этом «Парижском вестнике» читаем написанного И. С. Шмелевым? Мы читаем о России, о ее величии, о ее материальном и душевном, и духовном богатстве“.

Известный в эмиграции церковный писатель и философ А. В. Карташев в статье „Религиозный путь И. С. Шме-

лева“, помещенной в том же сборнике, пишет:

„Русские крымчаки из добрых старых знакомых затеяли в Париже панихиду по всем российским жертвам большевизма, всем расстрелянным и умученным. Ивана Сергеевича „взяли за сердце“; ведь среди расстрелянных в Крыму и его единственный сын Сережа!.. Он поехал на панихиду. Вот максимум его „коллаборантства“.

К концу жизни (он умер в 1950 году) И. С. Шмелев решил уйти в монастырь. Мечтал попасть в Св. Троицкий монастырь, что в г. Джорданвилль, в штате Нью-Йорк. Твердо решив поселиться в Св. Троицком монастыре, начал хлопотать о визе. Два раза посылал прошения, и оба раза, не понимая, почему ему отказывают, почему визу не дают, – получал отказ.

Публицист Владимир Зеелер, ныне покойный, как и почти все авторы сборника „Памяти Ивана Сергеевича Шмелева“, в статье „Последний путь Шмелева“ пишет:

„Все последние годы давно уже лелеял мечту – уйти в монастырскую тишину и там, вдали от суеты мирской, в покое и отдохновении, – вести неспеша уже назревшую нить своей работы. Мечтал о монастырской жизни в Америке, но достичь этого не удавалось ему. Кому-то мешала его близость: ведь не все его знали и ценили. Были и недруги...“

А. В. Карташев в статье, которую я уже цитировал, пишет об И. С. Шмелеве, что путь ему в Св. Троицкий монастырь был закрыт.

„...Путь ему был закрыт, – пишет А. В. Карташев, – не что иное, конечно, как осведомление из русской среды, заклеило его „коллаборантом“. Положение „рака на мели“. И. С. начал вянуть и слабеть. Несмотря на притекающее изобилие пищи, мало ел, перегружался химией лекарств, увядал от неподвижности в своей квартирной клетке, надолго слег...“

„Русская среда“, как свидетельствует хорошо осведомленный В. А. Маевский, ни в чем виновата не была. Из русской среды никакого осведомления, то есть доноса – не исходило.

В. А. Маевский в своем очерке пишет о тяжелом состоянии И. С. Шмелева, об упадке сил, наступившем после получения второго отказа, об ухудшении, резком ухудшении здоровья.

„Причиной, – пишет В. А. Маевский, – были жестокие и завистливые враги нашего писателя. Объяснюсь подробнее, чтобы остался след в истории писательских нравов русского Зарубежья, первую страницу которой приоткрыл в своих воспоминаниях холодный, но очень умный и наблюдательный Ив. А. Бунин. Кое-что рассказала и Тэффи... Как было уже упомянуто, И. С. Шмелев собирался в США на несколько месяцев, а если понравится и на 1-2 года. Для этого он подал заявление, но квартиру в Париже задержал. Неожиданно пришел отказ в визе. Не придавая этому большого значения, И. С. возбудил вторичное ходатайство. А вскоре „друзья“ из Америки в анонимном письме прислали вырезку из нью-йоркской газеты, в которой сообщалось:

„Проживающий в Швейцарии писатель Ив. Шмелев до сих пор **тщетно** хлопотал о предоставлении ему американской иммиграционной визы. Шмелев хотел приехать в С. Штаты по приглашению церковных кругов, близких митрополиту Анастасию, и поселиться в Джорданвилльском монастыре.

Во время германской оккупации во Франции Шмелев сотрудничал в жеребковском «Парижском вестнике» и отслужил в соборе на рю Дарю благодарственный молебен по случаю занятия немцами Крыма“.

Все в этой заметке высказано предельно: было ясно, что недруги Ивана Сергеевича решили все сделать, чтобы он не попал в США, куда они бежали в 1941 году; решили сделать донос на старика, заслуженного русского писателя, очернить его перед американскими властями и общественным мнением.“

Некоторые пояснения к сообщению-доносу, опубликованному в нью-йоркской газете. Ежедневник «Парижский вестник», в котором сотрудничали крупные русские писатели И. С. Шмелев, И. Сургучев, публицист

В. Абданк-Коссовский, издавался Представительством русской эмиграции во Франции, которое возглавлял русский эмигрант, убежденный антикоммунист и никакой не фашист, – Ю. Н. Жеребков, сын казачьего генерала.

После войны Юрий Николаевич уехал в Испанию, где нашел верное убежище. Все попытки послевоенных французских властей добиться его выдачи для последующей расправы, оказались тщетными: правительство генералиссимуса Франко отвечало решительным отказом, и таким образом жизнь русского эмигранта-антикоммуниста была спасена. Юрий Николаевич умер, уже в годах, вскоре после смерти Франко.

Что касается сообщения о молебне, то, как это хорошо известно, никакого молебна „по случаю занятия немцами Крыма“ И. С. Шмелев не служил. Все, что было, это его присутствие на панихиде по всем жертвам кровавого большевизма в Крыму. Расправами над белыми офицерами, захваченными в Крыму красной армией, как известно, руководил палач Крыма, выходец из Венгрии, но отнюдь не венгр, – Бела Кун. Собака эта подохла собачьей же смертью: Бела Кун был ликвидирован Сталиным вместе с сотнями других большевицких палачей. Собакам – собачья смерть... Не обижаем ли мы собак, когда говорим так? Так или иначе, Бела Кун получил ту смерть, которую заслужил.

Само собой разумеется, что сообщение в нью-йоркской газете было пересказом доноса, поданного на И. С. Шмелева в ведомство иммиграции и натурализации. Имя доносчика осведомленным людям скоро стало известно.

Последнее прибежище на земле нашей И. С. Шмелев нашел все же в монастыре, где мечтал отдохнуть душой, закончить третий том главного труда своей жизни – „Путей небесных“.

Владимир Зеелер в очерке своем, который я уже цитировал, вспоминает, как И. С. Шмелев говорил:

„Вот там-то Господь и поможет мне закончить эту работу и тогда успокоиться“.

Не суждено было „Пути небесные“ закончить.

А. В. Карташев вспоминает, с каким восторгом ехал И. С. Шмелев в женский монастырь в Бюсси, недалеко от Парижа.

„С восторгом и новыми надеждами ехал туда Ив. Сергеевич под ласковым июньским солнышком. Через 2-3 часа по прибытии, после первого же ужина, неожиданно для себя и для добродетельных хозяек, „отошел ко сну“ вечному. „На пороге монастырском“, как мечтал...“

Владимир Зеелер пишет:

„Шмелев был глубоко верующим человеком; Шмелев точно знал и верил, что в его жизни было от Бога и Богом создавалось. И вот последний день, который ему дал Господь. Он дал ему его для блаженной кончины, которой этот замечательный для нас человек заслужил и у Господа: весь день он ощущал всю красоту Божьего мира; он был напоен ею; он впитывал в себя этот чудесный воздух; он согревался солнцем, он видел птиц в лесу. Он пришел к незнакомым людям, которые встретили его ласковым приветом. Весь день он чувствовал близость друзей; он знал их теплое, душевное к нему отношение – и душа его наполнилась радостью жизни. Мать Феодосия говорит: „Он много раз крестился“. Он благодарил Господа Бога за все чудесное, что было вокруг него и в нем самом. И когда он был полон этой благодарностью Богу, тогда Последний закрыл ему глаза. Послал ему вечный покой.

Это была блаженная, непостыдная и мирная кончина нашего дорогого, незабвенного друга, русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева... Как нам будет его нехватать.“

И. С. Шмелева не хватает не только поколению А. В. Карташева и других авторов сборника „Памяти Ивана Сергеевича Шмелева“, но и моему поколению. Не хватает всем, кому дорога литература русской эмиграции, кому вообще дорога вечная русская литература, та литература, которой принадлежит большой русский писатель И. С. Шмелев.

Нет никакого сомнения в том, что тревоги и волнения,

связанные с хлопотами о переезде в США, в Св. Троицкий монастырь, сократили дни жизни русского писателя И. С. Шмелева.

Пусть же будут прокляты нелюди, жизнь его сократившие.

И пусть будут благословенны люди, столько сделавшие для И. С. Шмелева при жизни его!

3

Передо мною еще одна книга, давно ставшая библиографической редкостью, книга о которой, если не ошибаюсь, ничего не было в печати нашей.

Эта книга называется так: „Памятник мимолетному“. Автор ее – известный когда-то в эмиграции театральный деятель и режиссер Н. Н. Евреинов.

В подзаголовке книги значится: „Из истории эмигрантского театра в Париже“.

В книге этой рассказывается о расцвете русского эмигрантского театра в Париже в годы немецкой оккупации, что некоторых может удивить, и о полнейшем упадке русского эмигрантского театра, упадке, наступившем вскоре после занятия Парижа союзными войсками.

В книге рассказывается и о тех тяжелых потерях, которые понесли русские артисты и театральные деятели после занятия Франции союзными войсками. Рассказывается и о диких преследованиях, которым подвергались русские театральные деятели и русские артисты.

Не это ли явилось причиной замалчивания книги Н. Н. Евреинова? Не настало ли время прервать этот заговор молчания?

„Война застала меня в Париже, – пишет Н. Н. Евреинов, – где я оставался с самого начала ее до конца: мне некуда было „бежать“, да и не хотелось, несмотря на терроризирующий вой сирен и тревожный шум аэропланов над крышами соседних домов. Опустошение Парижа началось задолго до наступления июня 1940 года, когда приближение неприятеля стало для всех очевидным. Этот вой

сирен, с первых же дней войны, стал роковым для пожилых людей „слабосердечных“. Под его угрозой скончались чуть ли не в ту же ночь знаменитый художник-декоратор Конст. Коровин и одна из первых русских танцовщиц-босоножек – Элла Рабинок“.

В главе „Русский театр при немецкой оккупации Франции“ Н. Н. Евреинов рассказывает о том, как оккупация началась.

„14 июня 1940 года, – пишет Н. Н. Евреинов, – немцы вторглись в Париж – не „как тать в ночи“, а как кичливые завоеватели далекого прошлого: с грохотом повозок, бряцанием оружия, щеголяя парадным видом своих зеленатовых мундиров, хвастливо радуясь лучам восходящего солнца, озаряющего их торжество победителей“.

Н. Н. Евреинов вместе с женой отправился на авеню де Версаль посмотреть на непрошенных гостей.

„Часть из них, – пишет Н. Н. Евреинов, – истомленная стремительным маршем, вытянулась вдоль улицы на своих повозках, и уже готова была подремать, поджидая отставших, – когда публика, расхрабрившись, окружила вояк и даже пустилась с некоторыми из них в беседу, угощая папиросами и чуть ли не приветствуя в их лице грозный „Вермахт“.

Эта сцена, как свидетельствует далее Н. Н. Евреинов, была характерной для настроений французов.

Немцы же, как пишет Н. Н. Евреинов, – „...хотели завоевать французов не только силой оружия, но и вежливым обращением с побежденными...“

Немцы скоро пристрастились к французским винам, к французской кухне, стали поощрять всякого рода развлечения. На Монмартре и на Монпарнасе стали открываться всякие кабаре, мюзик-холлы и театры. 7 сентября 1940 года, в присутствии французских и немецких властей, торжественно открылась „Комеди франсез“.

Стали призадумываться, как пишет Н. Н. Евреинов, и некоторые из наших эмигрантов, стоявших до войны во главе русских театральных антерприз. Открылся один театр, потом второй – „Театр без занавеса“. Организато-

ром и хозяином этого театра был известный русской эмиграции драматург Илья Дмитриевич Сургучев, выступавший в „Театре без занавеса“ и как чтец своих рассказов, и как конферансье. В „Театре без занавеса“ выступали чуть ли не все популярные тогда в Париже русские артисты: Ю. П. Загребельский, В. И. Чернявский, Павел Троицкий, Нина Карандакова и др.

В 1943 году возник в Париже „Театр Русской Драмы“. Инициатором его создания был знаменитый Сергей Лифарь, старый друг Н. Н. Евреинова. Одной энергии прославленного хореографа было бы недостаточно, если бы ему на помощь не пришел известный меценат П. А. Юршевич, еще и раньше неустанно жертвовавший на национальные русские предприятия.

Естественно, что председателем Художественного совета „Театра Русской Драмы“ стал С. М. Лифарь, а почетным его председателем П. А. Юршевич. В качестве главного режиссера был приглашен Н. Н. Евреинов, в качестве режиссера знаменитая Е. Н. Рощина-Инсарова и А. Н. Богданов, бывший артист Пражской группы МХАТ-а.

В состав труппы вошли артистки Горбунова, Дубравина, Карелина, Лиля Кедрова, Мотылева, Мария и Наталия Токарские; артисты Горин, Громов, Дмитриев, Загребельский, Кузнецов, Помостов, Субботин, Сафонов, Телегин, Чернявский и Шупинский. Последний стал администратором театра.

Имена эти мало что говорят моему поколению, но ведь это были артисты крупнейших театров России, в частности бывшие артисты МХАТ-а, известные до революции каждому интеллигентному русскому человеку.

Открытие сезона „Театра Русской Драмы“ состоялось 23 октября 1943 года.

Для спектаклей, в расчете играть их два-три раза в неделю, был снят на сезон 1943-44 года комфортабельный театр „Йена“, вблизи Трокадеро, вмещавший 500 зрителей.

Н. Н. Евреинов подробно пишет о тех трудностях, с которыми было связано подыскание пьес, подходящих

для постановки. Естественно, что были и разногласия, как во всяком живом деле. Была и цензура немецкая. И необходимость кончать спектакли не позже 11 часов вечера.

Трудности преодолевались. Пьесы находились. Открыли сезон пьесой А. С. Грибоедова „Своя семья“, написанной им в сотрудничестве с известными водевилистами князем А. А. Шаховским и Н. И. Хмельницким. Пьеса эта в постановке Н. Н. Евреинова, в „деликатной“, как он пишет, переработке, очень понравилась публике, вызвала самую положительную оценку критики.

„Приятно вспомнить, – пишет Н. Н. Евреинов, – что на одном из спектаклей, сидевший возле меня Ив. Ал. Бунин сказал мне после 2-го акта несколько слов в стихах, тут же заметив: „Вот видите, как пьеса заражает. И я заговорил стихами“.

В фельетоне своем, помещенном в «Парижском вестнике» за 23 октября 1943 года, Н. Н. Евреинов писал, что пьеса эта „...является лестным для русского самолюбия драматическим произведением“.

С особенным успехом прошла постановка „Женитьбы Белугина“.

„Успех этого спектакля, – пишет Н. Н. Евреинов, – как на премьере, так и на его повторениях был и вправду на редкость полный...“

Через месяц после премьеры, желая отметить труды своего режиссера, а заодно день его 65-летия, театр поставил, как парадный спектакль, пьесу самого Евреинова „Самое главное“. Были и юбилейные речи, и подношения, и овации публики.

Говорит Н. Н. Евреинов и о потерях, понесенных русским эмигрантским театром. Во время войны и вскоре после нее, умерло несколько крупных русских артистов. Среди них К. М. Миклашевский, выдающийся, как его характеризует Н. Н. Евреинов, театральный мэтр, написавший ряд интереснейших книг о театре и кино, в частности труд, прославивший К. М. Миклашевского, как подлинного авторитета по истории итальянского театра 16-17 веков. Умерла артистка МХАТ-а М. А. Токарская. Умерли

администратор „Театра Русской Драмы“ Б. Н. Шупинский, талантливый комик Чернявский, резонер Дмитриев, сравнительно молодая артистка Карабанова. Скончалась выдающаяся артистка Е. О. Скокан, которой и посвящена книга „Памятник мимолетному“.

Но главные потери русский эмигрантский театр в Париже понес не во время войны, а после нее.

„Но главное опустошение в рядах театральной братии, работавшей в Париже, – пишет Н. Н. Евреинов, – война внесла при своем окончании, не в прямом смысле, а в косвенном. Обвиненные по доносам в „сотрудничестве“ с немцами, наши щедрые меценаты – Павел Альбертович Юршевич, Гр. Гр. Беридзе и такой высоко просвещенный покровитель сценического искусства, как всемирно прославленный Сергей Лифарь, были, вместе с другими товарищами по несчастью (драматургом Ильей Сургучевым, Н. Д. Янчевским и некоторыми другими), посажены в тюрьму или просто изъяты из театральной работы во Франции и тем самым как бы „ошельмованы“ в глазах их почитателей“.

Конец войны породил острый разлад среди русских артистов в Париже.

„Началось с „брожения умов“, приведшего к перемене политической ориентации, – пишет Н. Н. Евреинов, – и кончилось у кое-кого забеганием в советское посольство с прошениями о выдаче им советских паспортов“.

Не желая перечислять всех изменников, предателей, Н. Н. Евреинов указывает только на некоторых главных, во главе с артистом Н. В. Петрункиным, который еще задолго до войны проявлял свое советофильство. После долгого обивания порогов советского посольства, Петрункин получил какие-то небольшие субсидии на постановку советских пьес. И ставил эти пьесы.

„Жутко вспомнить, – пишет Н. Н. Евреинов, – что это были за драматические „шедевры“, коими Петрункин угощал озадаченных парижских театралов!“

Казалось, что посещая различные по названиям пьесы, публика видит все одно и то же – „...с теми же самыми

„героями труда“, „диверсантами“, „вредителями“, „саботажниками“ и бедными жертвами „легкомысленных“ мужей“. Этот самый Петрункин вынужден был ставить пьесы в столь однообразных декорациях, что, как правильно пишет Н. Н. Евреинов, – „невозможно было сразу же определить, в чьей квартире шло действие: героя, героини, благородного чекиста, подлого предателя или одной из „вредительских“ любовниц“.

Этот позорный театр пустовал. Кончилось тем, что Петрункин срочно „исхлопотал себе советский паспорт“ и уехал в Чехословакию.

Таково было положение русского эмигрантского театра после занятия Парижа союзными войсками. Положение – катастрофическое.

4

Еще одна книга, вышедшая в Париже в 1973 году. Это хроника известной в эмиграции семьи Зерновых. Называется книга „За рубежом“; объемистый том в 560 страниц. Редактор книги „За рубежом“ церковный и общественный деятель, автор ряда книг, – Н. М. Зернов.

Как пишет в главе „Заключение“ Н. М. Зернов: „За рубежом“ говорит о верности русских, в рассеянии сущих, России и Церкви и об их неиссякающей надежде увидеть свободу и справедливость на родной земле“.

Среди авторов книги: В. М. Зернов, известный тогда в русском Париже доктор, и С. М. Зернова – общественная деятельница, которую тоже знал весь Париж.

В главе девятой хроники „За рубежом“ Софья Михайловна Зернова рассказывает о страшной трагедии многих русских эмигрантов, пережитой после занятия Франции англо-американскими войсками. Рассказывает Софья Михайловна так, что веришь каждому ее слову.

В короткой девятой главе – всего девять страниц – сконцентрирован материал огромной обличительной силы. Между тем, Софья Михайловна не ставит себе задачу именно обличать. Она просто рассказывает. Сжато и в то

же время исчерпывающе. Рассказывает о том, что творили во Франции, вылезшие из подполья коммунисты и их приспешники, опекаемые англо-американскими властями. Рассказывает о том, какие страдания пришлось пережить тысячам русских эмигрантов, обвиненных в „коллорабии“, в сотрудничестве с немцами. В подавляющем большинстве случаев обвинения не имели под собой никаких оснований.

А как ждали прихода союзных войск – и французы, и русские эмигранты!

„Был жаркий августовский день, – пишет С. М. Зернов, – весь город был охвачен лихорадочной радостью, люди выходили на улицу, останавливали прохожих, передавали друг другу новости и слухи...“

Радовались и русские эмигранты, не знавшие, что их ждет.

Слышались выстрелы. Говорили, что кто-то стреляет с крыш... Это была таинственная „пятая колонна“. Что эта была за „колонна“, никто толком не знал.

При мысли о „пятой колонне“ С. М. Зерновой представлялся маленький француз, портной с ее улицы, который в день занятия немцами Парижа радостно их встречал, зазывая в свой магазин.

„Но очень скоро выяснилось, – пишет С. М. Зернова, – что большинство французов, не зная вначале, кого поместить в „пятую колонну“, кончили тем, что зачислили в нее всю русскую эмиграцию“.

И у самой Софьи Михайловны, и у брата ее Владимира Михайловича, доктора, вначале, когда еще не началась вакханалия преследования русских эмигрантов, голова кружилась от восторга: „Неужели это конец войны – начало новой жизни, соединения с нашими родными и друзьями из Лондона, Швейцарии и Америки?“

И вдруг телефонный звонок: Владимира Михайловича спешно вызывают к больной русской.

И еще телефонный звонок. Какой-то русский эмигрант сообщает, что на соседней улице построен помост и на нем бреют головы женщинам за их „коллорабию“ с

немцами. Когда он проходил мимо, то видел, что одна из женщин, которых разнузданные „герои“ втащили на по-мост, перекрестилась по-православному. Русский эмигрант, знавший об активной общественной деятельности Софьи Михайловны, об ее смелости и решительности, просил помочь несчастной русской женщине, над которой глумились негодяи.

Когда вернулся Владимир Михайлович, выяснилось, что у вдовы генерала К. был сердечный припадок. Ее дочь была схвачена коммунистическими негодяями. Ее раздели, обрили и, глумясь над нею, повели по улице.

С. М. Зернова пишет: „Когда вернулся мой брат, то вся картина выяснилась передо мною. Сердечный припадок был у вдовы генерала К. Это ее дочь вытащили из дома, раздели и обрили, а теперь повели, глумясь, по улицам Парижа. Я ее знала. Она приводила к себе на квартиру русских подростков, завербованных в немецкую армию, переодевала их в штатское и помогала им бежать. Она несколько раз приходила ко мне, и я доставала ей одежду. Теперь консьержка донесла на нее, сказав, что та принимала немецких солдат“.

Софья Михайловна решила искать дочь генерала К., чтобы помочь ей.

Позвонила своей знакомой Маргарите Загорской, чтобы идти вместе. Загорская сразу же согласилась. Трудно было решить куда идти, где искать несчастную русскую женщину. По дороге они встречали бритых, полуголых женщин. Политическое хулиганье бросало в них гнилые яблоки и помидоры. Толпа жестоко насмехалась над ними.

„Та толпа, – пишет Софья Михайловна, – которая несколько недель тому назад кланялась подобострастно немцам и искала покровительства у этих женщин“.

„Охотой за ведьмами“ в то время во Франции руководили, вылезшие из подполья французские коммунисты и их приспешники, так называемые „фи-фи“. Так назывались французские подпольщики и партизаны, большинство групп которых находились под контролем коммунистов.

„Охотой за ведьмами“ в Америке сейчас занимаются деятели из небезызвестного Отдела спецрасследований, работающие в тесном контакте с КГБ СССР, ведущие свои „расследования“ по фальшивкам и прочим „материалам“, получаемым из КГБ.

С. М. Зернова рассказывает: „Мы шли от одного центра „фи-фи“ к другому. Сперва в мэрию, потом в коммунальную школу – в одну, другую, третью, – повсюду мы встречали разнузданных людей, неизвестно откуда выплывших на поверхность. Мы всюду спрашивали, не знают ли они, где находятся уведенные толпою женщины? Никто ничего не знал, и никому не было дела до нас, ни до обритой ими русской женщины. Особенно грубо меня встретили в коммунальной школе, около улицы Коммерс. Маргарита Загорская осталась меня ждать на улице, и я вошла туда одна. Это был коммунистический центр, и первое, что меня спросили: русская ли я и какая русская – красная или белая? Когда они узнали, что я „белая“, они стали выкрикивать, что им достаточно пятых колонн, что надо и мне сразу обрить голову, чтобы показать, что они освобождают Францию не только от немцев, но и от белых реакционеров и продажных женщин...“

Разговаривать, как пишет Софья Михайловна, с этими бандитами было бессмысленно. Она хотела уйти, но бандиты преградили ей дорогу, и один из них крикнул: „Несите бритву!“

Тут Софья Михайловна поняла, что дело ее плохо.

„Вероятно, – пишет она, – в минуты опасности у нас являются инстинктивные силы самозащиты, и мы действуем не размышляя, как поступать. Я подошла к главному „фи-фи“ вплотную и, смотря ему в глаза, стала говорить: „Как, вы, французы, хотите осмелиться прикоснуться ко мне, русской? Вы – трусы и изменники своей родины! Что вы сделали, чтобы сбросить немецкую оккупацию? Было ли хоть одно восстание? Вы появились сейчас с вашим оружием, когда немцы разбиты...“

Возмущаясь все больше, она крикнула: „Если вы принесете бритву, то я обрею все ваши головы, а не вы мою!“

Говорила она, как пишет сама, с таким гневом и силой, что негодяи попятились перед нею и открыли дверь.

Дочь генерала К. Софья Михайловна и ее знакомая нашли только под вечер, в здании мэрии 18-го арондисманта, за решеткой, среди других полуголых и бритых женщин. В мэрии Софья Михайловна и Загорская пытались найти начальника „фи-фи“, но его, к счастью, не оказалось. Их встретил молодой французский офицер с умным и милым лицом. Ему объяснили, кто была госпожа К., которую разыскивают. Сказали, что отец ее был русским генералом, сражавшимся в первую мировую войну за Россию и за Францию. Офицер повел Софью Михайловну и Загорскую в подвал, наполненный женщинами, вызвал госпожу К. Выпуская ее, он сказал: „Мадам, от имени Франции я прошу вас простить нас“. Вышли на улицу. Они шли через весь Париж. На госпоже К. был лишь лифчик и короткие нижние панталоны. Ее голые ноги были черны от пыли парижских улиц. На ее щеках и груди красными чернилами была нарисована свастика. Путь был мучительным.

С. М. Зернова пишет: „Союзные армии без меня вступали в освобожденный Париж... У меня на душе не было больше ни ликования, ни восторга“.

Начались для нее горячие дни. Когда среди русских эмигрантов распространилась весть о том, что Софья Михайловна освободила дочь генерала К., к ней кинулись за помощью. Шли и шли, прося отыскать и спасти их близких и друзей, схваченных вконец распоясавшимися „фи-фи“. По всему Парижу эти „герои“ хватали русских эмигрантов, не предъявляя никаких обвинений.

„Все русские, – пишет С. М. Зернова, – которые работали у немцев, а за компанию и те, которые не работали, увозились в неизвестном направлении“.

Вместе с русскими хватали, арестовывали украинцев, поляков, латышей, грузин, армян, чехов... Арест русских эмигрантов шел – повальный. Героическая русская женщина С. М. Зернова много сделала для спасения захваченных. И не только русских, но и других. Она и те рус-

ские эмигранты, которые помогали ей, которые были рядом с нею в самых тяжелых ситуациях, спасали эмигрантов, спасали антикоммунистов всех национальностей.

Героическая русская женщина, глубоко верующая, отдававшая все свои силы служению ближнему, заслужила благодарность не только русской эмиграции – заслужила благодарность эмигрантов-антикоммунистов всех национальностей.

Страницы хроники „За рубежом“, посвященные трагедии русской эмиграции, пережитой после второй мировой войны; страницы сборника „Памяти Ивана Сергеевича Шмелева“, книга Н. Н. Евреинова „Памятник мимолетному“ – заслуживают пристального внимания будущих историков русской эмиграции.

Эти страницы, как и страницы других книг, в эмиграции вышедших, нужно сохранить для истории эмиграции подлинной, а не профанированной. Отнюдь не одна советская историография – лживая историография. Когда это касается России, ее истории, когда это касается русской эмиграции, когда это касается антикоммунистов, врагов коммунизма, – история искажается и на Западе. Искажается врагами не коммунизма, а исторической, вечной России.

Вот поэтому – да и не только поэтому, а собственно ради самой правды – нужно собирать все материалы, относящиеся к истории эмиграции, в которых звучит слово правды, пусть и враждебное врагам России.

Происходящее сейчас в США, перекидывающееся и в другие страны, на нынешнем политическом жаргоне названное „охотой за коллаборантами“, по сути своей являющееся „охотой за ведьмами“, касается отнюдь не одной русской эмиграции – касается эмигрантов-антикоммунистов всех национальностей: в первую очередь прибалтийцев – латышей, литовцев, эстонцев, а также украинцев, и всех других.

Может быть, как никогда раньше, необходим сейчас общий фронт противостояния врагу нашему общему – КГБ и его здешним приспешникам, подлинным коллабо-

рантам, коллаборирующим с врагом русского народа, с врагом американского народа, с врагом всех народов мира.

Может быть, больше, чем все другие, добрый пример единения перед лицом общего врага показывают наши братья эстонцы, их организации.

Земной поклон им от всех нас, на кого нацелился общий наш враг.

НАШИ ВЕСТИ

**Издание Союза Чинов Русского Корпуса
Журнал основан полковником А. И. Рогожиным**

**Редактор Н. Н. Протопопов
Казначей А. А. Пустовойтенко**

**Журнал выходит ежеквартально
Подписка на 1 год 12 ам. долларов**

Подписку направлять по адресу:

**NASHI VESTI,
P. O. Box 5741,
Presidio of Monterey, CA 93940, USA**

Н. К у с а к о в

Откуда эта догма?

(ФИЛОСОФСКИЙ ОЧЕРК)

Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу.

Кол. 2,8.

Речь идет о догме революционной демократии, формирующей мировоззрение нашей современности. Эта догма преподается во всех учебных заведениях, подобно тому, как в России преподавался Закон Божий, и если человек не знает этой догмы, если он к ней относится критически и полемически, если он придерживается иных взглядов, он оценивается как ретроград, как чужак и дикарь, или же как враг народа. Последнее, правда, не везде, слава Богу. На этой догме, на этой доктрине, на этом учении построены все демократические республики, республики социалистические и конституционно-монархические. Единодушное признание ими всеми единой общей догмы, есть причина нелепого сосуществования двух лагерей, из которых один обещает и готовится похоронить другой, на что этот другой, отвечает приятной улыбкой, сдавая одну позицию за другой.

Элементарное знание истории говорит, что республиканское устройство народной и государственной жизни не присуще человеческому обществу. Оно является результатом организационной деятельности каких-то групп, то искавших удовлетворения своих корыстных интересов, то убедивших себя в том, что демократическая форма устройства жизни общества и государства является той единственной формой, в которой люди могут найти желанное благо в жизни, то просто из подражания классицизму Рима (республика) или Греции (Афинская демократия). Но откуда же сама догма?

Республиканские и демократические формы не были нигде результатом естественно слагавшихся отношений между людьми. За этими формами везде стоит чье-то решение, постановление, чья-то воля, сперва побуждающая, затем организующая и наконец принуждающая и, в конце концов, выдаваемая за волю всего народа. За исключением, быть может, Швейцарии в 1291 г., да отчасти Английских колоний в Северной Америке в 1776 г., все демократии, то есть власть, принадлежащая группам, ее основывающим, учреждалась насильственно. Все они должны были перешагнуть через залитый кровью порог плахи, виселицы, гильотины или расстрелов и концлагерей, учреждавшихся по той причине, что тюрьмы в стране оказывались не в состоянии вместить всех несогласных с новой властью и потому подлежащих подавлению или уничтожению. Так было в Англии при Кромвеле, так было во Франции при Дантоне и Робеспьере, так – на Русской земле с тех пор, как там большевики насильственно учредили власть социалистической демократии.

Карл Маркс не ошибся, когда заметил, что насилие является повивальной бабкой при рождении каждого нового общественного устройства. Он и сам тянулся к власти, сам готов был пролить кровь в Германии ради целей, выставленных в его Коммунистическом Манифесте, но тогда Россия издала погрозила пальцем и революция 1848 года ограничилась эмансипацией,

совершившейся без участия марксовского террора. За это Маркс Россию и возненавидел до смерти. Но агентура революции продолжала свою подкопную работу и привела ко всемирному торжеству низвержения монархии. Всемирная революция сегодня есть свершившийся факт. Но...

Вопреки восторгам от победы республиканско-демократического строя во всем мире, **вопреки** писаниям орденосных, орденопросных или просто очень хорошо оплачиваемых панегиристов и **вопреки** многодесятилетней, а местами более, чем двухсотлетней привычке к власти демократии, **пристальный взор**, не только вперенный в сцену, но проникающий и за кулисы театра исторических событий, **устанавливает**, что в сломе монархии с ее иерархическим устройением общественной и государственной жизни, в переходе к власти народных избранников, т. е. в демократическом переустройстве общества, нигде, никогда, никакой надобности не было и что если и была болезнь, то революционная демократия лекарством от нее не оказалась. Зло, в котором мир лежит по слову Апостола (I Ин. 5,19), как было до революции, так и после нее осталось, только хуже стало, лишь люди поменялись местами.

Все полезное, что было человечеством добыто после того, как началась Всемирная революция, то есть с XVII века (Англия, 1647-49 и 1688 гг.), было бы человечеством добыто без революции. Не будь у вожаков революционного императива, человечество обошлось бы и без целого ряда войн (одни Наполеоновские войны чего стоят! А ведь они несли свободу, равенство и братство французской революции), на земле не было бы тех разрушений и не было бы тех потоков крови, что пролились ради победы революции, не было бы и тени той бледной голодной смерти, которая уносила миллионы жизней и поселяла разруху, горе, отчаяние и неизбывную муку в странах, подвергшихся революции, хотя для некоторых она казалась выходом из бедствий в эпоху счастья.

Больше того. Там, где догма революционной демокра-

тии проводится с особенным упорством, при неуклонном стремлении любой ценой и невзирая на жертвы, создать искусственно измышленные формы жизни в условиях так называемого социализма и коммунизма, там – то есть в России и других странах, завоеванных большевизмом – вся жизнь оказалась на наклонной плоскости в сторону к полной экономической разрухе. Не случайно ведь бывшая житница Европы теперь побирается по всему свету, ища, – кто бы снабдил ее зерном хотя бы до следующего урожая. Нищета духовная и физическая, душевная опустошенность в народе вызвали невероятный до ужаса рост алкоголизма, а насильственный отрыв современности от исторических путей страны и народа, при жесточайшей цензуре правящей политической партии, ведут к культурной и нравственной деградации.

В это время весь революционно-демократический мир стоит, молча наблюдая „смелый эксперимент коммунизма“, где подопытным кроликом оказался русский народ, и не хочет видеть того, что когда революционно-демократическая идея марксистского коммунизма окончательно потянет Россию в бездну болота коммунистической гибели, – тогда за нею неминуемо последует весь мир. И спасения не будет.

Произойдет ли после этого когда-нибудь возрождение человечества к своему достоинству? Будет ли возможно возрождение? Найдутся ли для него силы, сегодня скрытые в потенциале? То ведает Господь.

И вот, мы „дети страшных лет России“, оставшись на этом свете в полном одиночестве, угнетаемые бытом, брошенные в среду, которая восхищается „великим русским экспериментом“ и дивясь ему, в восторге восклицает: „Кто подобен зверю сему и кто может с ним сразиться?“ (Апок. 13,4), мы все ищем средства, хотя бы единое слово, которое могло бы опрокинуть зло, разлившееся по лицу мира, могло бы остановить страшное шествие и предотвратить низвержение всего человечества в страшную глубину Гадаринского озера (сравн. Мр. 5,1 и

13), ищем в истории ту точку в событиях, на которой общественная мысль была сбита с толку.

Сколько по этому поводу сказано, сколько написано, – известно без того, чтобы здесь было нужно повторять, но тем не менее сказано не все.

Много говорилось для разоблачения злодейства революции в России, но все эти речи натолкнулись на толстую кожу Западного мира. Вместо того, чтобы поддерживать русский народ в его борьбе за принадлежащие ему права, за свободу и за достоинство человека, революционно-демократический Запад объединился с революционными властями и, высмеивая неуклюжесть русского человека в деле устройства демократической жизни, занимается тем, что указывает, что де, мол, Ленин неправильно понял Маркса и что Сталин культом личности искажил учение Ленина. Иные философы стали искать других выходов из общечеловеческой неразберихи. Стали изобретать новые „измы“. Позитивизм! Экзистенциализм!.. Нашелся „мудрец“, занявшийся изучением русского языка, для того, чтобы „читать Маркса в подлиннике, и обнаружить истинную правду марксизма“.

Более серьезные обратились к предшествующим поколениям. Стали разыскивать связь между социализмом и социал-утопизмом, добрались до „Просвещения“ и обратились к поискам в наследовании идей „Просвещения“, дескать, – верно ли Маркс понял Руссо? Не ошибся ли Ленин, читая Монтескье?.. и не нашли ничего. Разве только то, что, мол, „русские исказили Руссо и допустили искажение принципов конституционализма, введя однопартийную систему, вместо истинного плюрализма“.

И никому, – сколько приходится наблюдать, – не пришло в голову проверить самое „Просвещение“. Не нашлось никого, кто решился бы поднять архивную пыль лет на полтора, а то и двести, вглубь истории, вглубь уже не вчерашнего дня, а... позавчерашнего. Не лежит ли ошибка в поколении, предшествующем „Просвещению“?

Одному человеку случилось сделать именно это, и перед ним открылась картина, необыкновенно ясно обли-

чающая некую малозаметную и тут вовсе незамеченную подробность, указавшую на трагический недосмотр западно-европейской философии, – недосмотр, из которого возникла кровавая неразбериха, в судорогах которой корчится современный нам мир. Кризисы. Войны. Революции. Диктаторы. Атомный страх.

*

Не может быть удара грома, если прежде не сверкнет молния. Нет такого человеческого дела, которому не предшествовала бы мысль, породившая намерение. Так и Всемирная революция. Она не сама собой явилась на арене всемирной истории и не в силу исторических законов, якобы правящих судьбами человечества. Делали ее люди и была она вызвана мыслью, мировоззрением какой-то группы и ее интересами. Вслед за тем это мировоззрение проникало в более широкие слои и в него люди поверили. Оно приобрело силу догмы, – догмы последовательно ведущей к возникновению категорического интеллектуального императива. Это было время всеобщего признания незыблемости того, что написано в „Энциклопедии“, того, что обозначено общим термином „Просвещение“. Императив интеллектуальный повел к императиву физическому – к террору революции. Это мы видим в течении последних трехсот лет. Императив был исполнен.

Долго считалось, что догма революционной демократии зародилась в тех интеллектуальных настроениях „Просвещения“ откуда вышла знаменитая „Энциклопедия“, однако, распутывая цепь звено за звеном, мы убеждаемся, что в таком представлении лежит ошибка. Само „Просвещение“ надо уметь видеть не как цветение будущего плода, а как плод предшествовавшего цветения. Где же цветение?

Рождение революционно-демократической догмы следует относить лет на 200 раньше, чем зародилась идея „Просвещения“, к XVII веку, то есть к 1500-1600 годам,

ибо здесь произошла смена вех, породившая „Просвещение“, здесь произошел раскол в общественном мировоззрении Западной Европы, здесь революция нашла положительные ценности, давшие ей силу овладеть интеллектуальной жизнью мира и толкнуть его на совершение Всемирной революции, на низвержение монархического строя и на учреждение строя демократического.

Как же это произошло?

XVI век ознаменовался грандиозным событием победы Реформации и тем самым поражением Римского католицизма. Еще в XI веке Римские папы, оторвавшись от Вселенского единства Церкви, стали терять свою силу, теперь же они оказались не в силах воспротивиться протесту, а с победой протеста, они потеряли авторитет. Их не стали слушаться. Если до тех пор мыслить и поучать с университетской кафедры вне и помимо папского согласия имели смелость только магометане (Аверроэс) и евреи (Маймонид), теперь целый ряд мыслителей христианского лагеря сочли себя в праве и в силах не обращать внимания ни на Римского папу, ни на Библию.

Каждый теперь стал думать по-своему и, как это говорится у св. Апостола Петра, перестали „иметь Бога в разуме“ (Рим. 1,28). На сцене истории философии в Западной Европе появилось свободомыслие, а сама жизнь Европы в ту эпоху оказалась в невероятном смятении. Люди забывают о вере и оборачиваются к знанию, не будучи при этом в состоянии, да и не заботясь о том, чтобы ответить на вопрос: подлинным ли знанием является то, что они знают и узнают, или же они бродят с завязанными глазами среди призраков предположений, вероятностей и догадок, от которых правда находится еще очень далеко.

Тем не менее самоуверенность заняла прочные позиции.

Только что отгремела эпоха Великих Открытий. Компас. Порох. Книгопечатание. Поразительные повести о преклечениях Марко Поло. Вращение земли вокруг солнца. Открытие Америки. Смысл и значение круга крово-

обращения. Открытие М. Сервета и В. Гарвея нанесло по интеллектуальному миру европейца не меньший удар, чем открытия Галилея и Коперника. Было от чего zakружиться голове!

И все это происходило в обстановке страшного кризиса западного христианства. Реформация в церкви. Появление инквизиции. Тяжбы между папами и королями по вопросу – кто главнее? И все более и более настоятельно ощущалось требование знания и ослабление веры.

Склонность обращаться к доводам разума вместо того, чтобы возвышаться к духовным созерцаниям, проявлялась на Западе много раньше. Это она послужила причиной событий, поведших к прискорбнейшему потрясению 16 июня 1054 года. С тех же пор, как Запад оказался в полном отрыве от Востока с его высокой духовной культурой, за века духовного одиночества, эта склонность развилась до чрезвычайности и овладела мышлением римско-католического мира. В результате, последние схоласты, Декарт (1596-1656) и Паскаль (1623-1662) уже выступают, не имея той целостной устремленности к созерцанию Божественной Истины, что была свойственна их дальним предшественникам, коими были св. Ансельм Кентерберийский (1033-1109) или св. Фома Аквинат (1225-1274). Повидимому, окружающая обстановка требовала от них иного способа выражений их религиозного чувства. Их вера непоколебима, но рассуждают они, как бы со стороны. как бы пытаясь доглядеть Бога посредством рассуждений разума, а не через веру. Можно так же думать, что таков был дидактический прием благочестивого рационализма.

На смену схоластицизма история философии западного христианского мира открывает эпоху рационализма. Разум! В это время наблюдается так же упадок религиозного вдохновения, упадок веры и, с повышением образовательного ценза общественной мысли, явившимся результатом деятельности университетов, – стремление мысли к тому, чтобы всякое знание основывалось либо на

опыте, либо на данных, выдерживающих диалектическую проверку.

Само слово „рационализм“ применительно к философии связывается с именем Рене Декарта (в латинском написании – Картезий) и метод рационализма становится общепринятым мерилom философского мышления.

Рационализм не отвергал богооткровенных истин, однако, подходил к ним со стороны их резонности, возможности объяснить их разумом и в предметах религии отказывался принимать во внимание то, что доказано быть не может. Так разум, как в философии, так и в вопросах религиозных, оказался высшим авторитетом... а веру заперли в храмах без права выхода в мир. На плечах рационализма пришел скепсис.

Скепсис отрицает все! Он все берет на проверку, и Декарт, становясь на сторону своего противника, идет с ним по пути скептического отрицания всего, что дает мир человеческой души. Декарт приходит к необходимости отвергнуть всякую интеллектуальную ценность, отрицать и свой собственный разум, свое собственное мышление. Это ставит его перед неумолимым противоречием: самый акт сомнения, являясь актом мышления, утверждает невозможность отрицать его. Мы оказываемся перед реальностью, отрицать которую нет никакой возможности.

- Я мыслю, следовательно, а есмь: *Cogito ergo sum*.

Скепсис оказался опровергнут, разбит. Я мыслю. Я есмь.

Отсюда следовало крайне существенное последствие, – суждение о врожденности человеку его мышления, о единственности физического бытия человека и его бытия интеллектуального и тем самым о его способности к мышлению творческому. Это значит, что человек, „Я“, рождается, вступает в жизнь, располагая способностью порождать силой своего вдохновения идею, мысль, которой до тех пор не было, которая до тех пор не имела бытия. Человек мыслит.

Таким образом, рационализм Декарта свидетельствовал

о бытии духовной сущности человека, о бытии вечной человеческой души, чуждой всего плотского, и тем самым о бессмертии человеческой души, предугавленной к вечно-блаженной жизни, как образа и подобия Божия. Этих штрихов достаточно, чтобы иметь общее представление о рационализме Декарта и видеть, что с точки зрения антропологии, человек по мировоззрению этого мыслителя. был человеком христианской, евангельской культуры. Мысля о человеке, Декарт мог, как бы вместе с М. Ю. Лермонтовым, сказать: „В небесах я вижу Бога“.

*

Здесь нам будет необходимо чуть-чуть отклониться от основной нити нашего изложения, чтобы обратить внимание на одно явление в жизни человечества. Если не дать себе в нем отчет, то дальнейшее течение событий истории останется как бы во мраке и понять его смысл будет едва ли возможно.

Дело вот в чем.

Вся философия, известная человеку испокон веков, разделяется на два течения. Это не есть вопрос мнения. Так было.

Одно, – верой признающее бытие Бога Творца, сотворенность мира, отсюда сотворенность человека и одаренность его образом и подобием Божиим, предугавленного для вечно-блаженной жизни и имеющего цель эту жизнь обрести по своей физической смерти;

и другое – неверием, исходящим из признания небытия Бога, извечность материи и ее несотворенность и ее способность к творческой деятельности, включая сюда создание ею вещей и условий, в которых она, т. е. материя, из действующего превращается в действующее, из объекта превращается в субъект, чем оправдывается идея о самосотворенности человека. Человек же являет себя, как единственное в мире живое существо, мыслящее, самостоятельное и имеющее силу господствовать над при-

родой, созданием которой он, т. е. человек, является, и имеющее свободную волю действовать этой силой.

Первое течение философии, по слову св. Апостола Павла, определяется, как „имеющее Бога в разуме“ (Рим. 1,28.). Второе – Бога в разуме не имеет и считает человека высочайшим существом в мире.

При этом следует заметить, что в пределах первого течения философской мысли (философия веры) возможны, как о том свидетельствует история, разнообразные мнения, вызывающие подчас споры и разъединения, однако, по мере отсеивания противоречий внутри той или иной точки зрения, именуемых отклонениями от истины и ересями, и обращением к исходному, все споры умолкают и является абсолютное единство веры во Единого Бога, Отца, Вседержителя и Творца мира.

В процессе отсеивания противоречий отпадают языческие понятия пантеизма, политеизма и тварепоклонения и ум оказывается перед лицом Бога Библии. Гегель и ему подобные делали все, что было в их силах, чтобы выдумать бога, которого нет. Трезво глядя на вещи, приходится согласиться с немецким философом-атеистом Людвигом Фейербахом, который, выступая против идеализмов Канта, Гегеля, Шеллинга и др., сказал, ясно поставив вопрос, как говорится по-русски „на попа“: „Если Бог есть, то это может быть, должен быть и есть только Бог Библии. Другого нет и быть не может“.

Итак, мы наблюдаем два философских течения: философию веры и философию неверия. Между ними мира быть не может, ибо первая исповедует, как высочайшую ценность, дух смирения, а вторая – дух абсолютной гордости, известный как дух Прометея или же как дух сатаны.

При всем этом, вот что многими упускается из вида:

Хотя и принято думать, что вся философская мысль устремлена в поднебесную высь, в проблемы бытия, становления, движения, возможности или невозможности противоречий, и что в этом заключена вся функция философской мысли, на самом деле она, эта мысль, всегда,

непрерывно и необходимо связана с представлениями о человеке, и эти представления являются логическим выводом из первоначального верования или неверия. Из этого вытекает и понятие о должностовании, перед которым стоит человек, т. е. отсюда следуют выводы в область нравственности.

Если..., то. Если..., то.

Эта связь непрерывна и неизбежна, и беда, если она не рассмотрена, не приведена к надлежащей гармонии и оставлена в пренебрежении. Если Бог есть, то и человек таков, как его знает Библия, значит таков его и долг в жизни, – если нет, то человек есть плоть, никакого долга не имеющая, чуждая духа и со смертью теряющая бытие. Тогда он самовластно воспринимает долг – овладеть природой.

Но вот, в нашей человеческой истории получилась ошибка. Понятие об этой связи как-то утерялось и общественная мысль приняла нравственный закон, предназначенный для человека плоти, мня себя стоящей в культуре человека веры и духа. Вокруг этого недоразумения и протекает страшная борьба, в водовороте которой оказалось наше поколение, потому что из-за недоразумения по миру разлилась ложь.

Вот я пишу и молю Бога, не даст ли Он, чтобы капелька правды, с которою мы обращаемся к современности, попав в море лжи, в которое погружен весь мир, в этом море не растворилась, но соединилась бы с подобными себе, чтобы где-то, когда-то, вопреки всему, что происходит перед нашими глазами, мир Богом созданный и Бога забывший, все-таки пришел к тому, чтобы... „Жить не по лжи“, как сказал А. И. Солженицын. Хорошо так сказал он.

*

Жизнь, между тем, шла своим неумолимым путем и вся „суета сует“ (Эккл. 1,2) предъявляла свои вопросы. Зло мира, в котором лежит наша жизнь (1 Ин. 5,19) ломи-

лось в окна и двери. Там были религиозные споры, там интересы торговли и промышленности, там проблемы недоразумений между королями и капиталом, или же между папами и королями, и беспокойная человеческая мысль не медлила давать ответы, не всегда толком продумав то, о чем надо было отвечать.

Накапливались так же новые главы в книге знания мира, усиливалось влияние гуманизма. Приходило новое. Старое приходилось сдавать в архив, и вот...

Современник Декарта, Франциск Бэкон, барон Веруламский, премьер-министр Англии, прославленный философ, кончивший свои дни в тюрьме, куда попал за взяточничество (Фр. Бэкон, 1561-1626), научно, компетентным языком, потребовал полного и глубочайшего пересмотра всего, что представляло тогдашнее знание, тогдашняя наука. Выступая со своим капитальным сочинением, „Новум органум“, он поставил себя как бы вторым Аристотелем (против Аристотелева „Органон“) и заявил, что его, то есть Бэконово, учение кладет законное окончание всем ошибкам и дает им полное объяснение, – омнибус эррорис финис эт терминус легитимус.

В основу всякого знания Бэкон положил не Божественное откровение, как делали схоласты, не разум с его извивами мышления, как делал Декарт, а ни что иное, как чувственный опыт. Философскому течению, начатому Бэконом, присвоено наименование **эмпиризма**.

Это слово исходит от греческого „перикос“, что значит опыт, а не от греческого же „эмпирида“, которое понималось как поднебесное обиталище богов. Отсюда недоразумение. О философии эмпиризма многие думали, как о философии возвышенной и „носящейся в эмпириях“, тогда как она наоборот, связывала мысль в тенетах чувственного мира и отвергала все возвышенное, все надземное, все святое. Марксистская философия причисляет Бэкона к материалистам и к его учению относится с большим уважением.

Фр. Бэкон был не столько прародителем мысли, высказанной в его сочинении, сколько выразителем мысли мно-

гих господ, концами пальцев коснувшихся того, что мы сейчас называем наукой. Высказанная им мысль была принята, и в этом смысле, т. е. в смысле эмпиризма, отразилась на вопросах политической морали. Послышались другие голоса. Томас Гоббс (1588-1679) выступил с сочинением, которое назвал именем страшного библейского чудища Левиафана (Иова 40,20; Псал. 73,20). Это был государственно-политический трактат, в котором оказались затронуты обострившиеся к тому времени вопросы государственных и политических взаимоотношений между властью и подданными. Гоббс написал свой трактат, как монархист и сторонник абсолютизма. Он обожествил государство и этим коснулся большого места: вопроса об исхождении власти, о взаимоотношениях между правом монарха во власти над подданными, степенью их подчиненности и их индивидуальным правом. В связи с этим были затронуты так же и вопросы различия между подданством и гражданством индивидуума человеческой личности и пр. Эти вопросы действительно беспокоили общественную мысль Англии, помнившей с 1215 года Великую Хартию Вольностей.

Между тем в Англии разразилась революция. Около 1647 года возникли трения между королем и парламентом. Причины лежали в религиозных вопросах, в трениях между римским католицизмом (папством), англиканством и некоторыми другими видами протестантизма, возникшими после 1517 года, и за кулисами этих событий не без труда можно было обнаружить интриги капитала, которому королевская власть не давала достаточной свободы для наживы. Борьба между королем и парламентом обострялась и привела к разрыву.

Парламент выражал интересы капитала и обвинял короля в абсолютизме, король же считал себя ответственным не перед парламентом, а перед Богом. Возникла борьба, перешедшая в открытые военные действия. У парламента были деньги, у короля их не было. Он пытался обратиться за помощью к родственникам во Франции, но путь в Париж для него лежал через Шотлан-

дию. Шотландцы его схватили и выдали в руки парламента и кончилось тем, что волею Оливера Кромвелля (1599-1658), руководившего всей революционной деятельностью, король был приговорен к смерти и обезглавлен на плахе 30 января 1649 года.

Кромвеллевцы подняли гонения на Церковь. Разгоняли монастыри и оскверняли храмы. Празднование Рождества было запрещено под тем предлогом, что люди чрезмерно пьянствовали и бесчинствовали в праздничные дни. В Кромвелле явили себя черты, позднее ставшие известными миру под названием „культ личности“. Но вот он умер.

Со смертью Оливера Кромвелля последовал период реставрации при его сыне Ричарде Кромвелле и при малолетнем короле Чарльзе II. Общественная мысль Англии оказалась в растерянности. Появлялись труды монархической мысли, появлялись так же и революционные, но революция не имела никакой позитивной философской основы. Она основывалась на негативе недовольства народа абсолютизмом королевской власти. Дух вольности, дух свободы, в свое время приведший к Великой Хартии Вольности, был не только жив, но и располагал в Англии достаточной силой и в стране царила свобода мысли.

Тогда на сцене появилась книга сэра Роберта Фильмера, озаглавленная кратко: „Патриарх“. В ней Фильмер утверждал законность и незыблемость королевской власти, как власти Божией Милостью, и в ответ ему вскоре же появилось сочинение под заглавием „**Два трактата о правительстве**“ (Two Treatises of Government).

Первый трактат содержал уничтожающую критику труда Р. Фильмера и основных принципов монархии, второй же точно и всесторонне представлял разработку основы демократического строения государства. Здесь содержался желаемый для революции позитив революционно-демократической догмы.

Период реставрации при Чарльзе II был по-прежнему связан с волнениями, которые окончательно улеглись

лишь в 1688 году, с воцарением Вильгельма Оранского. Тут совершилась, как ее называют, „Великолепная революция“ (Glorious Revolution), установившая в Англии конституционную монархию.

Тогда выяснилось, что „Два трактата о правительстве“ сыграли более, чем значительную роль в политической жизни и что это сочинение не было лишь выражением частного мнения, но представляло собою доктринарный документ, послуживший своего рода директивой, основанием, философской базой, „blue-print“, для устройства республики, номинально возглавляемой королем. Когда революция победила, автор „Двух трактатов“ перестал утаивать свое имя. Теперь трусить было не нужно, и оказалось, что „Два трактата“ написал Джон Локк, (John Locke, 1632-1704), с именем которого этот труд и вошел в историю нашей цивилизации.

С точки зрения пишущего эти строки, значение труда английского мыслителя Дж. Локка до сих пор не оценено по достоинству того глубокого влияния, которое он оказал на общественную мысль всего мира. Французский историк М. Гизо в первых же строках своей „Истории Английской революции“ пишет, что „она имела успех дважды: в Англии, в первом поколении она учредила конституционную монархию и в Америке, во втором, – Республику Соединенных Штатов“. Но значение влияния Локка простирается далеко за пределы мира, говорящего по-английски. Английские историки называют Локка всемирным гением, мысль которого содействовала смене основных политико-философских положений, общепринятых во всем человечестве. Из частной политической ситуации, сложившейся в Англии в его время, Локк извлек утверждение принципов, получивших догматическое признание и полагаемых теперь в основание государственного домостроения во всех странах мира. Утверждение это изложено в „Двух трактатах“. Это и есть краеугольный камень революционно-демократической доктрины. Отсюда она и происходит. Не от „Просвещения“.

Книга Джона Локка „Два трактата о правительстве“ за-

служивает специального описания и тщательного изучения, как документ истории революций. Приведем ее краткую аннотацию.

Дж. Локк – совершенный материалист. Так, с полным основанием, его характеризует советская философия. Он являет себя почитателем закона природы (Natural law), исходя из которого он считает естественным для человека быть совершенно **свободным** и находиться в состоянии абсолютного **равенства** со всеми прочими людьми, включая (после определенного возраста) и родителей. Таким образом устраняется сила отцовской власти (Patria potestad) и утверждается всеобщее **братство**.

Локк приводит суждения, бесповоротно низвергающие Священное Право Монарха Божией Молостью. Политическую власть он понимает, как право властителя на жизнь и на смерть каждого гражданина, при том, однако, условии, что сила политической власти исходит от общины, и что власть эта действует в полном согласии с последнею, то есть – законодатель имеет право создавать законы, только вполне согласные с волей народа. Таким образом, власть монарха, как властителя, стоящего выше народа, квалифицируется, как незаконная и, в том случае, если властитель проявит себя, как сила, идущая вопреки воле народа, последний, по учению Дж. Локка, оказывается в праве этого властителя, то есть монарха, свергнуть, а буде он проявит сопротивление, – убить его.

Исходя из принципа свободы, Локк проводит резкую границу между политической свободой в пределах подчинения правительству, в свою очередь не смеющему вступать на путь произвола, и свободой естественной, где человек ограничен законами природы. Что же касается отношения человека к Истине и ко всему, что относится к области нравственного закона, то этот предмет Локк совершенно исключает из области общественной жизни, оставляя право на искание Истины и всех указаний нравственного закона исключительно в области частной жизни человека. Тем самым Локк устраняет из общественной и государственной жизни всякую заботу о том,

чтобы „иметь Бога в разуме“, оставляя ее на произвол всех вытекающих отсюда последствий, о которых говорит Св. Писание.

До Дж. Локка никто с такой ясностью этих принципов, легших в основание списка демократических свобод, никогда не касался. Никто не дал такого ясного решения, какое находим у него в „Двух трактатах“. Он вдохновил революцию позитивным началом, раскрыв ее происхождение из жизни, как она видится при веровании в Закон Природы.

Заслуживает большого внимания одно обстоятельство. Книга написана Локком совершенно вне истории, вне отношения к Англии с какой бы то ни было позиции, или же к какой-либо иной стране. Здесь чистая абстрактная политическая философия, в которой личным интересам (национальным, классовым и пр.) не дано ни пяди пространства. Как пишет профессор истории Кэмбриджского университета, комментируя „Два трактата“, – „Ни Маккиавелли, ни Гоббсу, ни Руссо не удалось обсуждать вопросы политики абсолютно независимо от исторических примеров, говорить о них чисто теоретически, совершенно отвлеченно... и тем не менее творение Локка отражается на практике политической жизни в гораздо бóльшей мере, чем это относится к кому либо из названных мыслителей“. (Проф. П. Ласлетт в предисловных комментариях к „Двум трактатам“ Дж. Локка).

Итак, видим, что „Два трактата о правительстве“, что атмосфера, породившая это сочинение, были корнем, из которого произросла догма революционной демократии. Здесь канва рволюционно-демократического представления о монархии, об обществе (о государстве), о власти и проч., как то вытекает из идеи о человеческой свободе, понимаемой с точки зрения того, что Локк называет естественным законом. На этом корне строили свои понятия мыслители „Просвещения“ и творцы всех конституций – от Конституции США до последней Конституции СССР. Здесь канва, по которой разные „благодетели“ общества делали свои узоры, – иногда более или менее

удачные, чаще же такие, что принесли с собою град и осколки развалин, дым и огонь, бесконечные потоки крови и слез.

Из-за революционных событий в Англии (1647-1688) Локк скрывал свое авторство. Скрывал он его и в связи с целым рядом других обстоятельств, о которых здесь нет надобности говорить подробно (побег Локка из Англии в Голландию во время реставрации, его связи с революционными кругами, его косвенное участие в самоубийстве политических противников). Уже только после торжества революции 1688 года стало известным, что он автор „Двух трактатов“. Поэтому, сложилось общее представление, что „Два трактата“ являются философским трудом, чисто теоретически анализирующим революционные события. Полагали, что наблюдая революционные события, протекавшие у него перед глазами, Локк, путем гениального прозрения, сумел в частном случае Английской революции, ясно усмотреть явления общечеловеческие; гениально раскрыл природу вещей, ведущих к революции, усмотрел идею о свободе, равенстве и братстве, о правах человека и о полном отрицании права на власть монарха Божией Милостью. Думали, что именно гениальность Локка была причиной тому, что его идеи не замкнулись в Англии, но оказались приняты повсеместно. Однако, недавнее библиографическое открытие профессора П. Ласлетта обнаружило, что „Два трактата“ были написаны до революции и послужили своего рода планом действий для ее блестящего завершения в 1688 году.

Взяв за исходную позицию естественный закон (Natural law), Локк сумел так тщательно вникнуть в природу человека и общественных и государственных взаимоотношений, так удачно удачно сочетать эгоизм государства с эгоизмом индивидуума, что с принятием указаний Локка такие вопросы, как проблема об исхождении власти, как положение подданного или гражданина оказались вполне выясненными. В плане философии Локка, как думали, осуществлялась великая антропологическая идея, говорящая, что:

Все люди созданы и рождаются свободными и равными между собою;

Всем им свойственно неотъемлемое право на жизнь, на свободу и на действие, в котором они ищут свое благополучие;

Поэтому государственная власть исходит от народа и должна осуществляться в интересах народа и с его согласия, выражаемого через выборное представительство;

Народ имеет право низвергнуть правительство, буде оно станет настаивать на своей воле вопреки воле народа;

Вопросы нравственного закона, т. е. предмет религиозной жизни народа, решаются самостоятельно каждым отдельным гражданином в соответствии с решениями его совести.

Эти идеи и оказались восприняты догматически. Они легли в основу всех событий Всемирной революции. Они написаны на знаменах прогрессивного человечества всего мира. Всякого, кто в наше время позволит себе сомневаться в этих истинах, квалифицируют как ум, связанный треногой глубочайшего обскурантизма и упрямства и неспособный идти в ногу со временем, как ум, погрязший в болоте своих корыстных интересов... Или просто за дикаря сочтут.

Резюмируется вся эта программа революционно-демократической догмы в одном простом и близком каждому сердцу слове: **свобода**.

Если вникнуть в обстановку жизни в конце XVIII и в начале XIX веков, когда идея свободы уже приобрела полную силу, если к тому же учесть идеи социал-утопистов (Сен-Симон, Р. Оуэн, Фурье) и если не проходить мимо условий жизни, создавшихся в результате промышленной революции в Западной Европе, то можно почувствовать, что все социальные учения, самым радикальным из которых является марксизм, возникли прежде всего как план действий, направленных к тому, чтобы наконец, после *omnibus egoris*, как сказал бы Бэкон, обеспечить богине свободы, подобающее ей место и дать ей полную власть в жизни людей.

Можно спорить с авторами каждого социального учения. Можно не соглашаться с Прудоном относительно частной собственности, можно спорить с Марксом, верно ли, что весь вопрос решается в зависимости от производственных отношений, но каждый из них всегда будет настаивать на том, что он выдумал самый лучший способ так организовать жизнь общества, чтобы все были свободны.

Свобода!

Учение Джона Локка оказалось тем зерном, из которого произросла Всемирная революция. Ее первый шаг совершился в Англии. Из Англии ее идеи перешли в Америку. Когда Томас Джефферсон писал текст „Декларации Независимости“, известной под датой 4 июля 1776 года, книга с „Двумя трактатами“ была у него перед глазами и некоторые фразы дословно скопированы из „Двух трактатов“ и вписаны в Декларацию. Из Америки идеи Локка прибывают во Францию, чтобы усилить влияние, ими уже оказанное. С „Двух трактатов“ Жан Жак Руссо списывает ведущие идеи и оказывается гениальным творцом „Общественного договора“.

– *Le grand sage Locke!* – восклицает Вольтер.

Из Америки революция переходит во Францию. Маркиз Лафайетт не напрасно учился революционному искусству у Дж. Вашингтона, когда в Америке происходила революция, превратившая Английские Колонии в Соединенные Штаты Северной Америки. Опыт пригодился в Париже.

Память об этом хранится по сей день в Моунт Вернон, где в музее устроенном в усадьбе Дж. Вашингтона, находится ключ от Бастилии при письме Лафайетта к Вашингтону. В письме говорится: „Этот ключ служит символом перенесения в Европу первых зрелых плодов Американских принципов /.../ Нужно ли сомневаться, что Бастилию открыли принципы Америки, и таким образом ключ водворяется туда, где ему быть надлежит“.

В первых строках „Двух трактатов“ Локк пишет: „Человек рождается свободным“. Жан Жак Руссо с этих слов

начинает свой „Общественный договор“. В общем оказывается, что французская революция, этот маяк „вольности и прав“, родилась не во Франции, а в Англии. Не станем заниматься прослеживанием пути, которым революция шла из одной страны в другую. Это дело прошлых лет, прошлых веков.

Идея свободы не могла не быть принятой человечеством. Она слишком близка каждому из нас, каждому человеческому сердцу. Все, что ей противоречит, претит человеку. Нам отвратительно само понятие рабства. Мысль о подчиненности связывается с чувством протеста. Только извращенные натуры не испытывают отвращения, видя тюрьму даже снаружи. Тюрьма гнусна, тогда как свобода вдохновляет и окрыляет человека. Свобода вдохновила итальянских карбонариев, немецких студентов. Она вдохновила Бетховена, Пушкина, она породила Байрона и Гегеля. Это по зову богини-свободы „двадесять языков“ вторглись на русскую землю под знаменами французской революции, это она научила русских „западников“ презирать Россию и она же толкнула декабристов на бунт против Государя и, представьте себе, это никто иной, как она же, научила всех членов Совета Министров, – кроме К. П. Победоносцева, правда, – убеждать Государя Императора подпилить сук, на котором держалась Российская Держава и подписать Манифест 17 октября 1905 года.

Только теперь, после десятилетий исторических и философских розысков удастся узнать о том, что свобода бывает разная. Ниже нам придется на этом еще раз остановиться, а сейчас заметим как бы мимоходом, что человек проводит жизнь под сенью двух законов и должен считаться с каждым из них. Есть закон природы, тот самый, который был взят Локком, как основа его суждений, и есть закон нравственный, с которым Локк считаться не пожелал. Так и свобода. Естественная свобода, то есть свобода от естественного закона, которую имел в виду Локк, неминуемо ведет в физический тупик, в то время как свобода применительно к закону нравственному, отражается на судьбе нарушителя иным обра-

зом, ибо при нарушении закона нравственного, человек сам себя ведет по тропинке бедствий. Может остановиться, может и идти дальше, но уже не к тупику, а прямо в погибель, ибо эта свобода есть не что иное, как своеволие, а это своеволие связано с порочностью, губящей самую эту свободу и самого человека.

В древней Греции, в г. Ефесе, был храм, посвященный богу свободы. Этим богом почитался не кто иной, как Бахус, источник винного веселия. Не удивительно. Пьяному – море по колено. Ему свобода! Он все смеет! Он все может! Храм этот подвергся разрушению в результате проповеди о Христе св. Апостола Иоанна Богослова.

Бахус и в самом деле немало послужил свободе! Возлияния ему делались при первых же выборах в парламент в Англии, без этих возлияний не обошлось ни одно крестьянское восстание в России, ни один бунт, ни одно бесчинство. Об этом наши господа министры не подумали, когда убеждали Государя подписать манифест в 1905 году.

Осталось незамеченным, что открыв дверь свободе своеволия, они открыли каждому индивидууму возможность беспардонно стремиться к удовлетворению своего безграничного эгоизма и ставить свою волю и свою жизнь высшей безусловной ценностью; не заметили того, что свобода своеволия есть сила, противодействующая сплоченности, без которой не может существовать никакое человеческое общество. И там, где нет изнутри исходящих связей, а единение есть необходимость, там приходит насилие, объединяющее снаружи железными обручами неумолимой дисциплины. С этим кончается и свобода.

Хотя этот философский очерк стоит читателю уже немало времени, вопрос, поставленный в заглавии его еще не отвечен. Вот, скажут, ты выяснил, что догма революционной демократии происходит не из чернильницы Руссо, а из чернильницы Локка. Ну, и пусть! Сто лет раньше, сто лет позднее. Какая разница?.. А вот какая.

Творчество Джона Локка дает возможность добраться

до того уровня, где не только видны его выводы в политическую жизнь, – т. е. свобода, равенство, братство и проч., но позволяет досмотреть до той причины, почему автор, т. е. сам Локк, сделал эти выводы. Когда же мы доберемся до этого уровня, мы сможем подвергнуть проверке наши же условия и посмотреть, не делаем ли мы той же ошибки, что делали философы тех времен и особенно философы-эмпиристы.

Локк, как мыслитель, как личность, очень мало знаком русской общественной мысли. В России им никто не интересовался. Все были заняты немцами. Его труд „О человеческом понимании“ (On Human Understanding) был известен специалистам и смысл его ограничивался его антропологическим значением, по которому люди судили о мышлении. „Два трактата“ в России не были известны. Из „Двух трактатов“ только второй был издан по-русски в 1902 году и, разумеется, на образование русской революционной мысли влияния не имел. Похоже, что ни Соловьев, ни Бердяев, ни Трубецкой, ни Булгаков не имели представления о том философском труде английского мыслителя, учение которого определило все течение революционной мысли в Америке и в Западной Европе. Казалось, что Локк в одном труде, т. е. в „Человеческом понимании“, это одно, а Локк в „Двух трактатах“ – это нечто совсем другое. Казалось, что антропология и политика суть вещи настолько разные, что об их сопоставлении и думать нет надобности. Но такая мысль глубоко ошибочна. Увидеть это нам помогло то, что в поле нашего зрения сразу оказались и Локк и Декарт. Почти что современники, представители разных школ, но трактовавшие один и тот же вопрос о человеке. Помните ли, – это самое: „Я мыслю, стало быть я есмь“ и наряду с этим Локковская „Табула раза“, мыслящая только после того, как она воспринимает какие-то впечатления. И вдруг стало ясно, что Локк сочинил свое политическое учение о свободе и о прочем для того человека, которого нет на свете. Нету! Поэтому вопрос попал в такую плоскость, на которой решение невозможно, как невозможно в лесу на удочку поймать карася.

Правда, в ответ на учение Локка „О человеческом понимании“ тогда же появились критические замечания, высказывались другие виды понимания о мышлении, но сопоставить „Понимание“ с „Двумя трактатами“, сколько мне известно, не случилось никому. А дело именно в этом. Дело в том, что в философской мысли есть интеграл, охватывающий треугольник в неперменное единство. **Одна вершина**, или один угол, относится к предмету онтологии, – Есть Бог Творец и Вседержитель, и Судия, имеющий решить твою и мою судьбу на вечность, или Его нет? **Вторая вершина** относится к антропологии, т. е. к вопросу о человеке (опять таки, к нам с тобою, читатель!) – ждет ли нас вечность и что нас ждет в вечности? или ничего не ждет, потому что нас не будет? Принимая, как то говорит Библия и Сократ, и многое другое, что и вечность ждет, и что вечность может быть блаженной, „как не видел того глаз, не слыхало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его“ (1 Кор. 2,9), а может быть хуже Дантова ада. **И третья вершина** относится к политике, слагающейся из нравственного закона, (морали, этики) и взаимоотношений между людьми.

Эти три вершины между собою связаны. Они представляют собою нерушимое единство и всякое искажение понимания одной из них, ведет к тяжким последствиям недоразумений, всегда чреватых бедствиями уже здесь на земле, и к блаженству или муче в вечности.

Выше мы представили человека в том виде, как его знает христианская культура. В таком рассуждении человек по своему физическому бытию подчинен закону природы и, одновременно, по своему бытию духовному, он подчинен закону нравственному, закону морали, этики. Нравственный же закон есть закон долженствования. Он обязывает человека быть не таким, каков он есть, а таким, как то от него требуется по закону нравственности, – каким он должен быть. В этой обязанности лежит идеал долженствования. Пусть идеал этот отстоит далеко и высоко, уже самое шествие к нему оказывается пра-

вильным путем в жизни. Если человек им пренебрегает, тем самым он низвергает этот идеал божественной красоты и оказывается, – как выразился Ф. М. Достоевский, – слугою „идеала равенства, зависти и... пищеварения“.

И вот, когда нам пришлось сравнить человека по Декарту с человеком по Локку, нам стало понятно, почему прекрасная, признанная целым рядом авторитетов, схема демократического строения общества систематически оказывается контр-продуктивной.

Как сказано, Декарт строил свои представления о человеке по понятиям христианской культуры. Локк отвергает это понимание, заменяя его своим, исходящим из философии эмпиризма, т. е. попросту говоря – материализма. Локк основывает свои представления на законе природы и нравственный закон вообще во внимание не принимает. Локковский человек в корне отличается от человека Декартовского, т. е. от человека христианской, библейской культуры. Он рождается, не имея никаких врожденных идей, как это обозначил Локк, – „Табула раза“. Весь его интеллектуальный мир образуется из чувственного опыта. В этот мир он является не как творение Божие, а как естественный продукт природы, и с физической его смертью он быть перестает. Так учил и Эпикур в древности.

Человек христианского мира, как его видел Декарт, все, что имеет, получил от Бога (сравн. 1 Кор. 4,7), тем самым имея обязательство перед Богом и неизбежную ответственность благодарности и разумного пользования полученными дарами (сравн. Рим. 14,10), и светлейшую надежду на обретение вечно-блаженной жизни, радость в которой не поддается описанию человеческим языком. Обретение этой радости и составляет конечную цель жизни человека.

Таким образом, Локковский человек, этот продукт естественного закона, действительно свободен и абсолютно независим. Жизнь его бесцельна, в выборе средств к удовлетворению своих желаний, так же не огра-

нических ни чем, и все, что он в жизни имеет, он берет от жизни „своею собственной рукой“.

Вот откуда явилась идея о полной свободе человека, понятого „по Локку“. Человек же христианской культуры, рожденный по воле Божией с данной ему абсолютной свободой воли и суждения, с самого начала жизни и на каждом шагу каждого дня, понимает, что пользоваться своей свободой он должен не самовольно, а разумно.

„Свобода, – поучает один из великих святых угодников Божиих, признанных во всем христианском мире, – Антоний Великий, – („Добротолюбие“, т. I, стр. 24, п. 30) – нам дана, чтобы мы избирали дела святых и делали их“. И так бережно Господь охраняет свободу, данную Им человеку в самой сути образа и подобия Божия, что когда пришло время преподать роду человеческому через пр. Моисея, закон, тогда Бог не властной рукою Своей изрек его, не стеснил свободу человека, но прежде выслушал от Моисея, а потом и от всего народа, согласие принять Закон и ему подчиниться.

„Если вы будете слушаться гласа Моего,.. то будете у Меня царством священников“ (Исх. 19,5 и 8; и Исх. 24,3). В Библии более пространно. И дважды Господь вопрошает, и дважды народ отвечает утвердительно, обещая исполнять все, что повелит Господь. Итак, **Закон дан по свободной воле человека**. Итак, человек библейской культуры знает, что свобода ему присуща в том смысле, что он свободен выбирать из всего, что есть перед ним, такие желания и такие средства их исполнения, их удовлетворения, которые ведут его к победе, а не к поражению, избирать такие, которые содействовали бы ему в достижении конечной цели его жизни, и не могли бы быть препятствием.

Так мы и видим два человека. Разные люди? Разные. И свобода у них разная, и смешивать эти две свободы нельзя. И грешно, и неразумно.

Не позволим перу увлечь нас в интереснейшую область антропологии. Сознвая себя человеком, носящим честь образа и подобия Божия и не причисляя себя к скотам

бессмысленным, как о том поется в Псалмах (Пс. 48,21), представляем читателю решить самостоятельно, на какой стороне он считает себя. Это решает его собственное сердце и ум. Наше дело здесь, подводя итоги статьи, обратить внимание еще раз на то, что все общественные и государственные выводы из своих суждений Локк начертывал для человека своего эмпирического миропонимания. Отсюда политическая свобода. Отсюда равенство. Отсюда республика. Отсюда революция, как неизбежный долг прямой порядочности. Но должны мы при этом понять и то, что сознавая себя и окружающих нас людей, не марионетками сложных рефлексов органической материи, но разумными существами, имеющими предстать перед судом Божиим, который ждет всех и каждого из нас (Рим. 14,10), мы оказываемся перед императивом смирения, смирения перед Богом и перед всеми, кто в этой жизни является для нас властью по всей иерархической лестнице от отца с матерью в семье и от капрала в армии и сельского старосты до Монарха Божией Милостью в государстве, ибо „нет власти, которая не исходила бы от Бога“ (Рим. 13,1) и которая властвовала бы не по своему желанию, не по хотению властвовать, а по долгу. В знаменитом своем сочинении „О граде Божием“ великий философ христианского мира блаженный Августин (354-430 годы по Р. Х.) пишет так: „...в семействе верных... власть имущие, на самом деле, то есть в действительности, являются слугами тех, над кем они по виду властвуют, ибо правят они не по прихоти, не по амбиции, а по обязанности любвеобильного долга; не по гордости превосходства, но по обогащающему состраданию.“

Отсюда иерархия монархического строя.

При эмпирическом же понимании, в условиях свободы, перед человеком открывается путь **неутолимой гордости и эгоизма**. Человек возмущается, встречая кого бы то ни было, кому он обязан повиноваться, ищет взойти на высшие командные посты и в духе мифического Прометея превозносится выше всякой святости, желая прис-

войти себе, в порядке достижения абсолютной цели, даже и божеские почести.

„Два трактата“ есть практический вывод в политическую жизнь из антропологии философии эмпиризма, философии чувственности и материи. Труд Локка „О человеческом понимании“ есть философская антропология, послужившая тому базой. В антропологии сверкнула молния. В политике грянул гром. Началась всемирная революция. Уберегите эмпирическую антропологию Локка, поставьте на подобающую высоту антропологию христианской культуры и вся политическая догма революционной демократии идет на смарку.

Вот почему все революционеры борются против Церкви, имея намерение уничтожить ее окончательно и бесповоротно. В свете библейского мирозерцания, догма эмпиризма демократии растворяется и идет на смарку.

Но это не было замечено во-время и осталось не понято. Сколько есть людей, ратующих одновременно и за демократию, и за Библию! А ведь, в этом крайнее противоречие.

Вот тут и „проскочил“ недосмотр западно-европейской философии и на этом недосмотре „попалось“ все интеллектуальное течение, называемое „Просвещением“. Именно здесь европейская философия сбилась с пути, **отреклась от нравственного закона**. Думали обойтись одной эмпирикой и оказались кораблем без руля и ветрил.

Свобода привлекательна. Свобода – блаженство человека и к ней все люди призваны (сравн. Гал. 5,13), но вот... свобода не всегда одинакова. Локк предложил свободу очень резонно предназначенную для человека эмпирического, материального, для человека плоти, который пренебрегает Духом Божиим (Быт. 6,3). Если бы человек в своем существе действительно был таким, как его представляет Локк и все его последователи, если бы ему не был присущ животворящий дух образа и подобия Божия, то революционно-демократическая догма, оче-

видно, привела бы ко всеобщему благополучию, как то казалось прекрасномысленным просвещенным утопистам. Но жизнь показала иное.

Никто из западноевропейских мыслителей не вернулся к христианскому пониманию человека, чтобы тем самым опровергнуть материализм и строить быт и жизнь на здоровом основании истины о человеке. Ни рационализм Канта, ни идеализм Гегеля до высоты библейского человека не дошли. Все мышление образованного человека современного мира видит человека глазами Локка, Руссо, Энциклопедистов, Дарвина, Геккеля, Павлова, Гаксли, Фрейда, Сартра, Карла Сагана, Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Черчилля и лорда Бертрана Расселя. Видят люди, что пришли к тому, что Ф. М. Достоевский описал, как бред Раскольникова (в конце романа „Преступление и наказание“), все строят планы как бы избежать атомной катастрофы, и не видно заботы о том, чтобы предотвратить катастрофу, которой Карл Маркс в конце своего Манифеста угрожает всему миру.

„Коммунисты не стесняются откровенно говорить о своих планах и намерениях. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты только через насильственное свержение существующего в настоящее время общественного порядка. Пусть господствующие классы трепещут при мысли о коммунистической революции“. Таковы заключительные слова „Коммунистического Манифеста“. В половине мира эта угроза уже выполнена. Вторая половина – на очереди.

Но прогрессивная мысль революционно-демократического мира мирно спит, наблюдая, как она теряет одну позицию за другою. Никто не думает о том, как бы убрать со сцены всемирной политической жизни ту силу, которая угрожает гибелью и ни у кого нет мысли о том, что где-то в прошлом вкралась трагическая ошибка, и никто не заботится проверить, правильно ли согласованы в демократической догме, в ее доктрине, пути жизни общества и государства и истина бытия человека?

Нет! В какой-то дикой самоуверенности самовлю-

бленной гордости люди, от которых зависят судьбы мира и их собственная жизнь, продолжают придерживаться принципов эмпиризма и стремятся искоренить и самую веру, чтобы люди вообще забыли о своем достоинстве, о вечности и о Боге.

Христианский мир издавна говорил и сейчас продолжает говорить, что есть человек плотский, внешний, и в нас же самих есть человек внутренний, духовный (2 Кор. 4,16), – живущий влечением к Закону Божию, стремясь подавлять влечение человека внешнего к закону плоти (Рим. 7,21-25). Христианский мир утверждает, что истинная свобода обретается лишь в порабощении себя закону духовной жизни. Но вот что произошло, – как все христианство основано на кресте, а крестное слово погибающим есть юродство (1 Кор. 1,18), то культура эмпиризма отвергла истину, говорящую, что человек несет в себе дух, душу и тело (1 Фес. 5,23), отвергла понятие о внутреннем человеке (2 Кор. 4,16), отступила от истины (2 Фес. 2, 2-4) и построила свою политическую доктрину, воспринимая в человеке только плотское начало, списала жизнь души на счет рефлексов, отвергла духовное начало, объявив его не существующим, и с этим погрузила весь мир во мрак неверия. А плоды этого посева пожиная наше поколение.

Если не считать Императорской России до 1917 года, видим, что политика всего мира в течение XX века находится в руках умов, воспринявших философию эмпиризма и с нею подчинивших себя дисциплине „равенства, зависти и... пищеварения“ (Достоевский) и воспринявших предложенную Локком догму революционной демократии. Нашему веку исполнилось 85 лет, идет 86-й. Казалось бы, имея в своих руках всемирную власть, политики-эмпиристы (атеисты, материалисты тож) могли бы учредить порядок. Могли бы, конечно, да они и старались. Старания их, однако, стоили очень дорого.

Подсчитано, что в течение 85 лет нашего века **насильственной смертью погибло сто тридцать пять миллионов человеческих жизней.** Это данная Высшего

Богословско-Философского Училища в г. Фульда, Германия. **Не знаю**, причислены ли сюда тринадцать миллионов крестьянских семейств, загубленных ради успеха сплошной коллективизации, или нет.

Приняв во внимание эту данную, люди, знавшие Русскую Православную Церковь до революции, с ее храмами, монастырями, детскими приютами, с ее нравственно-воспитательной работой в народных массах, с училищами благочестия и благотворительной деятельностью, с ее историческими и культурными ценностями, с ее облагораживающим влиянием на жизнь и быт всего народа, и видящие теперь на этом месте развалины и мерзость запустения с купальным бассейном на месте Храма Христа Спасителя, – этого памятника торжества Православной России над французской революцией, – эти люди не могут не согласиться с теми, кто в нашем времени видят власть тьмы и силу дьявола.

Человеку такое было бы не под силу!

Трехсотлетний опыт революции во всем мире с прокламированным торжеством идеей революционно-демократической догмы, почти семидесятилетний опыт жизни в России, завоеванной большевиками, говорят за себя. Кроваво-печальный опыт революции служит свидетельством тому, что Истине, действительности, отвечает не эмпирическое, материалистическое, а христианское, евангельское понимание человеческой сущности. Последняя победа ему и будет принадлежать. С этим, надеюсь, вопрос, поставленный вначале, отвечен.

Недоразумение, из которого возникла догма революционной демократии, выявлено, а сама догма обличена, как продукт атеизма, атеистического искажения человеческого облика и как продукт лжи.

Поэтому применение этой догмы в жизни и оказывается контрпродуктивным.

И. В. А.

По родным местам...

Предоставилась мне возможность совершить поездку в Советский Союз, где я смог жить и общаться с русскими людьми. Взял я с собою моего десятилетнего сына, которого я всюду водил, рассказывал ему об историческом прошлом нашей отчизны. А прошло ведь уже сорок лет с тех пор, как я покинул родной край.

Я хочу написать о том, что мне удалось увидеть и почувствовать настоящего русского, православного оставшегося после 68-летнего владычества анти-человечной, анти-христианской и анти-русской власти. Этим я хочу поделиться с русскими людьми в „рассеянии сущими“, чтобы они, как и я почувствовали, что несмотря ни на что, русский народ и наша православная вера живы, что русский народ в своем большинстве остался русским, а не превратился в „советский“, не принял чуждую ему советскую идеологию.

Благодаря связям я смог побывать во многих местах, вход куда разрешается далеко не всем. Для безопасности моих друзей и знакомых, я меняю их имена, или же вообще опускаю их, ибо не имена важны, а важны встречи с русскими людьми. С Божьей помощью удалось мне провезти некоторое количество иконок свв. Новомучеников и Исповедников Российских, а также и св.

Блаженной Ксении; кроме того, привез я также службу свв. Новомученикам, молитвословы, Евангелии, Библии и некоторую другую, очень важную для верующих, литературу. Для помощи семье о. Глеба Якунина и других, находящихся в таком же положении, я привез много вещей, которые будут проданы и вырученные деньги пойдут в фонд помощи. Матушка о. Глеба в очень тяжелом душевном состоянии, но слава Богу, она не забыта и не оставлена русскими православными людьми.

Посещение Даниловского монастыря

Приехали мы к Даниловскому монастырю целой группой к двенадцати дня. Несмотря на то, что у Николая, сына маститого священника, имеются связи, страж-монах нас не впустил. Нужно ждать пока наместник монастыря, архимандрит Евлогий, победает, и только с его позволения могут нас впустить в монастырь, а это будет, в лучшем случае, через час.

Нашли справа от главных ворот боковую дверь, а за нею часовню. В ней несколько человек молящихся. Подошел к одному, оказался сторожем. Когда я ему сказал кто я, он с большой радостью стал нам показывать часовню. Я подарил ему иконку св. Ксении и спросил знает ли он о свв. Новомучениках. Он сказал: „Конечно“. Тогда я дал ему еще и иконку свв. Новомучеников. Радости его не было предела и он стал целовать мне руку, на что я сказал, что я не духовное лицо и руку целовать мне не полагается. Он выпросил у меня еще иконку и был на „сдьмом небе“.

В это время подъехало такси и из него вылез мой знакомый протодьякон о. Сергей, маленького роста старичок с длинной белой бородой. С ним я познакомился раньше в патриаршем соборе. Он был очень обрадован нашей встрече, да и я тоже. Я объяснил ему в чем дело и он напал на бедного монаха-привратника.

– Почему ты их не впускаешь? Как тебе не стыдно!
А бедный монах только крестится:

- Пресвятая Богородица спаси мя. Господи Иисусе, помилуй мя...

Пришлось мне вступить за монаха, ведь он же исполнял свой долг.

Отец Сергей, первым делом, представил меня наместнику монастыря, молодому архимандриту о. Евлогию. Подошли под благословение. Отвел я о. Евлогия в сторону и спросил не смогу ли поговорить с ним наедине. Он сказал, что через час меня примет.

О. Сергей повел нас показывать монастырь. Народ, работавший в монастыре, увидев о. Сергия, с уважением кланялся ему. Оказалось, что о. Сергей - очень известная и важная особа. В детстве он жил при монастыре, вырос в нем, оставаясь там до самого закрытия монастыря. Под его руководством сейчас восстанавливается монастырь, приводится в первоначальное его состояние.

Перед каждой святыней о. Сергей останавливался и читал молитвы. Рабочие прекращали работу и молились вместе с ним. Он нам рассказал всю историю монастыря, основанного св. Даниилом, князем московским, сыном Александра Невского в XIII столетии. Говорил в каком месте были обретены его нетленные мощи. При открытии гроба вид у святого был как у спящего. Рассказывал о святом с таким увлечением и громким голосом, что некоторые рабочие оставили работу и примкнули к нашей группе. Показывал о. Сергей, где в свое время были могилы Гоголя, Хомякова и других знаменитых людей.

Монастырь был принят в аварийном состоянии. Власть имущие хотели его вообще сравнять с землей. В монастыре долгое время был концентрационный лагерь для малолетних. От ворот-колокольни осталось только основание (теперь полностью восстановлены), в таком же виде были башни монастыря. Стены монастыря во многих местах обвалились. В соборе св. Даниила, построенном Иоанном Грозным и в громадном соборе св. Троицы, позднего зодчества, остались почти только голые стены. Старинные фрески в старом соборе почти все погибли, в новом же частично сохранились и реставрируются. Новый

собор будет восстановлен во всем своем величии еще этой осенью, а весь монастырь должен быть восстановлен к тысячелетию крещения Руси.

Конечно, это своего рода политический ход правительства. Туда будут водить иностранцев и показывать, вот, дескать, видите сами, монастыри открыты, никакого притеснения религии нет. Будут принимать людей вроде Билли Грэхэма, а те в свою очередь будут рассказывать на Западе и восхвалять „либеральное“ советское правительство.

Все об этом знают, но энтузиазм русского народа от этого не уменьшается. На реставрацию монастыря собираются средства по всей православной Руси, и средства не малые. Употребляются лучшие материалы. Люди работают дружно, не за страх, а за совесть. Женщины-добровольцы убирают мусор, собирают камни, сажают цветы, кустарники, деревья и все с радостью, любовью и молитвой.

Вошли в иконописную мастерскую, где пишутся и восстанавливаются иконы. Монахи все приветливы, отрываются от работы, терпеливо объясняют. Какая радость видеть самому, что наша Русь Святая еще жива и дай ей только немного возможности и уже она творит. А что же будет если Россия возродится?! Невозможно себе даже представить, какой это будет подъем, какая великая радость возрождения!

Когда о.Сергий повел нас показывать временную трапезную для рабочих под собором св. Троицы, как раз было обеденное время и так аппетитно пахло, а мы с самого утра ничего не ели, что я намекнул, что мы не прочь отведать монастырской еды. А была пятница – день постный. Сейчас же монашенка накрыла стол и подала такую пряную, вкусную еду с черным хлебом, что даже сын мой, Федя, с удовольствием все съел, да еще попросил, этот вкусный черный хлеб, на дорогу. Так мы потом его без ничего ели с удовольствием.

В центре монастыря, на возвышении, стоит большой крест. О.Сергий сказал, что во время земляных работ

находят много человеческих костей и все эти неизвестные косточки здесь, у этого креста, захораниваются. У креста он отслужил маленькую литию, упоминая свв. Новомучеников, а так же и Царственных. Это было весьма утешительно. Я сказал о. Сергию, что у нас совершаются молебны.

- Будут и у нас в свое время совершаться, а пока еще это время не настало, - ответил о. Сергей.

Время прошло так быстро, что мы совсем забыли о свидании с наместником и, конечно, опоздали; он поехал по своим делам. Застали только его секретаря - молодого приятного человека. Я сказал ему кто я и откуда. Дал приложиться к Иверской иконке (копии) с миром в ватке. Просил передать наместнику иконки свв. Новомучеников и св. Ксении. Он обещал мою просьбу исполнить и в подарок дал мне иконку св. Даниила московского и литографии монастыря.

При выходе я зашел в туалет и там меня поразила чистота; даже мыло и бумага. Такое в Советском Союзе очень редко где встретишь.

Посещение Св. Троицко-Сергиевской Лавры

Выехали со всей нашей группой около шести часов утра. Поехали мы на двух машинах. В Москве было довольно тепло и солнечно. Перед приближением к Лавре начался дождь и стало прохладно. Сегодня великий праздник св. Троицы и, конечно, народу в Лавре - тысячи. В шести соборах идет служба, но попасть во внутрь почти невозможно, давка страшная. У св. колодца громадная очередь. Один из нашей группы встал в очередь за святой водой, которую я хотел взять с собою в Америку.

При входе в главный собор, какой-то человек, маленького роста, очень грубо обращался с народом. Ругался, ударил, а потом столкнул с паперти старую женщину. Зрелище весьма непристойное, особенно в таком святом месте. Мой сын, Федя, и другие из нашей группы, стоящие в очереди за св. водой, видели тоже очень воз-

мутительную сцену. Там, у св. источника, „монах“ при всех избил калеку. Впоследствии я узнал у монахов, что эти типы поставлены специально властями „для наведения порядка“ и для того, чтобы ввести в заблуждение народ, будто бы эти хамы – монахи. На самом деле это – переодетые „дружинники“. Как раз напротив монастыря, вот эти „дружинники“ устроили на открытом воздухе танцульку, поставив громкоговорители на всю мощность. Народ к такому, видимо, давно привык и не обращал на все это внимания.

Всюду очень много калек и нищих, просящих милостыню. Очень много видел я в монастыре и уродов. Бедный люд!

Я хотел поговорить с каким-нибудь влиятельным лицом в монастыре. Для этого мне нужно было пройти через сторожку, объяснив привратнику в чем дело. Он меня тотчас же пропустил и направил к „старцу Науму“. Тот в своей келии отчитывал какую-то женщину и давал ей наставления, да так громко, что все было слышно снаружи. Ожидавших „старца“ было очень много. Я подождал минут тридцать. Вышел „старец Наум“. Какой-то молодой семинарист подошел к „старцу“ с написанными на бумажке грехами и передал ему бумажку. Тот прочел и разорвал ее – грехи были отпущены. Для меня у него уже времени не было, спешил на службу. Видно сам Господь избавил меня от него.

Обошел всю Лавру. Всюду много народа. Заснял на фильм патриарха Пимена, когда он шествовал в храм, где находятся мощи преп. Сергия Радонежского. Попали с Федей с большим трудом в один из соборов. Народу – „как селедок в бочке“. Конечно, больше вечные „не вымирающие“ бабушки, но было довольно много молодых мужчин, женщин, девушек и парней. Были даже дети Фединога возраста. Когда я сказал Феде креститься, то и стоящий рядом с нами мальчик с усердием начал креститься. Служил митрополит Рижский, Леонид. Испил св. воду из источника. Это, видно, артезианский колодец и вода стекает по кресту.

Встретился с группой женщин, разговорился, показал им иконку свв. Новомучеников. Они обомлели и не могли долгое время говорить. А потом сказали, что фашисты много нашего народа замучили и перебили. Я же им сказал, что свв. Новомученики – это наши православные люди, пошедшие на смерть, но не отрекшиеся от веры и что умерщвлены они были богоборческой советской властью. Одна женщина испуганно стала подавать мне всякие знаки, чтобы я не говорил такого. А я говорю, что если будут бояться говорить правду, то никогда богоборческая власть не сгинет. Они начали охать и ахать, – „да, правильно ты говоришь, вот и у меня сколько родни погибло, но мы не можем открыто говорить, что это свои столько горя понаделали, а на немца все свалить можно...“ Я сказал им, что я русский, но теперь живу в Америке. Потом от них трудно было отвязаться, бегали по пятам, одна даже дала мне свой адрес, просила выслать ей молитвы и акафисты.

Уже шел к выходу и вдруг, какая-то сила меня остановила, повернул обратно, пошел через сторожку к келиям монахов. Увидел во дворе группу монахов, стал с ними разговаривать, дал им иконки свв. Новомучеников и блаженной Ксении. Они стали по очереди прикладываться к иконкам, а один из них говорит:

– Я же говорил, что сегодня что-то особенное совершится. Вот оно и совершилось.

Если бы возможно было описать их неимоверную радость. Сказали, что в их мастерской переписут иконки, чтобы распространить их. Просили меня горячо молиться за Россию. Когда я уходил, то вслед меня еще благословляли. Боже мой, какая у них была радость и благодарность Богу!

Русские люди

Главной причиной моей поездки в Советский Союз было желание увидеть то, что осталось от великого русского народа после 68-летнего эксперимента над ним анти-

народной власти Встречался я с людьми разного положения – с таксистами, с людьми на экскурсиях, в поездах, музеях, ресторанах, не говоря уже о встречах в церквях и монастырях, где собираются именно настоящие православные люди. Пришел я к заключению, что животный страх и из него вытекающее недоверие друг к другу – это и есть основа, на которой держится система. А вот, как этот страх убрать? Это дело, видно, нам не под силу, совершиться это может только с Божьей помощью.

Пошли мы с сыном в русский исторический музей, что на Красной площади. Музей очень интересный. Удивительно, что народу было очень мало. Молодая пара осматривала экспонаты, восхищалась древней русской работой, начала со мной делиться своими впечатлениями. Подошел ко мне мой сын и что-то спросил по-английски. Молодая пара испуганно на меня посмотрела и поспешно отошла. Со мной уже не говорили, только испуганно поглядывали в нашу сторону и вскоре и вовсе исчезли из поля зрения.

В одном важном учреждении, куда пускают только по специальным пропускам и куда мне нужно было зайти несколько раз, при входе нужно было оставлять пальто и вообще все вещи, а также нужно было оставлять и моего сына. Охраняли одежду женщины, которые с интересом разговаривали с моим сыном, узнавши, что он из Америки. Они угощали сына, баловали его, так, что скучно ни им, ни ему не было. Однажды, когда я вернулся, чтобы забрать пальто и свои вещи, одна из женщин обратилась ко мне с вопросом:

– А вы нам можете сказать, почему Америка наращивает оружие и почему она хочет на нас напасть? Ведь мы войны не хотим.

Я ей ответил, что и Америка войны не хочет, но и не хочет, чтобы на нее напали. Другая женщина, стоявшая рядом, тут же при всех сказала:

– Мы-то знаем, что Америка войны не хочет, а вот у нас наверху...

И показала рукой вверх.

С таксистами я обыкновенно начинал разговоры, обращаясь к ним по имени и отчеству, благо у них над счетчиком прикреплена карточка с фотографией, именем, отчеством и фамилией. Это очень облегчало начало знакомства. Меня предупреждали, что с таксистами лишнее не следует говорить, так как они почти все осведомители КГБ и в машинах у них микрофоны. Возможно, что таковые имеются для специальных случаев. Но „волков бояться – в лес не ходить“. У меня от таксистов осталось довольно хорошее впечатление. Все они говорили на общие большие темы. Я даже удивлялся, как им не страшно, вот герои. Некоторым я давал иконки, были очень довольны, меня сердечно благодарили и хвалились: „а я, ведь, крещеный“.

Очень интересно ездить с местным населением на экскурсии. Экскурсии проходят по местам, которые интересуют именно русских людей. Бюро экскурсий находится недалеко от Китай-города на улице Жданова № 5. Был я на следующих экскурсиях: Исторические места Отечественной война (1812 г.); Панорама Бородинской битвы; Архитектурные памятники Москвы; Царицыно; Донской монастырь; Поместье графа Шереметьева – Останкино (где был знаменитый театр крепостных). Ездили сами в Архангельское, Загорск (Сергиевский посад) в Лавру. А с иностранцами ездили во Владимир и Суздаль. Во время этих поездок приходилось близко общаться с людьми. Думали они, что я свой и говорить было с ними весьма легко. Своих людей возят по местам, которые были для меня более интересными, нежели те, что специально предназначены для иностранных туристов. Гиды для своих очень компетентны, знающие и любящие свое дело, с любовью все объясняющие. Они всегда напоминают старые названия и чувствуется, что с болью произносят новые названия.

Когда проезжали то место, где стоял Храм Христа Спасителя, гид сказал:

– Вот на этом месте стоял величественный памятник Отечественной войны двенадцатого года, на который

собирались средства по всей России. Работали над ним лучшие зодчие, художники и скульпторы нашей родины. А теперь – видите сами...

Люди только вздыхали и молчали.

Когда мы были с этим гидом в Даниловском монастыре, он с большим волнением в голосе рассказывал, подводя экскурсантов к стене монастыря, где стояли обломки мраморных барельефов.

– Это все, что осталось от Храма Христа Спасителя – мраморные барельефы скульптора Логановского. По ним вы можете себе представить, какой это был величественный храм, какие, самые лучшие материалы, употреблялись на его постройку. На этом барельефе изображен наш великий русский святой, преподобный Сергей Радонежский, благословляющий иконой Дмитрия Донского в 1380 году на битву с татарами. На левой стороне монахи-воины Пересвет и Ослабля. Для своего времени, Сергей Радонежский, был очень передовым и дальновзорким человеком, разбирался очень хорошо в политике. Вот такие люди в свое время стояли во главе русского народа, вели его по великому историческому пути. Такие люди как Сергей Радонежский, являлись самыми просвещенными и передовыми людьми нашей отечественной истории. Нам, русским людям, нужно это знать, ценить и никогда не забывать. Нам нужно знать, что письменность и культура пошла из монастырей. Монастыри являлись рассадниками культуры.

На эту тему он говорил долго и с любовью. Мне, и как я заметил, другим в нашей группе это было очень приятно.

И вот таких, настоящих русских людей, я встречал повсюду.

В этом же монастыре я увидел группу молодежи, тщательно мывшей надгробные памятники. Я спросил, что они делают?

– Хотим сохранить остатки русской культуры. Так мало ведь осталось, почти все погибло, а о нас и не подумали. Нам же это все так дорого, – был ответ.

Величественный Донской собор теперь музей, внутрь самого храма не пускают. Многоярусный иконостас стоит. В соборе на правой стороне находится гробница патр. Тихона из белого мрамора, а на левой стороне, единственное место в России, где готовится св. миро. Общий вид монастыря довольно запущенный, но некоторые часовенки-мавзолеи реставрируются. После революции они использовались для жилья. В них люди обитали годами. Много было покрашено. Все это нужно смывать, находить остатки прежней росписи и постараться привести ее в первоначальный вид. Работы, в том темпе, как она идет, хватит на десятилетия.

Нищих и калек, несмотря на то, что их вылавливает милиция, очень много. Вот типичный случай. Около одной церкви подошла ко мне пожилая женщина:

- Подайте, Христа ради, голубчик. Лекарство не на что купить. Стоит оно 10 рублей, а пенсия у меня всего 40 рублей в месяц, на еду не хватает.

Ну, ясно, дал я ей. Долго мне вслед глядела и крестилась.

Много я видел калек в страшном состоянии. Безногие передвигались по улицам с помощью рук, к которым были прикреплены дощечки. Колясок для инвалидов, даже обыкновенных, не видел. В такой стране, как Португалия, видел я моторизированные коляски. В одном парке в Москве видел я как одна молодая женщина (паралитик) еле-еле одна передвигалась на костылях, а помощи никакой. Это было страшное зрелище.

Андроньевский монастырь

Встретились мы с о. Александром в назначенном месте, где нас уже ждали наши знакомые в машине. Поехали в музей Андрея Рублева - Андроньевский монастырь. О. Александр один из кураторов этого музея. То, что он священник, знают немногие. По дороге он меня спрашивал о нашей заграничной Церкви. По его впечатлению в нашей Церкви объединены только монархисты. Я

ему сказал, что это не совсем точно, что в нашей Церкви объединены настоящие русские люди, которым судьба России не безразлична, что наша Церковь совершенно свободна от посторонних влияний и является как бы свободной частью русской православной Церкви.

О. Александр – священник молодой, лет ему около тридцати, рукоположен он был совсем недавно, и пока что, еще нигде не служил.

Андроньевский монастырь, где жил, работал и был похоронен Андрей Рублев, только недавно был реставрирован и не в очень строгих рамках. Главный старинный массивный собор превращен в мастерские, склады и канцелярии музея. В каком месте точно находится могила Андрея Рублева – неизвестно. В старинной церкви, меньшего размера чем собор, в свое время были фрески, созданные Андреем Рублевым, но они были уничтожены еще в царствование одной из императриц. Русскую старину, да и вообще русское искусство, в то время очень мало ценили, все восхищались Западом и считали, что только на Западе настоящее искусство. И под этим влиянием и были безвозвратно уничтожены замечательные работы нашего лучшего иконописца Андрея Рублева в Андроньевском монастыре и в этом большевиков винить нам не приходится.

О. Александр подвел нас к монастырской стене. Вот здесь, у этой стены расстреливались многие тысячи так называемых „врагов народа“. Здесь их и зарывали, так что мы ходим по костям многих лучших русских людей, – какая жуть. А теперь все спокойно. Зелень, поют птички, ходят люди и почти никто о них уже не вспомнит.

До открытия музея о. Александр показал нам подвал где реставрируются и хранятся ценнейшие иконы, которые даже не выставляются в самом музее, так что обыкновенные посетители музея их никогда не видят. Это древнейшие иконы России. Одна – Христос Спаситель – древнейшая икона еще старого византийского письма, чуть ли не до времени иконокластов. У меня был с собою очень чувствительный фильм и я эти иконы заснял.

О. Александр сказал, что многие иконы были найдены в самых различных местах. Например, многие большие иконы служили покрышками для бочек с кислой капустой. Одна икона – Божьей Матери – осталась видна только часть лица с необыкновенно выразительными глазами.

– Вот, что наши понаделали, – сказал о. Александр.

Реликвии преп. Серафима Саровского

Мои московские друзья отвезли меня куда-то далеко за Москву, где мне официально быть не полагалось. Замечательное место. Всюду березки, как невесты, вообще, уголок старой России. Встретил меня пожилой священник с седой бородой и даже в рясе. Он это мог себе позволить, так как весь дом его с садом огорожен высоким забором. Отец Виталий – маститый священник, один из тех, которые вхожи к самому патриарху.

Попал я в обстановку старой России. Обедали на веранде, а подавала нам старая няня, которая нянчила всех четырех детей о. Виталия. С матушкой я познакомился еще раньше в Москве. После обеда о. Виталий начал показывать мне свои владения. На его участке кроме главного дома был еще домик для гостей, и там у него домовая церковь, где собираются надежные люди и совершаются службы. После этого отвел он меня в свою комнату для беседы. Начал он говорить о положении нашей Зарубежной Церкви.

Он считает, что было бы правильным и каноничным сделать нашей Церкви то, что в свое время сделала американская митрополия – принять от Матери-Церкви русской автокефалию, для того, чтобы все остальные православные Церкви ее признали. А так, будто, наша Зарубежная Церковь находится в неканоническом положении и мы как бы находимся в изоляции от всех православных Церквей и даже вселенский патриарх нас не признает. Но он говорил, что в принципе мы поступили правильно, создав Зарубежную (или как он говорил – Карловацкую

Церковь). И еще он сказал, что неправильно то, что наша Церковь обвиняет свою мать, русскую Церковь в сотрудничестве с большевиками – врагами Церкви. Он говорил:

– Вы не знаете как нам трудно, и вы не хотите войти в наше положение. Работа наша весьма трудная. Вести Церковь в нашем положении, нужно иметь много мудрости. Мы ведем трудную борьбу в страшных обстоятельствах. Мы не можем вести нашу Церковь открыто, как вы за границей. Власть советская, конечно, думает, что мы у нее на поводу, но ведь факт налицо: все больше открывается новых храмов, церкви переполнены, народ молится и, как вы сами видели, ходят не только „бабушки“, но мужчины и женщины среднего возраста, даже молодежь и дети. Для того, чтобы власти не закрывали храмы, нам нужно проводить очень тонкую дипломатию. Приходится идти на какие-то второстепенные компромиссы, для видимости, как бы сотрудничать с властями, даже молиться за них. Представьте себе, если бы мы не молились за врагов своих, ведь было бы куда хуже. А так молимся, чтобы Господь смягчил их сердца и, как видите, молитва наша доходит до Господа, верующих становится все больше и больше, а самое главное, все больше видишь молодых, а ведь раньше их почти не было. Вы не можете сравнивать положение Церкви у вас с положением нашей Церкви. Наша Церковь является пленницей атеистической власти. Наше оружие – оружие духовное, которое люди не верующие понять не могут. Вот этим-то оружием мы мало по малу все же побеждаем. Это и есть наша цель. Вот, вы, например, говорите, что когда ваши репортеры или такие люди как Билли Грэхэм спрашивают о положении Церкви в Советском Союзе у архиереев наших, то они молчат или отвечают, что притеснений никаких нет. Репортеры ваши люди очень наивные и не знают сути дела. Если бы они были умнее, то таких глупых вопросов не задавали бы.

Представьте себе, если бы наши архиереи говорили правду, улучшилось бы положение Церкви? Архиереев таких сейчас же убрали бы, а остались бы только угодные богоборческой власти.

В истории христианской Церкви очень часто приходилось епископам брать на себя бремя и входить в контакт с властями мира сего для сохранения Церкви для верующих. Так было и на заре христианства, во время владычества языческого Рима, так было и в Византии. Наша Церковь боролась вначале открыто и говорила своим врагам все прямо в лицо. Результат ведь всем известен – уничтожение священнослужителей, закрытие церквей. Страдали от этого только верующие и сама Церковь. Конечно, наша Церковь обогатилась сонмом Новомучеников, да и теперь еще немало наша Церковь страдает и теперь еще имеются мученики за веру. Открытое неприятие богоборческой власти, только вызывает злобу и открытую ненависть наших врагов. Вот, несколько лет назад были сожжены живьем монахи на Кавказе, которые ушли туда против воли властей. Я вам дам на память деревянную ложку, сделанную одним из этих последних Новомучеников.

Нам очень трудно. Конечно, у нас имеются архиереи недостойные своего положения или же морально сломленные. Вот, хотя бы, наш Первосвятитель. Человек он очень верующий, но надломлен, долгое время он провел в лагерях, теперь под старость появилась у него мания преследования. Вскоре нужно будет выбирать нового патриарха. Конечно, власти хотят подсунуть нам своего человека, который вел бы Церковь в интересах власти, а не в интересах верующих. Мы молим Господа Бога, чтобы Он до этого не допустил, а был бы избран наш патриарх. Патриарх ведь именуется – Московским и всея Руси, а не Советского Союза. Нашим врагам подошел бы архиепископ Владимирский, который живет в связи со своим игуменом. Вот нам и нужно сделать все возможное, чтобы не допустить этого.

Наши храмы обкладываются страшнейшим налогом. Все церкви, иконы и церковная утварь – принадлежат государству. Верующие все это арендуют и все это на учете. Реставрация, всевозможные починки, все это лежит тяжким бременем на верующих и народ на все эти жерт-

вы идет, лишь было бы ему где молиться и обращаться к Богу. И настоящее возрождение происходит в народной массе все больше и больше.

Я сказал о. Виталию, что наша Зарубежная Церковь является малой частью Русской Православной Церкви и духовно все представляет единое целое. Мы лишь находимся в других условиях и являемся, как бы, свободным голосом нашей, гонимой на родине, Церкви. Так что автокефалия совершенно не нужна, даже если канонические законы того требуют. Такого прецедента, как сейчас, в истории Церкви еще не было, и я думаю, что принятие автокефалии даже повредило бы Русской Православной Церкви. При существующем положении наша Зарубежная Церковь может свободно говорить правду, и то, что мы говорим и пишем лежит на нашей совести и отвечаем мы сами за это.

- Только не лейте на страждущую Мать Церковь грязь,
- сказал он, - не клеветайте на Нее.

Я обещал передать эти слова нашему Синоду и просил молиться за наше единение и взаимопонимание.

После этого разговора о. Виталий провел меня в другое здание, где находилась домашняя церковь и сказал там:

- Вы спрашивали о катакомбной церкви - она перед вами. Здесь мы в кругу своих доверенных людей совершаем службы, которые мы не можем открыто совершать в наших церквях. У нас имеется даже служба свв. Новомученикам и Исповедникам Российским вашего издания в Джорданвилле. Таких „тайных“ неофициальных церквей много по всей матушке России.

После этого о. Виталий сказал:

- Теперь я вам покажу нечто весьма особенное. Однако вы должны перед крестом и Евангелием дать клятву, что никому и никогда не скажете, где находится это место.

Я приложился ко кресту и Евангелию и этим дал клятву, хотя не знал, что именно он хочет показать мне. О. Виталий провел меня в другую часть дома с закрытой дверью, отворил ее и мы вошли в маленькую темную комнату.

Зажег свет. На стене висят иконы, у стен какие-то старые вещи, табуретка, столик, топор без топорща. Я не понял, что это такое, хотя одна икона показалась мне знакомой. О. Виталий сказал, что мы находимся среди вещей преподобного Серафима Саровского. Икона эта Божьей Матери Умиления „радости всех радостей“, любимая икона преподобного, перед которой он и умер. И еще несколько икон из его келии. А вот часть камня, на котором преподобный молился тысячу ночей. Это только одна часть большого камня, остальные находятся в других местах.

О. Виталий снял со шкафа чемоданчик, в котором находилась личная одежда преподобного: власяница, ряса, епитрахиль и другие вещи, спасенные из Дивеева монашенок (кажется Марией), которые она завещала после своей смерти на хранение о. Виталию. Об этих вещах и где они находятся знают очень немногие.

С великим душевным трепетом приложился я к этим святыням. Благодарю Господа Бога, что соизволил Он мне грешному увидеть эти священные для России вещи и приложиться с молитвой к ним. Эти вещи хранятся, пока у нас на Руси богоборческая власть, в тайне.

Я спросил о. Виталия не может ли он мне дать маленький осколок камня. Батюшка сказал, что этого он сделать не может, но даст для нашей церкви нечто ценное. С этими словами он взял ножницы, отрезал кусочек мантии преподобного и дал мне. Спасибо, дорогой отец Виталий!

На границе перерыли все мои вещи основательно, даже разобрали гармошку, думая что там запрятаны рукописи. Землю, которую я достал из святых мест России: Свято-Троицкой Лавры, Псково-Печерского монастыря, у собора Успения Божьей Матери во Владимире и из Оптиной пустыни, подвергли лабораторному анализу, но все же возвратили. Отобрали икону святого Николая-чудотворца и три документа, подписанных Николаем первым. И слава Тебе Господи, кусочек от мантии святого не заметили и я его провез. Теперь он находится в нашей церкви свв. Новомучеников и Исповедников Российских.

„По признаку красоты Св. Владимир познал правую веру греческого закона и передал стремление к высокому и прекрасному всему русскому народу; с тех пор зажглась неутолимая жажда гармонии и благообразия в русской народной душе. Отсюда наше незлобие, миролюбие, миротворчество, желание все обнять, все примирить и все простить, отсюда тихий благообразный ритм нашей иконописи и наших церковных мелодий, отсюда гармонический, ликующий звон наших колоколов, отсюда благолепие нашего народного быта, певучесть нашей народной души и музыкальность благозвучной народной речи. Но так как на земле нигде нельзя найти совершенной гармонии, то русское сердце невольно устремилось к небу, где царствуют в полном согласии любовь и правда, где сияет вечная нетленная красота и не смолкает ликующее ангельское пение. Из этого источника родилось томление по Небесному Иерусалиму, стремление к вечному Граду, соединенное с постоянным недовольством собою, с чувством самоукорения и глубокого смирения. Эта тоска по лучшему Отечеству заметна не только в простой народной стихии, но и у наших лучших писателей. Она-то и дала право нашей Русской Земле на столь исключительное имя “Святой Руси“.

Митрополит Анастасий

О первых христианах на территории России

Опубликованная в № 20 альманаха «Вече» статья В. Мошина „Христианство в России до св. Владимира“ устарела в двух отношениях. Во-первых, она написана норманистом и, во-вторых, в ней нет новейших данных о результатах грандиозных раскопок на юге России после второй мировой войны.

К началу христианской проповеди, т. е. к 30-м годам нашей эры, в так называемой Скифии не осталось ни одного настоящего скифа-кочевника, иранца. Сбросив скифское иго в 197 г. до Р. Х. сарматы изгнали их со всей территории в Добруджу; прочих же полностью уничтожили. С тех пор возникает Сарматия с главным городом Танаисом (кстати, по размерам бóльшим, чем Киев при князе Владимире Святом). Племена, называемые римлянами „сарматы“, а греками – „скифами-пахарями“, были все славянского происхождения – трипольцы. Имена племен: **невры** на среднем Днепре, **киммерийцы (кимры)** – от северо-западного угла Черного моря и на восток вдоль всего побережья с Крымом и Кубанью, а между ними **анты** и **роксолане**. Севернее сарматов, у реки Волхова расселились **словены**. В Сарматии, легко уживались с хозяевами страны, устраивали свои колонии греки-иоанниты, создавшие свое особое государство Боспорское. Почти половина населения Танаиса было греческим. Влияние греческой культуры было столь значительным, что местное население свободно владело кроме своего и греческим языком. Поэтому проповедь христианства на

греческом языке была понятна и славянским язычникам киммерийцам и таврам. Она проникла к берегам Донца (р.Танаис) и Дона, где у сарматов был ряд городов и населенных пунктов (главным образом рыбацьи поселки).

Вот в эту „Скифию“ и отправился с проповедью христианства Св. Апостол Андрей. В Крыму у „тавро-скифов“, как тамошних киммерийцев называли греки, в Неаполисе и в Херсонесе, а также и в Боспорском государстве Св. Апостол Андрей создает много христианских общин и церквей. В конце I-го века, пишет археолог и историк прот. С. Ляшевский в своем труде „История христианства в земле Русской“, сосланный в Херсонес ученик Апостола Петра Св. Климент Римский находит в Крыму в разных местах более 2000 христиан. Из Крыма Апостол Андрей отправился морем в Танаис и в другие города Боспорского царства на Дону. В Танаисе он создает общину. Во время раскопок, производившихся там после второй мировой войны, откопали тайный домовый храм в подвале, с каменным Престолом, светильниками и 7 штампами для просфор. Среди них один штамп, относящийся к I-му веку. Храм существовал до 250-го года, когда готы разрушили и сожгли Танаис. Во время пожара дом обрушился и таким образом сохранилось все, что не горит и что было в храме в тот момент. Аналогичный тайный перво-христианский храм раскопан в Херсонесе в 1950 году.

Созданные Ап. Андреем и его учениками общины существовали в течение трех веков перво-христианской Церкви. Во время гонения императора Траяна, принимает мученическую кончину Апостол, а в Диоклецианово гонение 7 священномучеников Херсонесских, епископов. Русская Церковь причислила их к лику святых в Земле Русской просиявших.

Проповедническая деятельность Св. Апостола Андрея в „Скифии“ подтверждается свидетельствами древних историков и народной памятью. Со времени принятия крещения в русском народе хранилась вера в то, что Первозванный Апостол Христов Андрей, получивший себе в

жребий нашу Землю, во исполнение своего назначения, посетил и благословил ее как будущее ВЕЛИКОЕ СРЕДОТОЧИЕ ХРИСТОВОЙ ЦЕРКВИ. При этом не излишне будет заметить, что никогда, ни при каких тяжелых обстоятельствах, наши предки в массе своей не уходили из своих земель, но оставались там, продолжая возделывать „мать-кормилицу“. И только вследствие княжеских междоусобиц и татарского нашествия, они заколебались и во множестве покинули свои огнища, уйдя на северо-восток, в Залесье и на запад к отрогам Карпат. Наряду с былинами о русских богатырях и обрядными песнями они унесли с собой и „легенду“ об Апостоле Андрее. Однако, совершенно неизвестно и непонятно, чем эта „легенда“ отличается от писанных высказываний современников-иностранцев, писавших „по-наслышке“. Почему так прочно укрепилось в начальной нашей истории действительно легендарное утверждение о „варягах-руси“, для которых никто, даже из норманистов, не сумел подыскать на берегах Варяжского моря „жизненного пространства“? Для торжества этой легенды обиходное слово „рус“, относящееся к сарматам и иногда упоминаемое римскими, греческими, арабскими и армянскими историками и географами, а также и топонимика (река Роса, приток Днепра), не привлекли внимание даже крупных наших историков. Они не призадумались и над решением новгородского князя Олега назвать Киев матерью городов русских, снять с себя звание князя Новгородского, но приписали ему легко русское имя, оттого-мол, что он из племени варягов-руси, а не оттого, что Олег из Новгорода от Словен прибыл на Русь.

Но вернемся к нашей основной теме.

Глубокая вера о посещении Земли нашей Апостолом Андреем высказана была митрополитом Илларионом в Слове его у гроба князя Владимира в присутствии Ярослава Мудрого. Предание об Апостоле Андрее в словах митрополита Иллариона обратилось в форму благословения Киевских Гор, места будущего сердца Руси и Русской Церкви.

У отца церковной истории Евсевия, епископа Кесарийского (начало IV-го века) записано: „Из святых апостолов и учеников нашего Спасителя, которые рассеялись по всему миру... Андрей получил Скифию...“ Говоря дальше об апостолах, Евсевий утверждает, что они проповедовали в назначенных им местах. Следовательно, Св. Апостол Андрей проповедовал христианство среди прямых наших предков сарматов и немногочисленных тогда греков в Крыму и Танаисе, с окрестными Танаису городами и селениями.

О миссионерской поездке Апостола Андрея в нашу страну пишут Ипполит Римский, Дорофей Тирский, Епифаний Кипрский (III и IV века).

До раскопок в Херсонесе и Танаисе в 50-х годах, все эти сведения могли звучать как предания. Но теперь мы располагаем археологическими данными о наличии перво-христианских общин и церкви в Херсонесе, в Крыму и в Танаисе.

Подведем итог сказанному выше. Уже в I-м веке нашей эры проповедь христианства коснулась в какой-то мере наших русских предков сарматов, а в последующие века в Крыму и прибывших туда многочисленных беглецов – донских и волжских сарматов. Неудивительна поэтому находка Св. Кириллом евангелия и псалтыри на „роуском языке“, написанных „роускими“ буквами, в бытность его в Крыму в 861 году.

Необходимо остановиться на сарматах. Откуда и кто они? Изучением их черепов установлено, что им идентичны черепа трипольцев, а эти последние в эпоху неолита населяли земли среднего Приднепровья, несколько южнее Киева. Согласно исследованию академика Рыбакова, еще в эпоху палеолита началось движение к центру Европы праславян, оставлявших колыбель свою – область между Лабой (Эльбой) и Вислой. На своем пути к югу они постепенно оседали вдоль р. Лабы до впадения в нее реки Солявы-Заале и затем вверх по этому притоку Лабы до Рудных Гор. Приблизительно отсюда часть их повер-

нула к юго-востоку и осела в Приднепровье. В начале Бронзового века продолжилась их миграция к востоку и югу и тут они сталкиваются с выходцами из Ирана – скифами, которые покоряют их, мирных пахарей, силой своего оружия. В 179 г. до Р. Х., как уже было упомянуто выше, иго скифов было сброшено и сами скифы были полностью истреблены, но не имя их: победителей над скифами, греки называют и далее „скифами-пахарями“, а римляне их называли сарматами. И это имя стало общим для всех племен „сарматов“. И еще долго цивилизованный тогдашний мир называл земли сарматов „Скифией“.

В первом веке по Р. Х. „Скифию“-Сарматию захватили римляне и оставались там до 250-го года, когда повидимому Риму понадобились его легионы в других местах Империи. В Сарматии они непрерывно находились в стычках с непокорным сарматским племенем – роксоланами с одной стороны, с востока, и с готами, населявшими область между Днестром и устьем Дуная, с запада. Но как только ушли римляне, в Сарматию немедленно ворвались готы, смяли сопротивление „скифов-пахарей“, разграбили и сожгли Танаис и города по рр. Танаису и Дону. Дикие орды готов нещадно уничтожали население, и сарматы, за исключением сидящих на нижней Волге, частично укрылись в Крыму, а уцелевшие на местах, были обращены в рабство. Господство готов кончилось их разгромом в 360 году. И громили их нижеволжские сарматы, сорванные гуннами, которые перешли Волгу и погнали волжских сарматов на запад. В донских степях им преградили путь готы, но были смяты сарматами и изгнаны вон из пределов „Скифии“ (Сарматии). Спасая себя, готы присоединились к гуннам и ушли с ними завоевывать Запад. Волжские сарматы ушли в Крым и соединились там с донскими сарматами и таврами в юго-западной части Крыма у городов Неаполиса и Херсонеса. За ними в Крым вошли немногочисленные, уцелевшие от погрома, готы и устроились в северо-западном углу полуострова. В дальнейшем, из-за них греки стали назна-

чать готских епископов, помимо Херсонесского и Танаисского, для сарматов.

Немного о готах. Считая их германцами, наши норманисты поспешили представить их носителями культуры, создателями. На деле, они показали себя разрушителями. Но, например, по Мошину выходит, что они в сарматскую среду внесли новые понятия, полезные для сарматов, культурный уровень которых отставал от готского. Так они внесли якобы новые слова в словарь сарматов (Мошин не приводит их), познакомили сарматов с деньгами, ознакомили их с современным вооружением: меч, броня и щит, научили сарматов вести торговые дела... В общем, влияние их на сарматов было чуть ли не благотворительным.

В одном, быть может, Мошин был прав. Кто знает – не научили ли готы сарматов воевать? Воевали и прежде эти „скифы-пахари“, в особенности их племя роксолане, и конечно, не были им в диковинку ни меч, ни броня, ни щит. Но вот, вскоре со стороны пришел отзыв. Арабский историк Табари записывает о них в 644-ом году: „...русы враги всему миру и никто воевать с ними не умеет...“ А о деньгах слишком смело и неправдоподобно сказано. У греков и римлян уже чеканились монеты, а сарматы с ними давно торговали. Рыбаки с Дона и р. Танаиса вывозили в бочках засолы всевозможной дорогой рыбы и осетровой икры, „скифы-пахари“ – пшеницу, скотоводы – кожу. Сарматская знать, проживавшая в городе Танаисе, была посредницей при торговых сделках с греками. Раскопки на Дону и в самом Танаисе обнаружили под развалинами домов золотые вещи, принадлежавшие этой знати. Находили и монеты.

С нашествием готов вся налаженная, трудовая жизнь сарматов оборвалась. Готы жгли и разрушали, население вырезывали, и остающихся в живых обращали в рабство. Поселившись в Танаисе, они так и не восстановили его и жили там среди развалин домов, покуда их не прогнали волжские сарматы.

С изгнанием готов, по всей „Скифии“-Сарматии наступило затишье до появления хазаров, которые уселись на

опустевших землях Донских сарматов. Хазары не тревожили уцелевших на своих местах сарматов, но всю торговлю прибрали в свои руки. В дальнейшем, по отношению к Византии они вели дружественную политику, посылая своих воинов в помощь грекам против сарацин (арабов). Греческие миссионеры, проповедовавшие христианство в Хазарии не подвергались преследованиям.

А в Крыму и вдоль северного берега Черного моря, греки были как у себя дома. Для православной Церкви Танаис, как и прежде, являлся центром Азовского края и Крыма. Сюда направлялись патриархом греческие епископы, рукополагавшие в пресвиторы не только греков, но и сарматов, главным образом из числа тавров, как наиболее восприимчивых греческую культуру. Для них и их паствы к началу VI-го века создан был алфавит из 24-х букв, заимствованных от греков. На этих „роуских“ буквах пишется евангелие и псалтирь, найденные потом Св. Кириллом, в бытность его в Крыму в 861-ом году.

„Первенствующее значение в процессе распространения христианства, среди тогдашнего многоплеменного населения России, должно было принадлежать христианской колонии Черноморья“, – пишет прот. проф. С. Ляшевский.

Как нам известно из наших летописей, Хазарский Каганат был разгромлен князем Святославом. К этому времени вырисовываются на Руси не два, а три центра, не только Новгород и Киев, но и Приазовская Русь, и этот последний центр, с его христианами-сарматами, способствовал успешному распространению христианства на Руси. Пришедшее на зов князя Владимира греческое духовенство, владело языком тавров, т. к. в большинстве своем было родом из Крыма и Танаиса; языком тождественным для новгородцев и киевлян.

Самые сжатые и достоверные сведения о первых христианах на территории России, интересующиеся этим вопросом найдут в книге прот. С. Ляшевского „История Христианства в Земле Русской с I-го века по XI век“. Книга издана в Балтиморе в 1968 году.

НОВАЯ КНИГА!

Музыкальным издательством Ем. Катцбихлер, в Зап. Германии, выпущена редкая книга:

Песнопения древне-русского осьмигласника, включая Евангельские стихиры

Автор, сотрудница Института истории искусств при Румынской Академии Наук, **Стелла Сава**, посвятила много времени и труда, чтобы, посетив места расселения староверов, особенно же их монастыри, в духовном центре части староверческого рассеяния, Белой Кринице, собрать многочисленные списки рукописных октоихов.

Книга - два тома - представляет собой их воспроизведение, транскрипцию, классификацию и комментарии. Тексты представлены в факсимиле, так что слависты, интересующиеся палеографией, могут пользоваться ими как оригиналом.

Цена книги - 160 нем. марок (Два тома)

Книгу можно заказать по адресу:

Dr. EMIL KATZBICHLER
Musikantiquariat, Musikverlag
Wilhelming 8201 Frasdorf, Bundesrepublik Deutschland
Tel. (08051) 25 95

В. Д. Соколов-Самарин

Показательные процессы в США

(Третье заявление для печати)

1

В городе Вотерберри, что в штате Коннектикут, в здании Федерального суда, состоялся суд по моему „делу“, продолжавшийся одиннадцать дней с 7 по 25 ноября 1985 года включительно.

Суду предшествовали долгие четыре года, в течение которых шла предсудебная тяжба между моими адвокатами (их два: адвокат и помощник) и обвинителями, когда меня вызывали на предварительные допросы, выматывающие нервы.

Обвинительный акт, врученный мне 27 января 1982 года, содержал 25 страниц. Суть обвинения (укладывалась в двадцати строках) сводилась к тому, что во время второй мировой войны я был заместителем редактора русской антикоммунистической газеты «Речь», выходившей в Орле, что писал против евреев и союзников Сталина – правительств тогдашних Америки и Англии и что скрыл что-то из своего прошлого, хотя я ничего не скрывал, перед получением гражданства

В своем Первом заявлении для печати „Об одной акции КГБ“, написанном в марте 1982 года и опубликованном в

русской зарубежной печати, я рассказал о событиях, предшествовавших вручению обвинительного акта. В этом, Третьем заявлении для печати (было опубликовано и Второе заявление для печати в июле 1983 года) я хотел бы коротко напомнить нашей эмиграции о тех событиях.

В течение ряда лет КГБ вел против меня кампанию травли в советской печати. Ряд статей был в центральной печати («Комсомольская правда», «Наше время» и др.), в которых вместе с именами других эмигрантов-антикоммунистов поносилось и мое имя. В 1974 году в № 10 журнала «Наше время», издаваемом в Москве на нескольких языках, в статье И. Андропова „Оборотни“ 30 строк были посвящены моей скромной особе.

Я в долгу не оставался. С 1956 по 1975 год я написал и опубликовал в нашей зарубежной печати десять статей, направленных непосредственно против КГБ, в защиту русской эмиграции.

С особой силой кампания против меня в советской печати вспыхнула в начале 1976 года. В феврале этого года в «Комсомольской правде» была опубликована статья некоего Юзефа Эрлиха, в которой этот самый Эрлих обвинял меня в антисемитизме, а также в том, что я был заместителем редактора газеты «Речь», выходившей в Орле в 1942-43 годах.

В апрельском номере за 1976 год журнала «Советише геймланд» (издается в Москве на идиш) появилась пространная статья Аркадия Сахнина (земеститель редактора журнала Арона Вергелиса), направленная целиком против меня. Статья эта уже на русском языке была выпущена советским агентством печати „Новости“ (АПН), которое специализируется на дезинформации. На основании публикации в журнале «Советише геймланд» (распространяется главным образом за границей) прокоммунистическая нью-йоркская газета «Джуиш дейли морнинг фрайхайд», выходящая на идиш (по воскресеньям на английском), начала против меня бешеную кампанию травли. В газете была не одна статья, направленная против меня.

На основании публикаций в «Джуиш дейли морнинг

фрайхайд» начата была кампания против меня тремя профессорами Славянского отдела Йельского университета, где я 17 лет преподавал русский язык и литературу. Кампания носила такой характер, что я вынужден был подать в отставку. В 1977 году, за год до пенсионного срока, я ушел в отставку на урезанную пенсию.

Между тем, травля продолжалась. В конце 1976 года выступила „тяжелая артиллерия“: в ноябрьском номере журнала «Джуиш керрентс» (Нью-Йорк) появилась статья с фантастической моей биографией, занимавшая 15 страниц и направленная исключительно против меня. Появились статьи (еще раньше) в университетской газете и в ряде газет, выходящих в Новой Англии. Я, между тем, получил немало писем от бывших моих студентов – с поддержкой, с теплым словом.

Травля в печати сопровождалась угрозами по телефону „немедленно покинуть эту страну“. Перед моим домом появлялись автомобили с неизвестными личностями, выкрикивающими угрозы по моему адресу и по адресу моей жены. Неизвестные личности взломали замок входной двери, но в дом не проникли. Пришлось обратиться в полицию. В течение длительного времени дом наш был под дружественным наблюдением полицейских патрульных машин.

В 1977 году мы с женой переехали из Нью-Хейвена в Милфорд. В 1978 году стало известно о создании Отдела спецрасследований министерства юстиции США. В 1979 году я уже знал, что ведется расследование моего „дела“. В 1980 году в Йельский университет приезжала „спецкоманда“ Отдела спецрасследований, опрашивала профессоров Славянского отдела. В начале 1981 года (точнее: 6 марта) меня самого вызвали на допрос чины все того же Отдела спецрасследований. Допрос длился больше трех часов. В ходе допроса предъявлялись „материалы“, о которых я сказал: „Все это вы получили из Москвы, из КГБ!“ Реакции не последовало.

Началась попытка ожиданием.

В январе 1982 года мне был вручен обвинительный акт.

В тот же день дом наш был осажден журналистами. Двери я им не открывал, разговаривать наотрез отказался. Появились и не-журналисты. Вели, очевидно, наблюдение. Второго февраля утром весь наш квартал был блокирован восемью полицейскими машинами. Примчалась машина со специальным контейнером, в которых увозят взрывные устройства... В газете «Нью-Хейвен реджистер» за 4 февраля появилось сообщение, в котором было сказано, что в моем автомобиле (закрытая с вечера дверь гаража утром 2 февраля оказалась открытой) найден какой-то пакет и увезен командой по обезвреживанию взрывных устройств, но в пакете будто бы ничего не обнаружено.

Начались дни и недели поисков адвоката, начались встречи с адвокатами, началась предсудебная страда, длившаяся почти четыре года.

Жизнь под прессом, жизнь в ожидании – не легкая жизнь.

2

Было ясно: с меня начинается кампания против тех, кто в публикациях Отдела спецрасследований чернятся, как пропагандисты, „пособники нацистов“. Было ясно : подготавливается показательный процесс.

Как выяснилось в марте 1982 года, показательный процесс против русских антикоммунистов был проведен в Америке еще в 1937 году... Как раз в то время, когда шли один за другим показательные процессы в Москве, посылавшие на смерть десятки, сотни людей. Странное совпадение.

О показательном процессе, проведенном в США в 1937 году, русская эмиграция узнала из статьи публициста Петра Балакшина „Дело генерала Богомольца“, опубликованной в газете «Русская жизнь» за 19 марта 1982 г.

Вот вкратце трагическая история преследования генерала Белой армии, героя гражданской войны. В 1937 году генерал Богомолец, приехавший в Америку с женой и

дочерью в 1923 году, ставший американским гражданином, получил из министерства юстиции США обвинительный акт на предмет лишения гражданства и последующей депортации.

Генералу Богомольцу было предъявлено два обвинения:

1. Обвинение в аморальном поведении, недостойном чести американского гражданина;
2. Обвинение в „бандитизме белых отрядов“.

Как возникло первое обвинение. Во время гражданской войны погибла жена генерала. Позже, в Чите, в госпитале, где он лежал раненый, познакомился с сестрой милосердия З. Они полюбили друг друга и женились, не оформив брака до мирного времени. В 1923 году переехали в Америку, где надеялись найти покой. Никогда, конечно, и не думали, что их счастливая семейная жизнь будет квалифицирована как... „аморальное поведение“.

„Базой“ второго обвинения в „бандитизме“, обвинения, ставившего целью опорочить и самого генерала, и все Белое Движение, послужил следующий эпизод. Артиллерист по образованию, генерал Богомолец занимал в Белой армии на Дальнем Востоке пост начальника дивизиона бронепоездов. Однажды, инспектируя железнодорожные пути, он стал свидетелем столкновения между американцами из Американского Экспедиционного корпуса на Дальнем Востоке и белыми русскими, – столкновения, спровоцированного большевицким агентом. На запасных путях стояли рядом два эшелона: эшелон американцев и эшелон наших. Как выяснилось позже, в ходе расследования инцидента, советский агент обстрелял из засады американский поезд. Не зная, кто стреляет, американцы открыли огонь по эшелону белых. Белые ответили огнем. Инцидент был расследован представителями обеих сторон и отнесен к непредвиденным случаям, неизбежным в суровых условиях гражданской войны.

Прошло много лет – и вот генерал Богомолец получает обвинительный акт.

В Американском Экспедиционном корпусе мало кто

говорил по-русски. Зато были в корпусе „эксперты“ и „лингвисты“, как называли на военном жаргоне переводчиков. Это были эмигранты из России, приехавшие в Америку еще до первой мировой войны, в подавляющем большинстве люди левых взглядов, сочувствовавшие большевикам, а никак не белым.

В выступлениях на суде этих „экспертов“ и „лингвистов“ борьба участников Белого Движения против интернационального большевизма была охарактеризована как „преступные бандитские операции“. „Эксперты“ и „лингвисты“ требовали изгнания из США всех участников Белого Движения.

Процесс генерала Богомольца в суде в Лос-Анжелесе длился три с половиной месяца. Защищавшие его адвокаты (к чести их!) отказались от гонорара. Несмотря на то, что адвокаты умно и с энтузиазмом вели защиту, суд вынес приговор: лишить генерала Богомольца американского гражданства и передать вопрос об его депортации в Ведомство иммиграции и натурализации в Вашингтоне.

Это был не суд, а расправа... Такими же – как раз в то же время! – были суды в Москве.

После долгих усилий адвокатам генерала Богомольца удалось все-таки предотвратить депортацию и сохранить за ним право жительства в США.

В статье „Дело ген. Богомольца“, опубликованной в «Русской жизни» за 19 марта 1982 года, Петр Балакшин писал, что дело это можно рассматривать „как прецедент к делу В. Д. Соколова-Самарина“, в котором, как и в деле ген. Богомольца, „разжигается враждебная обстановка, готовятся сомнительные свидетельства, сплачиваются силы коммунистических приспешников и попутчиков“.

Надо сделать только одну оговорку: генералу Богомольцу „пришивали“ бандитизм, мне только публицистическую деятельность.

В потоке слов моего обвинительного акта, окружающих суть дела, суть обвинения, можно было увидеть еще нечто о „движениях, враждебных США“. О каких именно „движениях“ шла речь, не уточнялось. Во время Второй

мировой войны шло становление Русского Освободительного Движения, как силы независимой, как силы антибольшевицкой, ставящей целью освобождение и построение свободной и ни от кого не зависимой России.

В этом Движении я принимал посильное участие – пером своим. Несмотря на запрет немецкого цензора писать об Освободительном Движении, мне удалось дать в последний номер «Речи» большую статью о Движении. Писал я и в «Воле народа», независимом нашем печатном органе. Тоже в последнем номере газеты, вышедшем в те дни, когда в Берлине уже началась паника, моя передовая статья, занявшая почти всю первую страницу: „Народ в борьбе“. О борьбе нашего народа против большевизма, – борьбе, начавшейся сразу после захвата власти большевиками и не прекращавшейся все годы большевицкого, коммунистического режима.

Зная о показательном процессе в Лос-Анжелесе в 1937 году, я имел все основания опасаться, что и на моем процессе тоже будут лить грязь на наше Освободительное Движение, на всех русских антикоммунистов.

Готовились к этому и мои адвокаты. За четыре года, прошедшие после получения мною обвинительного акта, мой адвокат Брайен Гилдей прочитал чуть ли не десять книг, авторы которых дали беспристрастную оценку нашего Движения, как фактора независимого.

Это книги немцев-антигитлеровцев: Вильфрида Штрик-Штрикфельда, Юргена Торвальда, Свена Стеенберга и других. Чтобы лично встретиться со Свенем Стеенбергом, адвокат летал в Германию.

Это книги беспристрастных американских историков и публицистов: Юлиуса Эпштейна, Юджина Лайнса, Александра Далина и других.

На процессе, в качестве свидетеля защиты, дал согласие прилететь из Мюнхена полковник К. Г. Кромиади (земной поклон ему!), бывший начальник канцелярии генерала А. А. Власова.

Но его – и других свидетелей, с которыми была уже договоренность – приезд не потребовался: Русское Осво-

бодительное Движение осталось вне поля внимания обвинителей. Их яростным атакам подверглась скромнейшая, малого формата, с незначительным тиражем, - орловская «Речь».

С нее начали и ею закончили.

Это, однако, не значит, что вслед за мной не будут уже никого привлекать к ответственности. Отдел спецрасследований - это десятки людей, получающих солидные оклады, и они должны показывать, что работают, действуют, ищут и находят „пособников нацистов“, в поте лица отрабатывают получаемые доллары...

Яростным нападкам трех прокуроров (Линч, Голдберг, Ейнхорн) подвергся я, как автор, корректор и заместитель редактора, выполнявший строгие распоряжения немецкого цензора.

Демонстрировались только 12 статей за моей подписью, хотя с августа 1942 года по июль 1943 года я написал десятки статей и очерков, среди них очерки по истории моего родного города, статьи на литературные темы. Выбрали искалеченные цензурой.

3

Чтобы полнее осветить показательный процесс, нужно было бы написать книгу. На это времени сейчас нет. Сейчас постараюсь осветить, по мере возможности, общую атмосферу суда. Нервное напряжение на суде усугублялось еще и тем, что за два-три дня до суда адвокату Брайену Гилдею позвонили из ответственного учреждения и предупредили: на меня и на мой дом могут быть нападения, то есть могут быть террористические акты. Начальник полиции Милфорда получил приказ организовать охрану нашего дома. Известие об охране мы с женой приняли с благодарностью.

Что же касается самой опасности, то еще в 1982 году я сказал себе и моей дорогой жене-героине: „Мы не имеем морального права их бояться“. Знаю еще, что все в руках Божиих. На помощь Господню и уповаем.

Как и на процессе ген. Богомольца, на моем процессе выступали „эксперты“, именуемые свидетелями обвинения. Вот они: Хёрстин, Эпстин, Софар, Хейман, Кохэн... Первый - историк. Среди остальных бывшие инспекторы УННРА и ИРО.

Их целью было доказывать, что такого „пособника“, как я, не впустили бы в США, если бы впускавшие не потеряли бдительности.

С моей стороны выступал бывший видный работник тех же УННРА и ИРО м-р К. Смит, прилетевший из Аризоны. Он, на основании фактов и соответствующих документов, опровергал утверждения „экспертов“ обвинения. Вслед за м-ром Смитом выступила - в качестве моего свидетеля - профессор Питтсбургского университета Л. Г. Келер, бывшая переводчица УННРА и ИРО. Она подтвердила свидетельства м-ра Смита.

В качестве моих свидетелей выступали еще бывшие коллеги по Йельскому университету: проф. А. Шенкер, долголетний глава Славянского отдела, принимавший меня в университет в 1959 году в качестве преподавателя русского языка (последние годы перед отставкой моей звание было: старший лектор), проф. Чарлз Мозер и Карл Хилле, мой бывший студент, а позже коллега, ныне сотрудник американской делегации в ООН.

Адвокатам мною был представлен список свидетелей - около двадцати человек. Ограничиться должны были пятью, так как прокуроры ограничили число своих свидетелей.

Теперь только два эпизода из многих. Заявление мое и так не короткое.

Один эпизод из опроса м-ра Хёрстина моим адвокатом. В числе прочего адвокат спросил историка, каково было число жертв сталинского террора между 1937 и 1941 годами. Историк замялся, но тут же нашелся, сказал, что он прочитал две книги: книгу Роберта Конквеста „Большой террор“ и еще какую-то книгу, автора которой не помнит. „Цифры не сходятся“, - не дрогнув бровью, сказал историк, подвергнув, таким образом, сомнению чудо-

вишные цифры потерь России в годы сталинщины.

Еще один эпизод, связанный с моим допросом. В числе других вопросов прокуроров был вопрос об угрозе поражения России гитлеровским режимом.

Я ответил так: „Мы антибольшевики, не боялись этой угрозы. Россию поработить нельзя. Россия – это 21 миллион квадратных километров. Если по одному солдату-оккупанту поставить на квадратный километр, нужна армия в 21 миллион человек. У кого есть такая армия? У Гитлера такой армии не было“.

Признаюсь: только первая и последняя фразы мои. Остальное – не мое. Остальное я слышал в 1944 году и запомнил на всю жизнь. Эти крылатые слова были сказаны на многолюдном собрании русских антикоммунистов под Берлином, в конце 1944 года, – человеком умным и смелым. Он начал говорить еще что-то о „недоучившемся ефрейторе“, но договорить ему не дали: его голос заглушил гром аплодисментов.

Чтобы дать возможность читателям моего Заявления для печати почувствовать атмосферу, царившую на суде надо мною, сообщаю, что на каждом заседании, „от звонка до звонка“, сидел атташе советского посольства в Вашингтоне А. Б. Бугаев. В перерывах на обед он был в обществе прокуроров. Жил в том же отеле города Вотерберри, где жили они. Дня за четыре до конца процесса его сменил похожий на него человек, с той же военной выправкой, не снимавший черных очков.

Коллаборация Отдела спецрасследований с КГБ проводится уже ряд лет. Проводится коллаборация интенсивно, хотя и не афишируется. Все делается шито-крыто.

Так, о контактах тогдашнего директора Отдела спецрасследований Райена с КГБ стало известно еще в 1981 году из статьи некоего Давида Шкибмана „Охотник за нацистами“, помещенной в локальном, с малым тиражем, журнале Дартмутского колледжа, где мистер Райен когда-то учился, – «Дартмут-мэгазин» (Alumni Magasine «Dartmouth», Jan.-Febr. 1981).

В этой статье сообщается:

„В прошлом году Райен лично посетил СССР, где встретился с Генеральным прокурором Романом Руденко, бывшим советским обвинителем на Нюрнбергском процессе, занимавшим виднейшее место в русской юридической системе“.

„В СССР со мной добросовестно сотрудничали, – говорит Райен, – и передали мне данные, заслуживающие полного доверия“.

Как известно, никакой „русской юридической системы“ не существует. Существует советская террористическая карательная система, в которой генерал КГБ Руденко действительно занимает виднейшее место, залитое человеческой кровью!

В 1982 году в советском журнале «Жовтень», выходящем на Украине, в номере за октябрь, помещена статья прокурора Львовской области В. Антоненко под названием „Тише, эмигранты!“, в которой описывается пребывание в СССР группы представителей все того же Отдела спецрасследований во главе с тогдашним помощником директора этого Отдела Н. Шером (ныне Н. Шер – директор Отдела спецрасследований).

Шер возглавлял группу прокуроров и следователей упомянутого Отдела в следующем составе: Г. Рапопорт, Б. Фельбаум, К. Фельдман, Н. Москвиц, К. Кольман, Р. Смит.

В статье своей В. Антоненко пишет: „С этой группой прокуроров мы работали в полном контакте, без каких-либо недоразумений. Все было сделано в полном согласии. Они с благодарностью покинули нашу страну“.

С благодарностью за полные портфели фальшивок, сфабрикованных в КГБ?

Зная обо всем этом, я несколько не удивился, увидев в первый же день процесса атташе советского посольства в Вашингтоне А. Б. Бугаева, а потом человека в черных очках.

Интересно было наблюдать за ним, когда в предпоследний и последний день процесса у меня появилась возможность сказать, что я думаю о коммунизме, едино-

утробном брате национал-социализма, что об этих режимах думает наш народ, какие жертвы понес он за 60 лет.

4

В судах такого рода нет присяжных, о чем я не раз пожалел. В судах такого рода нет последнего слова подсудимого: не положено. Это слово (даю его ниже) было передано, в переводе на английский язык, журналистам.

МОЕ СЛОВО

Меня судят за то, что я писал сорок лет назад.

Меня судят за то, что я писал не в Америке, где живу уже тридцать четыре года, а совсем в другой стране, на моей родине.

Меня судят за то, что писал я против евреев, в то время, как я писал против евреев-коммунистов.

Как я отношусь к евреям-антикоммунистам, могут засвидетельствовать сами евреи – мои друзья.

Меня судят за то, что я якобы коллаборировал с гитлеровским режимом. С гитлеровским режимом я не коллаборировал. Этот режим был враждебен мне и всем русским людям, как и режим большевицкий, коммунистический.

Я был участником Русского Освободительного Движения, которое существовало в глубоком подполье еще до прихода немцев, и не немцы использовали Русское Освободительное Движение, возглавленное во время войны генералом-антикоммунистом Власовым, а Русское Освободительное Движение использовало немцев в целях борьбы против большевизма. Для борьбы против большевизма нужно было оружие, и оно было получено на договорных началах.

Задачей Русского Освободительного Движения было освобождение России от большевиков и построение свободной, независимой России.

Свободная и ни от кого не зависящая Россия – вот что было всегда мечтой моей жизни.

Гитлеровский режим угрожал Америке сорок лет назад. Теперь этого режима нет. Он давно исчез. Он сметен с лица земли.

Теперь Америке угрожает совсем другой режим, вооруженный до зубов, смертельный враг ее – коммунизм, утвердившийся, вопреки воле народа, на моей родине – в России.

Коммунизм и мой смертельный враг, и против этого врага я боролся словом правды всю свою сознательную жизнь. Я писал против коммунистов и только против коммунистов, какой бы национальности они не были. Писал и продолжаю писать.

В 1943 году мое слово не было свободным, так как я должен был подчиняться строгим требованиям немецкой цензуры.

Повторяю: коммунизм – смертельный враг Америки, и вот с этим врагом коллаборируют те, кто возбудил против меня дело, кто обвиняют меня, и я вправе спросить, почему не привлекаются к ответственности те, кто коллаборируют с коммунистическим режимом в России, олицетворяемым КГБ?

Ведь это КГБ атаковало меня в 1976 году, ведь это из КГБ получены все „материалы“, которыми пользуется Отдел спецрасследований министерства юстиции США.

В частности, демонстрировалась какая-то „клятва“ Гитлеру, якобы мною подписанная. Вот, в газете „Нью-Хейвен реджистер“ за 9 июля 1982 года сообщалось, что в КГБ подделали подпись президента Рейгана под фальшивкой, которая распространялась в свободном мире по каналам КГБ. Так вот, если в КГБ подделали подпись президента США, то почему не могли подделать мою подпись?

Моя родина, Россия, в плену у коммунизма, однако, я твердо верю, что коммунистический режим будет народом сброшен, и Россия станет свободной. Но моя жизнь подходит к концу, и я вряд ли увижу свою родину сво-

бодной. Я бесконечно благодарен Америке, давшей мне убежище, и здесь, на американской земле, я хотел бы умереть.

За десять лет, которые прошли с тех пор, как нелюди из КГБ начали против меня травлю, мне и моей старой и больной жене пришлось пережить столько, сколько мы не пережили за всю нашу жизнь, хотя немало было в жизни нашей тяжелого. Надломилось и ее, и мое здоровье.

Не достаточно ли этого, чтобы мы обрели, наконец, в конце нашей жизни покой, хотя бы относительный покой? Должна же быть справедливость в великой стране, принадлежащей великому народу!

5

На суде не было речи адвоката: не положено. Зато он выступал не раз, задавая вопросы „экспертам“ обвинения. Немало вопросов задал и мне – после потока вопросов прокуроров. На вопросы адвоката можно было отвечать не короткими „да“, „нет“, чего требует процедура суда, а развернуто, особенно в тех случаях, когда вопросы касались жизни нашего народа, отношения народа к коммунизму и т. д. Не вынесен на суде и приговор. Приговор вынесет судья после того, как будет получен от обвинителей и адвокатов так называемый „бриф“, то есть объяснительные записки – на многих страницах. На это дается два месяца. После этого и будет вынесен приговор. Когда это будет – неизвестно. Каков будет приговор – тоже неизвестно.

В заключение только несколько слов. Что бы ни ждало меня впереди, что бы ни пришлось пережить еще мне и моей бедной, моей дорогой жене, надо положиться на волю Господню. Только на Него наше упование.

Мы помним и знаем: Бог сильнее дьявола и его подручных!

В. Д. Соколов-Самарин

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Главному редактору альманаха «Вече»
О. А. Красовскому.

Глубокоуважаемый Олег Антонович!

Прошу Вас опубликовать в ближайшем номере «Веча» следующее письмо в редакцию.

В альманахе «Вече» № 19, в статье „О белых и серых“ член НТС Олег Поляков пишет о «Нашей Стране» следующее:

„Есть одна газета, особо специализировавшаяся не столько на антикоммунистических выступлениях, сколько на непрерывных, необоснованных и вздорных нападках на НТС. Недавно в этой газете, под броским, претенциозным заголовком „Двоеверие“ с подзаголовком: „Для «Посева» нет разницы между красными и белыми“ написано, что историк Николай Росс, написавший предисловие к книге Ларионова „Последние юнкера“ сказал, что в гражданскую войну с обеих сторон были „героизм и жестокость, идейность и шкурничество“. Что касается жестокости и шкурничества, было это, увы, и у белых – достаточно прочесть упомянутую мною книгу Шульгина или, еще лучше, воспоминания самого генерала Врангеля, вынужденного расстрелами наводить порядок в армии и особенно в тылу. Что же касается идейности, то она была не только у белых – именно, подлинно белых, а не серых, по определению Шульгина, – но и у красных, с той только разницей, что белые служили идейно правде и добру, а многие красные, по злой воле или в результате обмана – идейно служили злу. Признание того, что у белых, и у красных были идейные борцы, отнюдь не означает, что ставится знак равенства между идеями. Но книга издана «Посевом» и не опорочить ее для газеты было невозможно“.

Олег Поляков, увы, намеренно вводит в заблуждение читателей «Веча». Подзаголовок «Нашей Страны» относился к целому абзацу, из которого Олег Поляков нарочито выхватил всего лишь несколько слов. Вот полный пассаж „историка“ Росса, возмутивший «Нашу Страну».

„В течение двух лет по югу страны волнами прокатывались белые и красные войска, неся на своем пути разорение и смерть для сотен тысяч людей. У тех и других были героизм и жестокость, идейность и шкурничество. За светлое будущее России боролась и „белая“ и „красная“ молодежь, идущая на смерть „за власть Советов“ или „за Русь святую“. (См. «Наша Страна» № 1805 от 2 марта 1985). В том же номере отмечалось, что в своем предисловии Николай Росс пытается умалить значение небольшевицкой историографии. По словам этого члена руководства НТС, посвященные гражданской войне белые издания „носили любительский и эмоциональный, нежели подлинно исторический характер“.

Впрочем О. Поляков не ограничивается этой подтасовкой. Он пишет: „Книга Ларионова прекрасна, написана искренне, с подлинным национальным чувством, и если кто-либо, прочтя клевету на нее не прочтет книгу – многое потеряет“. Во-первых, «Наша Страна» ни словом не обмолвилась о самой книге Виктора Ларионова, а коснулась в заметке только лишь предисловия Н. Росса. Во-вторых, поскольку воспоминания Ларионова действительно прекрасны и написаны с острым белым накалом, то вполне ясно, что предисловие имело целью ослабить, притупить эффект самой книги; мол, красные были такими же героями.

Что касается „нападков“ «Нашей Страны» на НТС, то они отнюдь не вздорны и не необоснованны, а обусловлены весьма шаткой политической платформой этой партии, допускающей, например, россковский (розовый) тезис: „красная молодежь боролась за светлое будущее России“.

Михаил Киреев

Издатель «Нашей Страны», Аргентина

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЗАЯВЛЕНИИ М. КИРЕЕВА

Прочел я письмо г-на Киреева в редакцию «Вече» и несколько недоумеваю: чего добивается автор письма?

Прежде всего, г-н Киреев уверяет, что я „намеренно ввел в заблуждение читателей «Вече». Он упрекает меня, что я не привел весь абзац, взятый из предисловия Н. Росса к книге В. Ларионова „Последние юнкера“ напечатанный в «Нашей Стране». Но с каких пор это повелось, что рецензент и критик должен **полностью** передавать критикуемый материал? С таким же основанием можно было бы потребовать от «Нашей Страны», чтобы она не выхватывала отдельный абзац и строила на нем какие-то свои заключения о Н. Россе, а напечатала бы все предисловие.

Но в данном конкретном случае спор беспредметный. Если прочесть внимательно и беспристрастно то, что я написал по поводу выступления «Нашей Страны» о Н. Россе, то видно, что я не обошел **ни одного** вопроса, затронутого как Н. Россом, так и «Нашей Страной».

Г-н Киреев обвинил меня в „подтасовке“. Но я осудил надуманные, тенденциозные нападки на Н. Росса не только по существу, но и за то, что этим опорачивается сама книга В. Ларионова. Г-н Киреев старается оправдаться: мол, книга – одно, предисловие – другое. Но в любом издательстве, соблюдающем издательскую этику, книга не издается с предисловием, с которым не согласен автор. Любой здравомыслящий человек понимает, что порочить предисловие – это порочить саму книгу. Написал бы г-н Киреев в своей критической заметке о Н. Россе, что предисловие плохое, а книга отличная – не было бы настоящего спора. Но ведь г-н Киреев этого не

написал. И более того: до сих пор, насколько мне известно, и как можно понять из нынешнего его письма, он еще не удосужился опубликовать рецензию на эту книгу. Но зато время и место нашлось для рецензий на такие книги (я беру примеры из нескольких последних номеров «Нашей Страны»), как Л. Геллер „Вселенная за пределами догмы. Советская научная фантастика“, И. Ефремов „Лезвие бритвы“ (издано в Москве в 1964 году!), журналы «22», «Континент», «Время и мы», снова пережевывается Левитин-Краснов. Интересно, что еще читают сотрудники «Нашей Страны»?

Последний вопрос – о нападках на НТС. Дискутировать о том, что представляет собой НТС я не собираюсь – для этого нужен определенный интеллектуальный уровень, знание процессов, происходящих в подсоветской России и обязательно стремление к достижению истины. Мне же неясно, чего добивается «Наша Страна», и какому богу она служит, а также претит зашательский, советский стиль ведения дискуссии, практикуемый этой газетой. Я не оговорился, когда назвал этот стиль „советским“. Я уже писал г-ну Кирееву в частном письме, что стиль, словарь, методы и тон, все доводы в нападках «Нашей Страны» на НТС **ничем не отличаются** от словаря, тона, аргументации статей, печатающихся в СССР о НТС. Сейчас такие же нападки начались на «Вече».

Письмо г-на Киреева касается моей статьи в «Вече» № 19. Неплохо бы было, если бы г-н Киреев процитировал два следующих абзаца из этой статьи, первый о том, как В. Рудинский, этот главный „идеолог“ «Нашей Страны», осмелился без какого-либо основания обвинить редакторов «Вече» в подлоге, а в следующем абзаце я высказал свое мнение о тех, кто сеет смуту, ссоры и пустые пререкательства в эмиграции. „Каждая наша эмигрантская бессмысленная ссора, – писал я, – каждое несправедливое обвинение какого-либо политического деятеля в эмиграции – только радость для КГБ. Впрочем, многие из этих споров, ссор и обвинений искусно провоцируются агентами КГБ“.

На этом я закончу первую, полемическую часть своего выступления, часть, которую я писал без особого удовольствия, так как принципиально не вмешиваюсь в перебранки, как бы меня ни пытались оскорбить мои оппоненты. Но в данном случае затронут очень важный, очень существенный вопрос: что представляла собой русская революция и, что еще важнее, что представлял собой русский народ в этой революции.

Есть две схемы.

По одной, русская революция была бунтом черни, стремящейся только ко злу и руководимой только злыми, изменными инстинктами и побуждениями. Так как за большевиками пошло большинство русского народа, то, следовательно, русский народ - чернь, люди, которые только и ждали момента, когда можно начать грабить, жечь, убивать и насиловать. И советская власть, со всеми ее жестокостями и стремлением повергнуть в рабство весь мир, продукт низости русского народа, народа без веры, без совести и без светлых идеалов.

По второй схеме, русская революция была следствием искреннего стремления народных масс улучшить положение как в самой России, так и во всем мире, но это стремление использовали злые силы, как внутри страны, так и за рубежом, и направили силы народа по ложному, часто преступному, пути.

Прав Н. Росс, когда писал, что и у белых, и у красных были идейные люди (г-н Киреев бесчестно передергивает, заявляя, что тезис Н. Росса: „красная молодежь боролась за светлое будущее России“), что русская молодежь, и „белая“ и „красная“ боролась за светлое будущее России. Одна, „красная“, которую обманули (причем обманули вдвойне, убедив, что она борется не только за счастье России, но и всего мира), пошла с большевиками; другая, „белая“, та, которую не удалось обмануть, выступила с оружием в руках против большевиков. Так что ироническое, скорее же заушательское по отношению к Н. Россу выступление г-на Киреева **оскорбительно по отношению к русскому народу, по отношению к русской**

молодежи. Не только оскорбительное, но в нынешних условиях **предательское**, потому что это поддержка русофобов.

Разве г-н Киреев не понимает, что своими нападками на Н. Росса он становится в один строй с русофобами, обливающими грязью русский народ? С Синявским, Агурским, Пайпсом и многими, многими другими, теперь их развелось несметное количество, ведущих бешеную работу по культурному геноциду русского народа и подготавливающих геноцид физический? Ведь они – русофобы – утверждают как раз то же самое, что утверждает г-н Киреев: была небольшая, идейная, боровшаяся за счастье России группка белых, а кругом было безбрежное море черни, мерзавцев, **сознательно** боровшихся за разрушение не только России, но и всего человечества, всей цивилизации. И именно это море черни – утверждают русофобы, – а не горстка идейных и честных белых, определяет лицо русского народа.

Г-н Киреев, помимо прочего, своими утверждениями умаляет подвиг Белой армии: хорош героизм, если не сумели справиться с чернью.

Я верю в светлую душу русского народа, русской молодежи, всегда – и в гражданскую войну на какой бы стороне эта молодежь ни была, и сейчас, и в будущем. Я знаю, что русская молодежь – да и не только молодежь, весь народ, – были соблазнены лживыми посулами, лживой утопией „светлого коммунистического будущего“, поверила, что большевики приведут их к добру.

Меня спросят: а как же с расстрелами, с насилиями, как это мог допустить народ, как это терпела эта идейная красная молодежь? Прежде всего, в расстрелах повинны, главным образом, не русские и, конечно, не молодежь: террор дело рук тех, кто сидел в чекистских кабинетах, а там были, в своем большинстве, не русские люди. Кроме того, большевики, не брезгуя ничем, пользовались услугами деклассированных, преступных элементов и провоцировали крестьян на поджоги и разграбление помещичьих усадеб. Но самое страшное то, что Ленин и его

банда (впрочем, и до него старалась „передовая интеллигенция“) убедили всех приверженцев революции, что террор при ней неизбежен. Как доказательство приводили пример французской революции. Они убеждали молодежь, что для построения „нового мира“ нужно „расчистить место“ – уничтожить старый мир и т. п. Соблазненная утопией нового мира, молодежь искренне поверила, что террор неизбежное зло на пути к добру.

Меня также могут упрекнуть в том, что наличие соблазнителя не оправдывает от вины соблазненного. Это, конечно, так, но все же наличие соблазнителя, под видом служения **добр**у склоняющего ко злу, большое облегчающее вину обстоятельство. Да как не соблазниться русской молодежи! В течение целого века русскую молодежь развращали всевозможными „передовыми“ идеями, завезенными с Запада. И не только молодежь, но и все общество, особенно интеллигенцию. Соблазнялась не только молодежь, но и государственные мужи, как, например, царские генералы, забывшие свою присягу и изменившие своему Государю в тяжелую минуту.

Нет, не чернь с преступными наклонностями русские люди, и русская молодежь, поверившая большевикам, не была преступной, она верила, что творит добро. В этом самая большая трагедия русской революции, что злым силам удалось спровоцировать кровавую междоусобицу русского народа, русской молодежи. Мы должны всегда – и в прошлом, и в настоящем, и в будущем, – четко различать во враждебном нам большевицком, советском лагере тех, кто **сознательно** враг России, враг всему цивилизованному человечеству, а кто попал в этот лагерь соблазненный – таких было большинство в первые годы советской власти, но и сейчас предостаточно: или же удерживается в этом лагере страхом и силой – сейчас таких большинство. Но молодежь, да и весь народ, прозревает, начинает видеть истину, у советской власти уже нет сил, как в сталинские времена, уничтожать физически всех прозревших. Идет процесс национального и духовного возрождения и в нем наша надежда, наше упование. Но

для того, чтобы он шел быстрее и успешнее, мы не имеем права плевать в тех, кто еще не прозрел, кто еще среди соблазненных, кто еще не сбросил, пока духовно, ярма советской власти, хотя, казалось бы, имеем право упрекать: мы, мол, не соблазнились, устояли, а вы нет. Мы не должны **соблазняться** молитвой фарисея, но всегда помнить Слово Господне о блудном сыне.

„Настоящий патриот видит не только духовные пути своего народа, но и его соблазны, слабости и несовершенства. Духовная любовь вообще не предается беспочвенной идеализации, но созерцает трезво и видит с предметной остротой. Любить свой народ не значит льстить ему или утаивать от него его слабые стороны, но честно и мужественно выговаривать их и неустанно бороться с ними. Национальная гордость не должна вырождаться в тупое самомнение и плоское самодовольство; она не должна внушать народу манию величия. Настоящий патриот учится на политических ошибках своего народа, на недостатках его характера и его культуры, на его исторических крушениях и на неудачах его хозяйства. Именно потому, что он любит свою родину, он пристально и ответственно следит за тем, где и в чем его народ не находится на надлежащей высоте; он не боится указывать на это...“

И. А. Ильин

Итак, русский народ нуждается в покаянии и очищении. Десятки лет суще-дьявольского большевизма, – уже очистили одних и затоптали в грязь других. И вот, очистившиеся должны помочь неочистившимся восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутье к злу, чувство чести и способность к верности. Без этого – Россию не возродить и величия ее не воссоздать. Без этого русское государство, после неминуемого падения большевизма, расплзется в хлябь и в грязь.

Все трудности этого покаянного очищения должны быть продуманны и преодолены: у религиозных людей в порядке церковном (по исповеданиям), у нерелигиозных людей – в порядке светской литературы, достаточно искренней и глубокой, а затем в порядке личного совестного делания. Надо понять и продумать до конца природу того растлевающего яда, которым орудуют коммунисты; все возможности и силы государства перенапряжены и использованы до конца для того, чтобы сделать людей лживыми и трусливыми рабами. И вот, этого лживого и трусливого раба русский человек должен отыскать в себе, проследить во всех закоулках своей души и извергнуть его так, как подобает человеку свободному, достойному и духовному. Без этого Россия не возродится“.

И. А. Ильин

Вероника Аренс-Пулавская

НОВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ КНИЖНОГО МАГАЗИНА

G L O B U S

A SLAVIC BOOKSTORE

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, пластинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам.

ВЫПОЛНЯЕМ ЗАКАЗЫ ПО ПОЧТЕ

Адрес: 332 Balboa Str. San Francisco, CA 94118
Т. (415) 668-4723

МАГАЗИН ОТКРЫТ ЕЖЕДНЕВНО
(кроме воскресенья)
С 10 до 6 ч.

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера 15 нм
подписка на 4 номера 50 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера 9 ам. долл.
подписка на 4 номера 30 ам. долл.

Пересылка простой почтой в Европе и воздушной почтой за океан включена в стоимость подписки

Цена отдельного экз. „Вече“ №№ 1, 2 и 3 в Европе — 24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Цена сдвоенного № 7—8 „Вече“ — в Европе 24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Желаю оформить подписку
на 4 номера альманаха „Вече“, начиная с №.....

Фамилия, имя

Адрес

.....

.....

Оплату произвожу почтовым переводом
приложенным чеком

Заполненный талон, чек или почтовый перевод
просим направлять:

RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройном значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VIIА С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**